

АЛЕКСЕЙ БОРКОВ

НИКОГДА НЕ БЫЛО, НО ВОТ ОПЯТЬ
ПОПАЛ 2

Annotation

Продолжение приключения героев первой книги "Никогда не было, но вот опять. Попал" в городе Барнауле.

Никогда не было, но вот опять. Попал 2

Глава первая. Отступление 1.

Когда за непонятными и страшноватыми посетителями закрылась дверь, Михаил Исаакович взглянул на понуро стоящего племянника, покорно ждущего дядюшкиного напутствия и постарался ожиданий этих не обмануть:

— Илюша ты никак вообразил себя Давидом, сокрушившим Голиафа, а может даже самим Самсоном с ослиной челюстью в руках. Если да, то походи к тете Саре и погляди на себя в зеркало. Там увидишь что ни на того, ни на другого ты не похож. Ты должен не дубиной махать, а думать мозгом. У тебя эти бандиты про цену сережек спрашивали?

— Спрашивали.

— И что ты им сказал?

— Сказал, что сережки стоят сто рублей.

— Вэй! Я, наверное, зря теряю время, чтобы вбить в твою голову немного ума. Ну да ладно! Про этих двоих, чтоб никому ни слова и сам забудь про них. Понял? — Дождавшись от племянника кивка, продолжил:

— Ну, раз понял, то скажи Федька Сомов так и не появился?

— Как позавчера ушел за этим бородатым, так и пропал. Дома его тоже нет. Левчик ходил к нему.

— Так.... Скажи Левчику, чтобы снова сбежал в «табачную лавку». Пусть посмотрит что там. Сам же расспроси соседских мальцов, может, кто из них видел, куда пошел Сом.

Оставшись один, Михаил Исаакович взял со стола оставленные этим бандитом камни и отправился снова открывать сейф. Уложив камешки в шкатулку, закрыл сейф и вернулся к столу. Налил из графинчика полрюмки, поднес ко рту, но пить не стал, а поставил рюмку снова на стол и, глядя на ее хрустальный блеск, задумался.

Прежде всего, до слез было жалко денег, которые пришлось отдать этому Бендеру. Не хотелось признаваться, но что греха таить — испугался и испугался изрядно. Поверил, что тот действительно мог перерезать ему горло. Попытался представить себе облик этого бандита и с удивлением понял, что кроме бороды и усов ничего вспомнить не может. Нет еще взгляд, когда тот про деда своего говорил, нехороший такой взгляд, холодный и равнодушный и какой-то бездумный, как у кошки. Еще было в его внешности что-то непонятное. Какое-то несоответствие. А ведь борода и усы не его. Точно! Как это он сразу не догадался. И борода и усы приклеены. А у этого бугая Тора морду под платком совсем не видно и он даже слова не произнес, так и стоял столбом. И что этот Бендер про Сома говорил? Покойником вроде обозвал. И про Голована знает и что Левчик ни в какую табачную лавку не бегал. И что это значит? А это значит, что их тут целая разбойничья шайка и потому обязательно надо Головану рассказать об этом борзom молодце. Пусть Голован сам разбирается с этим наглецом.

Приняв такое решение, Михаил Исаакович успокоился, и, взяв со стола рюмочку с водкой, не спеша выпил, закусил и стал ждать вестей от племянников.

Первым пришел Илья и, светя изрядным синяком, сказал:

— Соседский малый видел, что Сом по Тобольской пошел к реке, а за ним вроде два пацана двинули. Пацанов этих он раньше не видел. Говорит, что пришлые.

— К реке, говоришь, Сом пошел. А сбегай-ка ты тоже к реке и погляди. Там вроде сбоку

от тропинки овражек есть. Загляни и туда.

Племянник кивнул и ушел. Михаил Исаакович посидел немного, решая налить еще водочки или подождать до ужина. Подумав, что за ужином можно и коньячку хлопнуть, взялся за графин, чтобы налить еще полрюмки. Но тут прибежал запыхавшийся Левчик:

— Ну что там? Видел кого?

— Неа. Там полиция. В дом никого не пускают. Народ возле ворот толпится. Говорят, что хозяина не то убили, не то он сам помер. Видел, как кого-то накрытого на носилках из дома выносили и в карету грузили. Потом городской вышел и всех прогнал от забора. Ну а я сюда побёг.

— Так. А вчера ты с дядькой Гаврилой о чем говорил?

— Я вчера же вам рассказывал.

— А ты снова расскажи и подробней.

— Да я ему только передал то, что вы поручили.

— А он? Он что говорил?

— Ничего не говорил, только рукой махнул и ушел в дом.

— Понятно. Ладно, иди и никому ничего не рассказывай.

Левчик согласно мотнул головой и убежал. Михаил Исаакович все-таки налил себе еще полрюмки и выпил. Посидел немного, ожидая привычного опьянения и расслабления. Но не дождался. От выпитого и переживаний начала болеть голова. «Выйти на двор, свежим воздухом подышать что ли» подумал он и, встав из-за стола, хотел пройти через черный ход, но постояв, прошел в торговый зал, проверить надежно ли заперта входная дверь.

Проверив засов и потолкав дверь, повернулся и оглядел небольшой зал. Как там говорил этот наглец Бендер: «Тускло мол всё, камни не сверкают и золото не горит». Походил вдоль прилавка, вглядываясь через стекло на лежащие украшения, поморщился, разглядев две глубокие царапины на одном из стекол и оглядел стены. А ведь, пожалуй, прав наглец. Тускло и скучно. Нужно над этим подумать. Еще раз, оглядев зал, вздохнул и пошел обратно в кабинет. Сел за стол и стал массировать виски и шею, стараясь если не прогнать, то приглушить головную боль.

За этим занятием и застал его племянник Илья.

— Нашел что? — Спросил его Михаил Исаакович. Глянул на племянника и увиденное ему не понравилось. Илья был бледен как покойник. Губы его нервно кривились, лоб покрыт испариной, руками он производил странные движения, то потирал ладони, то что-то стряхивал со своего пиджачка. Он попытался, что-то сказать, но вдруг, схватившись ладонями за рот, выскочил из кабинета, не закрыв дверь. Удивленно посмотрев ему вслед Михаил Исаакович было поднялся посмотреть, что там с бедным Илюшей, как тот снова вошел в кабинет вытирая губы рукавом. Лицо его было уже не бледным, а каким-то зеленоватым. Дядюшка, увидев это, покачал головой и, плеснув из графинчика в рюмку, протянул ее племяннику. Тот схватил рюмку дрожащей рукой и опустошил одним глотком.

— Садись и рассказывай.

— Они там, в овраге — мертвые.

— Кто?

— Сом и эти двое, которых Левчик позвал. Похоже, тех двоих Сом зарезал, а кто-то его самого убил. Я сильно не рассматривал. Воняет там, и мухи зеленые. Вырвало меня и, пока сюда шел, еще два раза проблевался.

— А в коридоре?

— Нет. Нечем уже.

— Ладно! Иди умойся. И чтобы никому ни слова.

Племянник ушел, а Михаил Исаакович, чувствуя, как от запоздалого испуга, по спине побежали мурашки, призадумался. Да как тут не призадумаешься? Снова вспомнил холодный и равнодушный взгляд ледяных глаз этого бандита, скрывшего свою зверскую рожу под накладной бородой и передернул плечами, почувствовав прямо таки могильный холод. Выходит прав этот проклятый поц. Пять тысяч теперь не казались потраченными напрасно. Наоборот, еще дешево отделался. По самому краешку прошел. Выходит, раз этот бандит расправился с тремя не слабыми мужиками, да ещё самого Голована завалил, в чем теперь он почти не сомневался, то бедный еврей ему на один зуб. И что теперь делать?

Чтобы прогнать дурные мысли он снова налил рюмку и выпил не закусывая. Посидел, бездумно глядя в угол, употребил еще водочки и почувствовал, что наконец-то хмель затуманил мозги и захотелось спать. Он, пошатываясь, прошел в спальню и там, не раздеваясь, бухнулся на кровать, чтобы встать на следующее утро с не хилой головной болью, как в прямом, так и переносном смысле.

Через день после этих событий, поправив здоровье и выспавшись, он стал размышлять, что делать и как быть? О том, чтобы идти в полицию и рассказать о наглом налете, даже и мысли не возникло. И даже не потому, что этот бандит Бендер ему пригрозил. Не дай бог вскрыется его связь с Голованом. Это очень хорошо, что тот так во время издох.

Городовой Емельян Фалалеев, которому он регулярно подбрасывал рубль-другой, сообщил, что Голован умер от «удара», мол доктор, господин Соломатин так сказал. Михаил Исаакович поахал, сокрушенно помотал головой, но нисколько не поверил в естественную причину смерти матерого уголовника. А когда Фомин сказал, что в доме Голована полиция не нашла ни денег, ни каких либо других ценностей, то всякие сомнения в том, что проклятый бандит, так ловко отнявший у него самого изрядную сумму, так или иначе принял участие и в безвременной кончине другого бандита, отпали окончательно.

Вдобавок на следующий день нашли трупы Сома, Гуни и Бобыря, и полиция определила, что произошла ссора между ними, и они перебили друг друга. Узнав от городского последние новости, Михаил Исаакович решил не будить лихо, а прислушаться к словам этого непонятного Бендера или как его там. И не только прислушаться, но и, пожалуй, принять его предложение об участие в совместных делах, если они не уголовные. Хватит одного Голована, чтоб его черти на том свете прожарили хорошенько. А вот камешки можно и взять. Тем более, что дядя Соломон еще раз внимательно изучив камни, что оставил этот бандит, сказал, что изумруды хороши и если им придать ума, то можно поймать изрядный гешефт. Приняв такое решение, Михаил Исаакович успокоился и решил подождать следующего визита этого поддельного бородача.

Глава вторая.

Надо сказать, что посещение хитровыделанного ювелира далось мне довольно тяжело, и нравственно, и физически. Оказалось, что отыгрывать отморозка не так легко и весело как порой, кажется. Я натурально был вымотан и потому, придя в дом, где мы с пацанами квартировали, сняв надоевшую маскировку и умывшись, повалился на лавку — немного отдохнуть. Но отдыхать мне не дали, сначала парни с расспросами, а затем дед, которого я практически все эти три дня не видел. Если от парней я отделался, дав им по три рубля, отправив развлекаться, предварительно разоружив, то от деда так легко отделаться мне не удалось. Пришлось давать подробный отчет о содеянном. Дед уже привычно матюгнулся и спросил:

— Вы там, летна боль, не наследили? А то сегодня с утра к Никифору городской приходил, про нас расспрашивал. Кто мол, откуда и зачем приехали?

— И что ему дядька Никифор рассказал?

— Да то и рассказал, что родственники из Сосновки приехали, масло, муку продать, ну и купить здесь кой чего.

— Ну а городской что?

— А что городской! Ему, летна боль, это все не слишком-то интересно. Главное повод, чтобы зайти был, самогону выпить на дурняка, да полтину стрясти. Сказал, что еще зайдет на нас поглядеть.

— Придет, встретим, угостим и денежку подкинем. А наследить? Так вроде не очень-то и наследили. Голован точно сам помер, а с теми бандюками вряд ли сильно разбираться будут. Наверняка в полиции они известны, так что, скорее всего, спишут на разборки бандитов между собой, на том и закроют дело. Ювелир знает, кто там наследил, но у него и самого рыльце в пушку. Да и попугал и я его изрядно. Я ведь там, в парике и с бородой приклеенной был, да и Митька морду платком прикрывал и стоял молча. Так что, даже и через ювелира на нас не выйдут. Ювелиру конечно денежек, что я с него стряс жалко, но я ему идейку одну подкинул, как деньжат подзаработать, так что наверняка болтать он не будет. А потом мы через него часть золотишка и камешки скинем.

— Экий ты борзый! Летна боль. И много денег с него слупил?

— Да немного. Пять тысяч всего.

— Скоко — скоко? Пять тыщ рублёв? — Не поверил мне дед.

— Ну да, пять тысяч. И то прогадал немного. Надо было больше требовать. Если хорошенько поднажать, да попугать, можно было и десять с него стрясти. Но я думал, что нет у него таких денег, а у него там, в сейфе гораздо больше десяти тысяч оказалась. Ну да ладно! Хватит и пять тысяч. У тебя-то как дела? Взял разрешение на добычу золота?

Надо сказать, что только в Барнауле мы узнали: Алтайское Горное управление дает разрешение на добычу золота на довольно обширной территории и потому в Томск ехать необязательно. Именно получением этой бумажки и был занят дед.

— Ишь ты быстрый какой, летна боль. Походить еще придется, да и деньжат позаносить этим кровососам надо будет изрядно. Хорошо еще Николай Степаныч помог бумагу правильно составить, да сказал к кому с бумагой этой идти и скоко денег, кому давать. А то б беда.

— Что за Николай Степанович?

— Гуляев. Знающие люди посоветовали к нему обратиться. Говорят, отец его советником по приискам служил, умер в прошлом году. Ну а сын его Николай Степаныч последнее время помогал ему в делах, потому и знает всех там, в Горной Управе.

— И много денег взял с тебя этот Николай Степаныч.

— Какое там! Отругал даже, летна боль, когда я ему деньги совал. Сказал токо, что если найдем в тайге чего интересного и необычного, то ему сообщить или доставить. Хороший человек. Только я в толк не возьму чего такого необычного можно в тайге отыскать? Тайга она и есть тайга!

Вспомнил я этого Гуляева. Даже портрет его видел в той жизни. Вроде он историей Алтайского горного округа занимался.

— Ладно, не переживай! Что-нибудь обязательно найдем. Отблагодаришь краеведа. И денег на взятки не жалея. Отобьем потом денежки. Ну а с домом как?

— Да пока никак, не до того было. Нам с тобой еще до дочки Савватеевны надо сходить, гостинцы отнести, ну и с мужиком ее поговорим насчет дома, может он чего посоветует.

Вечером перед сном размотал повязку и осмотрел ранку на боку. Мазь Бабы Ходоры оказалась действенной штукой. Ранка затянулась и выглядела как заживающая царапина. На всякий случай вновь смазал ее знахаркиным снадобьем и с помощью Митьки снова перевязал. Еще день похожу, а там видно будет.

На следующий день с утра всей толпой пошли на базар посмотреть и прикупить подарков родным. Я надел свой выходной костюмчик. Почищенный и зашитый он выглядел вполне прилично. Бороду с усами клеить не стал, но тросточку взял. Парням выдал по десять рублей, сказав, что если кому денег не хватит, то пусть обращаются ко мне. Добавлю. Денег не хватило только Антохе, у того их элементарно сперли в специально организованной давке возле кукольного балагана, где он разинув рот смотрел за приключениями Петрушки. Я посмеялся над простодушным хлопцем и выдал ему еще десять рублей, наказав не зевать и не отставать от парней.

Сам прошелся по рядам в надежде найти тонкое шелковое полотно. Решил я все-таки попытаться сшить парашют. Но ничего стоящего не нашлось, зато набрел на книжную лавку и разговорился с продавцом. Сутулый старик в очках, сначала не обратил на меня никакого внимания, но когда я завис возле прилавка, перебирая и рассматривая книги, спросил:

— Молодой человек, вы что-то ищите?

— Да вот смотрю, чтобы почитать такого интересного. Например «Три мушкетера» или «Граф Монте-Кристо» господина Дюма.

— Таких книг сейчас нет. Вот могу предложить книгу Николая Некрасова.

— Стихи?

— Нет что вы, господин Некрасов стихов не писал. Это роман. Книга старая, но занятная. Вот, пожалуйста.

Покопавшись в развале, он извлек довольно потрепанный том и подал мне. Взяв его в руки, прочитал на титульном листе — «Николай Алексеевич Некрасов. Мертвое озеро». Тезка что ли. Причем полный.

— А позвольте вас спросить уважаемый

— Павел Степанович. Павел Степанович Иванцов.

— Павел Степанович скажите, пожалуйста, а стихов поэта Николая Некрасова у вас нет.

— Некрасова? Нет, не припомню такого.

— Ну как же- «Вот парадный подъезд по торжественным дням одержимый холопским недугом ...». Или «Кому на Руси жить хорошо» — поэма. Как там? А вот:

«В каком году рассчитывай,
В какой земле угадывай
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков.
Семь временнообязанных
Уезда Терпигорева
Из смежных деревень
Заплатово, Неелово...»

«Сошлись и заспорили
Кому живется весело

Вольготно на Руси...» — дальше не помню. Поэма длинная. Неужто не читали?

— Нет. Такого не читал.

— А про деда Мазая с зайцами?

— Я же вам говорю молодой человек, что нет такого поэта Николая Некрасова. Романы Николай Алексеевич писал, а чтобы стихи, да еще такие, какие вы сейчас продекламировали, он не публиковал. Если бы они были напечатаны, то я бы мимо их не прошел. Уверяю вас.

— Извините Павел Степанович! Видимо я чего-то перепутал. Тогда порекомендуйте, что-либо интересного нам с друзьями почитать. А то парни мы деревенские читать, писать кое-как научились, а почитать то и нечего.

Дедок сквозь очки внимательно осмотрел меня, потом подал какую-то книжку.

— Вот эту посмотрите, сочинение французского писателя Габорио, или вот сочинение господина Крестовского, а если хотите почитать стихи, то вот совершенно новое издание «Стихотворений» покойного Надсона.

— Надсона? А что он уже умер?

— Два года в январе будет, как преставился.

— Нет Надсона нам не надо. Возьму, пожалуй, Габорио и «Мёртвое озеро»

Я расплатился за книги и отошел в сторону в изрядном обалдении. Это что же, если книжный дедок не врет, то этот мир не знает стихов Некрасова? Да ну! Не может быть! Хотя почему это не может быть? Ну что я помню из его творчества, кроме тех строчек, что учил наизусть еще в школе. Я ведь даже и не знал, что тот еще и романы писал, или может, там в другом мире, он никаких романов и не писал? Черт его знает, может и не писал. Ну что мне о нем известно: журнал издавал какой-то, в карты поигрывал, с женщинами вроде какие-то заморочки у него были. А у кого из творческих людей заморочек с ними не было? А вот еще вспомнил, водочный заводик товарищ имел, причем гнал там самый поганый шмурдяк, травил, можно сказать, народ, о котором душой изболелся.

Хотя это, скорее всего фейк интернетский. Любят наши господа либералы подвалить ложку-другую дурно пахнущей субстанции на хвост любому отечественному гению, если он не Солженицин, не Сахаров, или какой-нибудь, на ночь не упомянутый, Амнуэль Песах. Впрочем, против Амнуэля я ничего не имею, просто вспомнилась фамилия редкая и, полагаю, диссидентская.

А вот Некрасов, несмотря на все его закидоны, поэт первоклассный, но не мой. Полистал в свое время сборник его стихотворений, и только. Не впечатлило. Как там у Фета:

«И многое с песнями канет мне в душу на темное дно...», но вот мне не кануло, а значит, Некрасовских стихов я не заучил. А как было бы здорово, без особого напряжения, осчастливить этот мир гениальными строками, да еще и денежки за это слупить с благодарной интеллигентной публики. Но не срослось. Как говорится «увы мне».

Ну, бог с ним с Некрасовым, хотя с другой стороны интересно, как повлияло на «общественное сознание» отсутствие столь важного идеологического фактора как «гражданская лирика» такого большого поэта.

Подозреваю, что никак не повлияло, поскольку «общественное сознание» понятие настолько размытое и трудно уловимое, что сколь-нибудь исчислить его совершенно невозможно. А поскольку ни телевидения, ни интернета и в помине нет, то формируют «общественное сознание», течения более глубинные, нежели эти поэтические «бурления в воздушных». А поэзия, это по большей части, возможность «отрешиться и воспарить» над убогой действительностью. Как там у барда: «Что прелесть ее ручек, что жар ее перин, давай брат отрешимся, давай брат воспарим». Неожиданно вспомнились строчки из стихов другого поэта, хорошо характеризующие отношение поэзии и убийственной прозы бытия:

«Давным-давно, давным-давно,
Когда по северу кочуя,
Я видел лебедя крыло,
Я видел лебедя крыло...
Им подметали в чуме».

Помнится, когда в юности прочитал это впервые, меня чуть было не воспарившего, как будто мордой на асфальт уронили.

Ну а сейчас основательно «отрешиться и воспарить» не дал Архипка. Он подвел мальчишку лет десяти в замазанном и порванном костюмчике. Весь какой-то взъерошенный, малец держал в руках кепчонку и шмыгал разбитым носом. Мой «мушкетер», с ником Белый, чуть подтолкнул пацана ко мне и проговорил:

— Вот Немтырь! Смотри....

Я внимательно оглядел сначала насупившегося пацана, затем Архипку и сказал:

— Ну посмотрел и что? Белый! Не мямли, говори коротко и по делу.

— Вот его трое пацанов лупили там за рынком. — Архипка махнул рукой, показывая, где было дело. — Четвертый постарше командовал. А этот — указал он на пацана — злющий такой, его собьют, а он подымается и опять на тех троих кидается. Я того который постарше шуганул — они и сбежали. А этот говорит, что они у него ведро с кружкой отобрали и деньги.

Понятно! Архипка пожалел мальчика и привел сюда, чтобы еще и меня озаботить. Ну что ж, надо соответствовать, тем более, что стоящий напротив парнишка мне понравился. Он был похож на боевого воробышку, хоть изрядно пощипанного, но не сдавшегося.

— Так боец! Рассказывай, как дело было. — Обратился я к парню.

Тот вытер рукавом разбитый нос и стал рассказывать:

— Я на базаре воду продавал, а этот Крюк говорит, что это их место и я им должен платить по десять копеек в день, а я только пять заработал, а они все деньги, что мамка на хлеб давала, отобрали и ведро. Мамка теперь расстроится, а она и так болеет, только недавно вставать стала.

Пацан судорожно вздохнул и опустил голову.

— Понятно! Денег то много у тебя было.

— Много. Два гривенника и еще пятак.

— Белый, надеюсь, пендюлей ты тем малолетним утыркам отвесил?

— Не догнал, уж больно шустрые оказались. Но ведра у них не было.

— Ведро куда-то Шмырь утащил. — Сообщил парнишка.

— Ты, что знаешь этого Шмыря.

— Нет, не знаю. Слышал, как Крюк сказал: «Шмырь ведро оттартай». Тот ведро схватил и убежал.

— А Крюка знаешь? А впрочем, не важно. Пошли, покажешь, где тут ведра продают.

Парнишка неверяще глянул на меня, похоже было, что он очень не хотел расстраивать мать:

— Пошли, пошли! Не стой столбом.

Проходя мимо лавки, где торговали всякими сладостями, увидел стоящих там парней. Махнул им рукой. Те быстренько похватили купленные леденцы в виде коричневых петушков и двинули следом за нами.

Идти оказалось не далеко. Миновав четыре ларька, завернули за угол, а там прямо на земле, стояли ведра, какие-то бачки, бидончики, и кружки. Все было аккуратно выполнено из довольно тонкой жести.

Отдав Тохе книги, которые так и нес в руках, взял одно ведро повертел, рассматривая швы. Ведро, в отличие от привычных мне по той жизни, было цилиндрическое, но швы хорошо пробиты и запаяны, ручка из толстой проволоки была вдета в приклепанные ушки. Единственный минус — не из оцинковки. Блин! Ведь могут, если захотят, а мы в деревне в деревянных воду таскаем.

— Чем швы паял? — Спросил я бородатого широколицего продавца.

— Дык как все! Оловом швы лудим.

— Оловом? Оловом это хорошо. Не потечет?

— Керосин держит, а воду и подавно.

— Ну смотри мужик, если потечет я тебе при всем народе на голову ведро это надену.

Бородач ухмыльнулся и произнес:

— Не сумлевайся барчук, мастер дело знает.

— Ладно. Сколько просишь за ведро с кружкой.

Мужик поскреб под высоким колпаком затылок и назвал цену, услышав которую, Митька-Тор отодвинул меня в сторону и включился в процесс торговли. Минут пять они орали друг на друга. Наконец ударили по рукам и Тор, заплатив деньги, вручил мне ведро с кружкой. Я бросил кружку в ведро и протянул парнишке, но тот, набычившись, смотрел на проходящего мимо подростка и ведро не взял.

— Эй! Боец! Ты чего застыл.

— Вон Шмырь. — Указал он на пацана, который увидев мальчишку, развернулся и двинул в другую сторону.

— Белый ну-ка подтащи сюда этого Шмыря.

Архипка в три прыжка догнал, попытавшегося улизнуть, парнишку и, хотя тот был чуть выше и здоровее на вид, чем Белый и даже попытался сопротивляться, но быстро был согнут в дугу и приведен с заломленной за спину левой рукой. Чтобы тот не дергался, Белый придерживал его еще и за волосы.

— Эй! Вы чё творите? Отпустите сейчас же. — Двинулся к нам продавец ведер. Но Тор заступив, ему дорожку и демонстративно поглаживая левой рукой увесистый кулак, очень

хмуρο погляддел на враз затормозившего бородача.

— Знаешь его? — Перебил я мужика.

— А чего его знать? Никитка это Оськи Дейнеки сын. — Сказал, подойдя поближе, еще один бородач. — Он и его дружки постоянно здесь на базаре толкутся, то пьяного обшарят, то стырят чего по мелочи. Шантрапа!

— Чё ты мелешь Онисим! — Задержался продавец ведер.

— Ничего не мелю. Мне с моего места всю площадь видно. Да и гонял не раз этих шаромыжников.

Дейнека. Фамилия знакомая. Художник вроде такой был.

— Отец этого Никитки художник что ли? — Машинально спросил я.

— Художник — Засмеялся Онисим. — Сапожник он и пьяница первостатейный.

И то правда, какой к чертям художник? Дейнека спортсменов рисовал. И вроде, картина у него была, нам с парнями прямо в тему. На ней три пацана сидят на набережной и на самолет смотрят. Значит, нет тут художника Дейнеки, даже не родился еще, а есть Дейнека пьяньчуга и сапожник, и сынок его, воришка мелкий.

— Шмырь, ты ведро с кружкой куда подевал? — Спросил я начинающего воришку.

Тот искоса глянул на продавца жестянок и промолчал. Тогда я поставил на землю ведро, которое все еще держал в руках, схватил Шмыря за ухо и крепко сжав, крутанул. Парнишка взвизгнул и, указав на продавца жестяных изделий, закричал:

— Ему отдал. Дядьке Юхиму. Он гривенник обещал дать за них.

— Таак...! Значит, краденое скупаешь! — Шагнул я к бородатому Юхиму и ткнул его тростью в довольно обширное пузо.

От неожиданного и злого наезда мужик сначала впал в ступор, а затем попятился.

— Сам вор и мальцов воровать заставляешь! — Продолжал напирать я: — Тор держи его. В участок сведём, пусть ему там бока намнут за воровство.

Мужик стал затравленно озираться и закрутился, пытаясь вырваться из лап юного молотобойца Тора. Выглядело это довольно комично и я, чтобы не засмеяться, зверски оскалился и заорал:

— Где ведро, сучий потрох! Отдал и быстро! Тор отпусти его.

Отпущенный на свободу, мужичек кинулся к своим жестянкам, сдернул тряпку с предмета, на котором сидел, это оказалась искомое ведро.

— Давай его сюда.

Взяв злополучное ведро, показал его парнишке:

— Твоё?

— Ага.

— Теперь ты. — Обратился я к Никитке-Шмырю. — Посмотри на этого парня, запомни и своим передай, если кто его тронет, то очень сильно пожалеет. Кстати, боец, зовут тебя как?

— Гришка. Гришка Зотов.

— Слышал? Григорий Зотов его зовут. — Вновь обратился я к понурившемуся Шмырю. — Белый отпусти его.

Архипка отпустил пацана, поддав ему коленом под зад, для придания надлежащего ускорения. Я посмотрел на Гришку, решая, что с ним делать дальше. Отпустить и забыть, или же привлечь в качестве кандидата в ученики моим «мушкетерам». С другой стороны, если я собираюсь обосноваться в Барнауле и попытаться здесь срубить бабла для постройки

самолета, то мне нужно будет знать обо всем, что происходит и, главное, будет происходить в этом городишке. А значит, нужны свои информаторы. Поэтому пренебрегать таким ресурсом как местные гавроши не следует. Тем более парнишка мне симпатичен. Так что берем!

Что он там говорил о матери? Болеет, и недавно вставать стала? Надо глянуть. Знахарка меня на всякий случай травками да мазями хорошо затарила, может удастся помочь, тогда боевой воробышек Гришка Зотов будет мой.

— Бери вёдра Гришаня и веди нас к себе домой, посмотрим, чем мы можем помочь твоей мамке.

Парень снова шмыгнул носом, взял в руки по ведру и повел нас с базара. Архипка отобрал у него одно и пошел с ним рядом. Правильно! Раз привел парня к нам, значит, ему его и учить и опекать, но это когда мы сюда переедем.

Барнаул образца 1889 года меня откровенно разочаровал. Грязновато на улицах и площадях и это еще дождей нынче особых нет. Дожди хорошие пройдут, и утонет городишко в грязи. Дома в основном деревянные маленькие, серые, хотя попадались строения весьма занятные. Прошли мимо Горной аптеки, посмотрели на пруд сереброплавильного завода. Полюбовались на демидовский столб, поставленный в честь столетия горного дела на Алтае. Посмотрели на Горное училище, на остальные каменные постройки. Нда! Похоже сереброплавильный завод действительно погибает. Все госпостройки имеют вид пожухлый и обшарпанный, явно нуждаются хотя бы в косметическом ремонте, а финансирования, скорее всего, нет.

Я попытался вспомнить в каком году должны заводишко закрыть и не вспомнил. А ведь видел памятную плиту на новом мосту через Барнаулку, где было указано время существования завода. Кажется не то 91, не то в 93 его закроют. В любом случае ждать не долго. Хотя, что это я? Ведь это другой мир, и я сильно подозреваю, что многие события если и повторяются в этом мире, то по времени могут и не совпадать. Задумался и не услышал Митьку, который что-то говорил.

— Что ты сказал Тор? А то я прослушал.

— На фига мы с этим жлобом, что вёдрами торгует, сцепились? Сдалось тебе это мятое ведро. Ты же новое пацану купил.

— Молодец Тор! Хороший вопрос! Эй, бандерлоги! Давайте в круг. Разговор есть.

— Ты че Немтырь? Опять обзываешься?

— Шучу я Тоха, шучу. Разговор же такой. Кто мне объяснит, зачем я по-вашему прицепился к продавцу вёдер? Белый?

— Ну, это.... Ведро у этого гада отобрать.

— Так понятно. Теперь ты Грек.

— А че он у пацанов краденое скупает?

— Ну а ты Тоха, что по этому поводу думаешь?

— Ничего я не думаю, лучше вон у Митьки спроси.

— У кого?

— А.... У Тора спроси.

— Правильно. Привыкайте друг друга по позывным называть. А у Тора спрашивать не буду. Он сам об этом меня спрашивает. Объясняю. И Белый и Грек в общем-то правы. Но не это главное. Главное же в том, что мы с вами провели тренировку работы команды почти в боевых условиях.

Во выдал! Пацаны, в полном обалдении, уставились на меня, а, стоящий чуть в сторонке, Гришка аж рот открыл.

— Немтырь, ты сбрендил? Какая тренировка? — Недоуменно спросил Белый.

— Вот смотрите. Какие-то бандиты наехали на человека находящегося под нашей защитой. В данном случае это Гришка Зотов. Мы же с вами берем его под защиту? — Спросил я парней.

— Берем. Берем. — Почти одновременно произнесли Белый с Тохой.

— Ну, вот значит, наехали на него какие-то отморозки, а он нам пожаловался.

— Не жаловался он. Его Белый выручил и привел к нам. — Тоха как всегда был неподражаем.

— Это не важно. Главное, что нам надо пойти и разобраться с этими утырками. А поскольку мы — команда, то у каждого в этом деле должна быть своя задача. Вот Тор у нас самый здоровый, он отвечает за силовой вариант разборок. Ну там, в морду дать или попугать кого. И в данном случае он свою задачу выполнил на отлично. Хоть морду этому Юхиму не бил, но помял немного и напугал. Самое то, что в данном случае и нужно. Белый у нас самый быстрый и резкий. Он тоже сработал на отлично. Команды выполнял четко и этого Шмыря скрутил махом. А вот у вас Тоха с Греком какая задача была?

— Да никакой не было.

— Нет Грек, была задача, была! Вы должны были следить затем, чтобы на нас никто неожиданно не напал ни сзади, ни с боку, и оружие держать наготове. Оружие в данном случае, это нунчаки. И стоять вы должны были так: один по левую руку, другой по правую от нас. А вы стояли рядом друг с другом и глазели, как мы разборки ведем. А куда надо было смотреть? То-то и оно. Оружие ваше где?

Грек полез за пазуху и вытащил нунчаки.

— А у тебя Тоха?

— Ты же сам сказал, чтобы в городе оружием не светить. Я и оставил свои дома.

— Я это про револьверы говорил, а нунчаки, здесь оружием не считаются, не знает про них еще никто. Это если мы с местными пацанами схлестнемся, то и без нунчаков можно подраться. А вдруг кто из взрослых мужиков на вас кинется. Конечно, лучше до такого не доводить, но если вдруг случится, то надежней всего сбежать. Но, а если прижали и деваться некуда? Кто из нас с взрослым мужиком справится?

— Тор справится. Вон какой бугай.

— Тут ты Тоха прав. Тор справится. Ну, еще может Белый кого на прием возьмет. Но ни мне, ни тебе, ни Греку в данном случае ничего не светит. А потому, лупишь супостата нунчакой по башке и, пока тот не опомнился, делаешь ноги.

— Понятно. — Тоха опустил голову, поразмышлял и с обидой произнес: — А у тебя самого, какая задача была?

— У меня задача самая главная. Я вами командовал.

— Если командовал, то почему нас не предупредил, что это тренировка.

— А потому и не предупредил, что сам тогда не знал, что это мы так тренируемся. — Засмеялся я и, хлопнув Тоху по плечу, добавил: — Теперь будем тренироваться, а после будем разбирать, кто и чего накосячил. Разбор полетов это будет называться. Ну чего стоим? Потопали.

— Погоди! — Вдруг затормозил тот. — Раз так, то я тоже жалуясь.

— Не понял?

— Чего не понял! На меня тоже на базаре наехали. Деньги вон стырили. Так что и меня защищать надо.

Услышав это заявление, парни заулыбались. Тоха озадаченно посмотрел на всех и выдал:

— А вы чего лыбьтесь? Бандерлоги хвостатые!

От подобного словесного выверта, да еще с неподдельной обидой, высказанного Тохой, парни заржали как лошади. Белый, как самый смешливый из нас, аж на корточки присел. Что Белый! Даже вечно хмуроватый Тор и тот смеялся, держась за плечо хихикающего Грека. Гришка Зотов смеялся по-мальчишески звонко, видимо за компанию. Не выдержав всеобщего веселья, сначала неуверенно улыбнулся, потом засмеялся и сам юморист.

Дождавшись, когда парни просмеются, я сказал:

— Нет Тоха это не наезд, это урок, чтобы ты на базаре рот не разевал. Это тебе не наша Сосновка, а какой-никакой город. Здесь клювом щелкать нельзя, враз обуют. Ладно! Повеселились немного и будет. Давай Григорий веди.

Парни двинули вслед за мальчишкой. Я немного отстал и глядя на свою дурашливую команду, вдруг подумал: «А ведь не пройдет и тридцати лет, когда вот такие пацаны, будучи уже отцами и дедами, наевшись порядка, который принесла в Сибирь колчаковская власть, сточат на нет почти все войско новоявленного правителя России, потом сдадут в руки большевиков и самого Колчака. Повоюют немного и против Красной армии, не без этого. А потом выжившие в этой кровавой заварухе, буду жилы рвать, восстанавливая все, что сами и порушили». И вряд ли в моих силах предотвратить этот кошмар. Но времени до гражданской войны много, мир, похоже, параллельный и ничего еще не определено. Я из кожи вон вывернусь, чтобы спасти хотя бы этих, ставших такими родными, парней.

Глава третья.

Гришка подвел нас к небольшому деревянному дому, рядом с которым стояло какое-то не законченное строение. Домик и недостроенный сарай находились почти в самом конце, довольно широкой улицы. По некоторым признакам я определил ее как улицу Никитина. Спросил у аборигена Гришки, но тот не подтвердил, сказав, что улица зовется Бийской.

Мне в принципе без разницы как она называется. Просто я думал, что хорошо знаю город, в котором провел почти треть своей жизни, но оказалось, что старый город я знаю плоховато, хотя любил, в свое время, прогуляться по этим старым улицам, особенно осенью, когда под ногами шуршат листья и мелкий дождик накрапывает, а ты бредешь не спеша, зная, что в конце пути тебя ждет встреча со старым приятелем. А потом вы засядете с ним на кухне и под рюмку водочки и непреременный чай, будете до ночи приседать мозгами, рассуждая обо всем на свете, но чаще всего о литературе и философии.

Приятель мой почитывал «Эстетику» Гегеля и обожал Бунина, считая его лучшим писателем и поэтом. Философской лихорадкой я к тому времени уже переболел, хотя «Эстетику» тоже пытался читать, и она мне показалась понятнее, чем скажем, «Наука логики», но даже тут моего терпения хватило только на половину первого тома. О чем я не преминул сообщить приятелю, чуть ли не с первого дня знакомства.

Хотя надо отдать должное, что в его изложении гегелевский трактат выглядел вполне логично и понятно даже мне. Бунин же казался мне отстраненным описывателем, а стихи его — аристократично холодноватыми. И мы спорили....Нет, я конечно соглашался, что есть у Бунина пара стихотворений, которые можно назвать гениальными. Например:

И цветы, и шмели, и трава, и колосья.

И лазурь, и полуденный зной...

Срок настанет — господь сына блудного спросит:

«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я всё — вспомню только вот эти

Полевые пути меж колосьев и трав —

И от сладостных слез не успею ответить,

К милосердным коленям припав.

Но эти стихи он написал в 18 году, когда жизнь его уже изрядно потрепала, когда рушился его старый и, не смотря ни на что, уютный мирок, и надвигалось что-то совершенно ему не понятное, огромное, злое и голодное. А по мне так — жизнь реальная надвигалась на бедных эстетов. И Бунин, мягко говоря, не принял этой жизни, попросту струсил и слинял туда, где можно было по прежнему сидеть в уютном кресле и наслаждаться своим статусом беженца от кровавых реалий захвативших его бедную родину, предварительно плюнув в нее, в родину, своими «Окаянными днями».

Приятель мой обычно на подобный выпад с моей стороны вскакивал, бежал к стене, сплошь заставленной книгами, безошибочно выхватывал томик бунинских стихов, и, раскрыв на какой либо странице, тыкал этой книжицей мне почти в нос. Говорил, что я не прав, что я ничего не понимаю в тонких извивах гениальной души. Иногда сильно возбудившись, даже переходил к личным оскорблениям, говоря, что я малообразованный дилетант, не сочинивший сам ни единой строчки и потому не имеющий права, критиковать

очередного гения.

На это я обычно отвечал, что он совершенно не прав и буквально на днях я закончил написание очередного шедевра под названием: «Технологическая карта механической обработки корпуса редуктора КР — 52 147 М», где не только написал довольно много строк, но и снабдил данное произведение поясняющими эскизами. Причем в отличие, от какого ни будь Льва Толстого почерк, которого никто, кроме его жены, разобрать не мог, мне пришлось писать чертежным шрифтом, чтобы даже самый ушлый фрезеровщик, сверловщик или токарь-расточник не смог превратно истолковать текст и при случае свалить допущенный брак на бедного инженера-технолога, то есть на меня любимого.

И вообще, говорил я, не худо было бы обязать писателей-классиков творить свои нетленки с обязательным использованием именно чертежного шрифта, тогда бы и книги были потоньше, и текст лапидарнее. А что касается Льва Толстого, то есть подозрение, что половину «Войны и мира» написала именно Софья Андреевна. Не в силах разобрать каракули мужа и боясь лишними расспросами прогневить вспыльчивого гения, она просто гнала отсебятину, не без оснований надеясь, что Лев Николаевич, как человек очень умный, книгу свою, да еще такую толстую перечитывать не станет. Судя по девяносто томам полного собрания сочинений, свои уже напечатанные произведения граф не читал. Ему, наверное, было проще написать что-то новое, нежели тратить уйму времени на чтение собственных толстенных книг.

На этом месте приятель мой обычно замолкал, некоторое время, не понимая, смотрел на меня, а потом, засмеявшись, садился к столу и, налив по рюмке, мы выпивали за здоровье очередного властителя дум, если тот все еще был жив, ну или за упокой, если душа его уже покинула сей бранный мир.

А когда к нам присоединился Владимир Казаков давний знакомый моего приятеля и по совместительству — барнаульский поэт, издавший к этому времени уже пару книжек, то могли и просидеть за разговорами до самого утра, если это была пятница или суббота, лишь бы водки хватило. Эх! Какое было время! Безмятежное и неторопливое.

А потом, моя любимая девушка решила, что хватит нам целоваться на последнем ряду в кинотеатрах или в теплых подъездах. Хватит бояться, что внезапно вернувшаяся от родственников или из церкви её квартирная хозяйка застанет нас за занятием более предосудительным, чем невинные поцелуи. «Пора заканчивать с этой самодеятельностью» заявила она и повела меня в загс.

Так я, из беззаботного холостяка, очень быстро превратился в солидного мужчину, обремененного, хоть и «маленькой, но семьей», что налагало на бедного меня нешуточные обязанности по обеспечению новой ячейки общества всяческими благами.

Через два года после рождения дочери, передо мной остро был поставлен вопрос получения собственного жилья. Во времена, позже названных «застойными», получить квартиру в крупном промышленном центре, рядовому рабочему или итр — квест из разряда мало проходимых. Поэтому, по примеру первого российского либерала, «я взглянул окрест меня» и увидел, что буквально в ста километрах от моего, уже ставшего родным города, достраивается коксохимический завод, где ценным специалистам предоставляют квартиры в течение трех-семи месяцев.

Взяв, в отделе кадров выписку из трудовой книжки, что к моему немалому удивлению, оказалось не так просто, и пришлось прибегнуть к хитрости, я сел в электричку и уже через три часа сидел перед главным механиком Коксохима. Серьезный рыжеватый мужчина

просмотрел по бумажке мой довольно извилистой трудовой путь, покрутил в руках диплом политеха, потом поспрашивал немного о моей нынешней работе, о семье и, покопавшись в толстой кипе чертежей лежащей на приставном столике, подал мне два, сказав посмотреть чертежи и прокомментировать. Сам же снова занялся просмотром, каких то бумаг.

Никак проэкзаменовывать меня дядя хочет. Ну-ну. Развернув чертежи, ничего особенного не увидел. Обычная зубчатая передача, да еще прямозубая. Зубчатое колесо большого диаметра задано без отрицательного смещения, следовательно и шестерня тоже без смещения но уже положительного. Внутренний диаметр шестерни был коническим и без шпоночной канавки, ее просто невозможно было продолбить не вскрыв деталь с одного конца.

Минут через десять механик положив на край стола подписанные документы, обратил свой взор на меня. Я не стал тянуть кота за хвост:

— Не знаю, чем руководствовался конструктор, но по мне так шестерня ослаблена и будет ломаться. Нужно было рассчитать смещение, то есть корригирование, тогда можно не изменяя ни передаточного числа, ни межцентрового расстояния, увеличить диаметр шестерни, после этого она проработает гораздо дольше.

— А если не делать корригирования?

— Можно шлифовать зубья или попытаться накатывать, а если не начем, то шлифовать хотя бы впадины между зубьями, чтобы убрать микротрещины после фрезы и закалки. Хотя, думаю, это мало, что даст. Можно еще попробовать изготовить шестерню из более прочной стали, нежели чем 40Х, на вскидку не скажу нужно поискать в справочнике.

Взглянув на механика, уловил мелькнувшую досадливую гримасу. Это что облом или у них действительно проблемы с этой зубчатой передачей? Но последующие слова механика меня приободрили:

— Понятно. Согласен поработать какое-то время на станке?

— Кроме токарного, могу почти на любом.

— Даже на расточном?

— На горизонтально-расточном полгода работал.

— Тогда оставь в отделе кадров свой адрес и жди вызова.

Бумажка с приглашением и гарантией получения квартиры от предприятия в течение семи месяцев, подписанная директором завода, пришла через неделю, а уже через три недели я помогал слесарям распаковывать и устанавливать новенький горизонтально-расточной станок. Через полгода получил квартиру в только что построенном доме. Перевез жену с дочерью, детскую кроватку, диван, кухонный стол и книги. И какое-то время мне стало ни до философии, ни до поэзии, ни до старых приятелей.

Ишь как на ностальгию пробило! Улочки старого города, что ль на меня так повлияли. Тряхнул головой, выбивая из неё это старческое нытье, и вслед за Гришкой шагнул во двор. Следом втянулась и остальная четверка.

— Стоп мужики! Побудьте пока здесь, а я посмотрю, что там и как.

Неизвестно чем больна Гришкина мать, вдруг что-то заразное, потому пусть пока парни во дворе потопчутся.

Прежде чем зайти в дом спросил Гришку, что за долгострой у них во дворе. Гришка шмыгнул носом и, опустив голову, произнес:

— Папка дом новый хотел построить.

— А что не достроил?

— Помер папка. — Гришка отвернулся и стер слезы кулаком.

Вот блин! У парнишки горе, а я тут с расспросами. Но, пацан постояв немного, справился с собой и решительно пошел к крыльцу.

Войдя в дом вслед за ним, я огляделся. Сравнительно большая комната с печью, столом, и четырьмя стульями. Пара икон в красном углу и две двери. Значит есть по крайней мере еще две комнаты. На стене там, где мне в том мире привычнее было видеть старые выцветшие фотографии, висели, в простых деревянных рамках, три рисунка. Посредине и чуть выше — рисованный карандашом портрет мужчины, по бокам и чуть ниже висели простенькие акварельные пейзажи с речкой и деревьями. Пахло свежесваренной картошкой и солеными огурцами. Было видно, что дом этот знавал лучшие времена. Сейчас же бедность и сиротство стыдливо прятались по углам.

У стола, сидела девчонка лет восьми, и что-то рисовала в небольшом альбоме. Услышав, как хлопнула дверь и, даже не подняв головы, сказала:

— Гришка ты хлеб принес?

Не дождавшись ответа, она повернула голову и, увидев меня, крикнула.

— Мама! Мама тут к тебе пришли.

За стеной что-то упало, и послышались легкие шаги. Дверь отворилась и вошла женщина при виде, которой, мое сердце пропустило удар. «Ленка!» — чуть не крикнул я. Блин! Какая Ленка? Идиот! Но похожа! Лицо, движения, только платье непривычно длинное.

— Сударь? — Вопросительно произнесла она.

От ее голоса наваждение рассеялось окончательно. Голос был не Ленкин, более низкий, чуть хриловатый, бархатный. И лицо другое, чуть грубее что ли, только лоб, пожалуй, такой же высокий и волосы собранные в незамысловатую прическу, были гораздо светлее.

— Прошу прощения, что врываюсь в ваш дом. Разрешите представиться — Алексей Забродин. — Обозначил я поклон.

— Зотова Дарья Александровна. Вы, наверное, по поводу моего сына? Что он натворил? — В голосе женщины звучала нешуточная тревога.

— Нет, что вы. Просто мы познакомились с ним на рынке. Его там хулиганы пытались обидеть, а мы ему немножко помогли, ну и проводили до дома. Вообще-то мы из села приехали, хотим дом здесь купить. А у вас во дворе, я вижу, здание недостроенное, вы Дарья Александровна случайно его не продаете?

Я понял, что просто так денег она у меня не возьмет, и придется изворачиваться, чтобы помочь. Теперь, когда увидел на кого она похожа, я эту семью не брошу, помогу даже против ее желания.

— Я бы продала, да не покупает никто. А потом.... — Она безнадежно вздохнула и надрывно раскашлялась.

Так! Самое малое тут простуда сильнейшая или даже, не приведи господь, туберкулез. Хотя на туберкулез не похоже, нет чахоточного румянца. Я подождал, когда она прокашляется, спросил:

— Можно мне осмотреть здание. Пусть Григорий меня проводит.

Дарья, видимо, боясь снова раскашляться, лишь разрешающе махнула рукой. Я тронул Гришку за плечо и показал на дверь. Тот с громким звяканьем поставил на пол ведро и вышел следом за мной.

— Белый, вот тебе деньги. Вместе с Гришкой дуйте на базар или в магазин какой.

Купите: хлеба булки три, масла фунта два, меду туесок, курицу ощипанную, чаю фунта два, сахару фунта два-три. Хорошо бы лимончик взять, только вряд тут лимоны продают.

— Есть лимоны. В лавке купца Морозова я их видел. Желтенькие такие. Дорогие только. — Быстро протараторил Гришка.

— Во как? — Удивился я. — А апельсинов случайно там нет? Такие же, как лимоны только рыжие? Если есть, то и их прикупите штук двенадцать. На вот еще пять рублей.

— Лимонов скока брать?

— Две-три штуки.

— Не мало? Нас вон сколько.

Я, представил себе Белого, жующего лимон, передернулся и засмеялся.

— Эти не съедим. Если денег не хватит из своих добавишь. Повтори, что надо купить.

— Так это.... Хлеб, масло, мед, чай, сахар, курицу, лимон и пильсины.

— Молодец Белый! Только не пильсины, а апельсины. Тару прихватите.

— Чего?

— В чем продукты нести будете в руках что ли? Гришка сумка или корзина у вас есть?

— Ага! Счас принесу.

Гришка метнулся в дом. А я, немного подумав, сказал:

— Грек иди с ними на всякий случай.

Проводив парней взглядом, обратился к Антону:

— Тоха, сбегай к дядьке Никифору. Там у меня в рюкзаке, в боковом кармане, мешочек с сушёной травой, сюда его принеси. Да вот еще. Захвати штук десять пропеллеров, что мы на продажу привезли и матрешку одну не раскрашенную. И книги, что я купил отнеси.

За суетой последних трех дней я совершенно забыл, что мы привезли с собой на продажу товар, изготовленный нашей дружной четверкой — тридцать пропеллеров и три матрешки, по четыре фигурки в каждой. Правда матрешек выточил дед, которому понравилась сама идея спрятать в одной фигурке еще несколько. Одну я с грехом пополам разрисовал, но красок нужных не было, и матрешка получилась так себе. Надеялся в городе найти умельца, а то без соответствующей раскраски игрушки малопривлекательны. А у Зотовых, судя по картинкам на стене, или мать, или дочь рисуют, дочь то уж точно. Сам видел. Мала, конечно, но вдруг она наподобие Нади Рушевой гений малолетний, тогда ей матрешку разрисовать раз плюнуть. Да и пропеллеры неплохо было яркими красками раскрасить.

Пропеллеры, что Тоха принесет, отдам Гришке, посоветую раздарить их его друзьям, пусть пацаны бегают по улицам и возле богатых домов устраивают соревнования, кто выше и дальше запустит свой. А там детишки чиновников и купцов весь мозг родителям своим вынесут просьбами купить необычную игрушку. Остальные отдам на реализацию, хотя бы тому же Онисиму. Не знаю чем он там торгует на базаре, но думаю продать два десятка игрушек за долю малую не откажется. И если мой рекламный ход удастся, то спрос будет. Может даже расходы на их изготовление отобьем. Хотя это сейчас не актуально, но не бросать же их тут просто так.

Тоха убежал за игрушками и травами. Мы же с Митькой-Тором пошли осматривать долгострой. А ничего так Гришкин отец размахнулся. На вскидку — метров восемь на шесть. Подвал кирпичом выложен и перекрыт, стены кирпичные толстые выведены на высоту около трех метров и перекрыты, но крыши нет, видимо планировался второй этаж. Видел здесь такие дома: первый этаж каменный, второй деревянный. Достроить и будет вполне

годный домишко. Надо только с Дарьей договориться насчет цены и территории. Думаю, что это все вполне решаемо.

— Тор как тебе домик?

Митька меланхолично пожал плечами и произнес:

— Так не достроен же.

— Ничего достроим. Сделаем как нам надо. Кстати Тор, а кому ты сережки покупал?

Давай колись, я ни кому не скажу.

Митька чуть покраснел, потоптался на месте и выдал:

— Машке Лучкиной хочу подарить.

— Это портнихе что ли? — Решил я уточнить для ясности.

— Ей.

Неожиданно! Я тут размышлял, как залучить к нам в команду этот юный талант, а оно вон как, яблочко, можно сказать, само в руки падает.

— Что свататься решил?

— Рано еще. Договорились на будущий год, весной или осенью.

— Значит она не против, если ты посватаешься

— А чего ей против-то быть?

И правда! Митька конечно, не Аллен Делон, но и не урод. Нормальный деревенский парень, а после того как сгонял с дядькой Кузьмой и Жабиным в Тюмень, деньжонок заработал, да приоделся, так совсем завидным женихом стал.

— А давай-ка Митька ты ей машинку швейную в придачу к сережкам подаришь, порадуешь девку.

— Машинку? Да где ж я её возьму?

— Машинку я постараюсь найти. Твое дело подарить. Ну как согласен?

Митька по идиотски заулыбался и выдохнул:

— Подарю!

Обойдя недостроенный дом по кругу, наткнулись на колоритную фигуру. Жирноватый мужик в жилете поверх косоворотки надетой на выпуск, в широченных штанах и сапогах на толстых икрах, загородил нам дорогу и, напирая тугим животом, заорал:

— Вы чего здесь шаритесь? Что вынюхиваете? А ну пошли отсюда! Шаромыжники!

От неожиданного и наглого наезда я слегка растерялся и даже сделал шаг назад под напором этого непонятного, но нахрапистого и вполне взрослого кабана. Опомившись, я уперся тростью ему в пузо и с недоумением спросил:

— Мужик! Ты кто?

Тот, продолжая напирать и матерясь, начал сулить нам всяческих благ, вроде поломанных ног и свернутых носов. Немного послушав, и поморщившись от не слабого сивушного выхлопа, я сказал:

— Тор успокой его. Только аккуратно не покалечь.

Митька шагнул к сквернослову и, коротко без замаха, двинул ему в челюсть. Мужик, клацнув зубами, упал на спину и затих. Нокаут! Даже и считать не надо. «Здоров Митька в зубы давать» — с завистью подумал я, ожидая пока ударенный очухается. Когда тот завозился, я придавил его тростью:

— Лежи! Повторяю вопрос: Ты кто?

Мужик беспомощно поморгал глазами и, видимо чуточку протрезвев, пробормотал:

— Дермидонт я, ХренОв. Сосед Зотовым.

Я не ослышался? Да вроде нет, вполне внятно мужик изъясняется, именно Дермидонт Хренов. Ударение в фамилии правда на последний слог, но все равно звучит эпично.

— Во как! — Восхитился я чудным словосочетанием. — И кто же тебя так обозвал-то Хренов ты Дермидонт?

— Известно кто. Поп наш. Отец Варсонофий.

Похоже, большой шутник был, неведомый мне, отец Варсонфий, а может и не шутник вовсе. Священники ведь тоже люди, может, по случаю крещения младенца, пьян был до безобразия отец Варсонофий, вот и записал имя с ошибкой. Теперь уже и не узнаешь. Времени-то вон сколько прошло. Самому младенцу уже за тридцать.

— Ну так чего тебе, Дермидонт Хренов, от нас нужно?

— Дак я думал, что варнаки тут шарятся....

— А вот это ты зря так думал! Тебе Дермидонт вредно думать. — Не отказал я себе в удовольствии, лишний раз назвать этого придурка по имени. — И что теперь прикажешь с тобой делать?

— Прощения просим. Обознался.

— Значит «понять и простить». А как же тогда «ноги переломать, носы посворачивать»? — процитировал его недавние обещания.

— Давай начинай! — Я убрал трость с его тушки, позволяя подняться. Тот приподнялся, сел и недоумевающе спросил:

— Чего начинать?

— Как чего? Вон стоит хлопец, Тор его кличут, давай ломай ему ноги, нос сворачивай.

Дермидонт глянул снизу на Тора, закрыл глаза и помотал головой. Что-то быстро сдулся мужичок, так не должно быть. Он ведь видел перед собой пацанов, пусть и здоровых, но всего лишь двух подростков и должен был как взрослый и крепкий мужик просто взъяриться и кинутся на нас диким кабаном. А этот сидит тихонько и старается не отсвечивать. Неужели Митькин нокаут так подействовал? Не найдя приемлемого объяснения такому кроткому поведению этого кабанчика, решил не заморачиваться и сказал.

— Передумал значит. Тор, проводи господина Дермидонта за ворота. Проследи, чтобы не заблудился.

Митька ухмыльнулся и, дождавшись, когда упомянутый Дермидонт встанет, схватил его за ворот и повел на выход. Там с помощью легкого массажа пятой точки, помог ему побыстрее покинуть территорию. Отойдя шагов на десять, тот громко нас выматерил и пообещал еще с нами встретиться и разобраться. Стало ясно, что Дермидонт не так прост и трезво оценил свои возможности, и теперь, воспользовавшись помощью друзей, постарается отквитаться. Флаг ему в руки! Будет на ком парней потренировать.

Митька же счел себя оскорбленным и заорав:

— Чего ты там вякнул? — выскочил за ворота. Но услышал лишь дробный топот сапог. Скрылся Дермидонт от карающей руки рассерженного Тора.

Немного пошмявшись, прошли с Тором в дом. Там помимо хозяйки с дочерью присутствовала еще какая-то бабулька. Видимо соседка. Вежливо поздоровавшись с неизвестной мне бабушкой, обратился к хозяйке:

— Дарья Александровна мы посмотрели ваш недостроенный дом. Если Вы еще не передумали продавать, то мы его купим. Сколько Вы за него хотите?

Дарья растеряно посмотрела на меня, потом на старушку и произнесла:

— Я не знаю. Рублей семьсот, наверное. Но

— Что какие-то трудности? — спросил я.

— Какие там трудности? Дерька, сосед наш, глаз на этот дом положил. Еще и Дарьюшки домогается — хряк не холощенный. Говорит, что должен ему Дарьюшкин мужик покойный, царство ему небесное, цельных двести рублёв, да врёт поди. С него станется. — Вмешалась в разговор бабулька.

— Но он говорит, что у него и свидетели есть. — Сказала Дарья, и закашлялась.

Бабулька с нескрываемой тревогой посмотрела на больную, подошла к стоящему на столе самовару налила в стакан теплой воды достала из шкафчика висевшего на стене какой-то свернутый из бумаги пакетик, подала это все Дарье со словами:

— Ты опять забыла лекарство, что доктор тебе прописал выпить.

— Не буду его пить. От него у меня в голове всё путается. — Сказала Дарья и отодвинула от себя пакетик, но воду выпила.

— И то верно. — Легко согласилась бабулька. — Кто знает чего там эти нехристи намешали.

А ведь похоже лекарство, на основе какого-то наркотика замешано. Читал, где то, чуть ли не до революции опиум в аптеках свободно продавался, и даже доктора его болящим выписывали. Надо выяснить попозже так ли это. А пока надо разобраться с этим Дерькой. Как его там бабулька назвала: «хряк нехолощенный». Похоже, что пресловутый Дерька это и есть сбежавший от Тора Дермидонт.

— Простите, вас как звать-величать. — Обратился я к бабушке.

— Теткой Ульяной зови, а хош бабушкой Улей называй.

— А по отчеству как?

— По отчеству... Отца Никифор звали, значит Никифоровна я.

— Ульяна Никифоровна, вы сейчас про какого-то Дерьку говорили. Случайно это не Дермидонт Хренов?

— Он вражина! А ты откуда его знаешь?

— Да только что встретились. Говорите, что он какой-то долг с Дарьи Александровны требует?

— Требуется. Говорит, что брал у него Иван деньги, для каких-то купецких дел. Да кабы он один, а то идут к Дарьюшке друг за другом и всем Иван должен оказался.

— Ну что ты говоришь, баба Уля. Свирид с артелью полдома вон из кирпича выложили. Ванюша мой, перед отъездом денег для него оставлял, говорил, что как сделают, чтоб заплатила.

— Ладно Свирид. А Федьке Сомову зачем деньги отдала?

— Не помню, болела я тогда сильно, а он пришел и еще свидетеля привел. Голова болит, жар, а он не уходит. Отдала, чтоб отстал.

— Хорошо, что догадалась остальные деньги мне на сохранение сдать, а то бы последние гроши выцыганили у тебя это варначье.

Вот как, и здесь значит, этот утырок отмечился, а я еще сожалел, что пришлось его пристрелить. Увидев, что Митька открыл рот, чтобы что-то сказать, покачал головой. Догадливый парень захлопнул рот и понимающе кивнул. Все-таки Митька молодец — здоров как бык и соображает быстро. Ценный кадр!

— Дарья Александровна вы, пожалуйста, этому Дермидонту, если он к вам заявится, никаких денег не отдавайте, скажите, что все деньги у ваших родственников, которые покупают ваш недостроенный дом. Посылайте его к нам, мы тут у Никифора Зимина

остановились, всего через две улицы от вас. Если он идти к нам не захочет, то посылайте за нами Григория. Мы придем и все уладим. А вас Ульяна Никифорова, я попрошу Дарью Александровну одну с этим Дермидонтом не оставлять.

— Присмотрю. Будет руки распускать, я коромыслом его так хлопыстну, что ему небо с овчинку покажется. — уперла руки в бока боевая старушка.

— Дарья Александровна вот вам задаток за дом, на днях зайдем к вам с дедом. Оформим покупку. — Протянул я женщине сто рублей.

Потом подошел к стене с рисунками и стал их внимательно разглядывать. Висевшие по бокам портрета, пейзажики ничего особенного, на мой взгляд, не представляли, хотя смотрелись хорошо, а вот портрет, хоть и выполненный в несколько наивной манере, мне понравился. Он мне что-то напоминал. Где-то я уже видел нечто похожее. Точно видел! Была у меня книга с подобными рисунками, называлась, кажется «Мир Ефима Честнякова». Вроде Честняков этот даже у Репина учился.

— Дарья Александровна, кто это рисовал? Вы или может дочь?

Женщина смутилась и даже немного порозовела:

— Я рисовала. Настенька учится только.

— Тогда у меня есть для вас работа. Сейчас парень принесет игрушки, их надо будет раскрасить. А вот и он.

Антоха ввалился в комнату, увидев хозяйку с соседкой, притормозил и вежливо поздоровался, потом подал мне мешок со словами:

— Вот Немтырь! Принес.

Я достал из мешка игрушки и положил их на стол.

— Вот эти надо раскрасить. — Указал я на пропеллеры.

— Что это? — Спросила, подтянувшись поближе к столу, любопытная девчонка.

Я взял из кучи один пропеллер и протянул ей. Та машинально схватила и, не зная, что с ним делать стала разглядывать. Я показал ей, как нужно взять игрушку.

— А теперь дерни за веревочку.

Настя дернула, пропеллер взмыл к потолку и, ударившись об него, свалился на пол. Девчонка некоторое время смотрела на упавшую игрушку, потом подняла и стала разглядывать.

— Теперь он твой. Раскрасишь сама и играйся. Только запускать его надо на улице, тогда он высоко взлетит. А это — показал я матрешку — кукла с секретом.

Не спеша стал разбирать матрешок и выставлять их на стол. Женщины с интересом наблюдали, как из одной куклы одна за другой появляются еще четыре. Когда поставил последнюю. Настя протянула к ней руку, но опомнившись, посмотрела на меня. Я разрешающе кивнул. Она схватила последнюю и попыталась разобрать.

— Нет эта не разбирается. Вот их тоже нужно раскрасить. Нарисовать лицо, платок, сарафан или еще какую одежду. Ну, это сами придумаете. Когда раскрасите, назовем ее «Матрешкой». Я потом посмотрю и принесу еще две. А эту, если понравится, себе заберете. За работу заплачу. Да и вот еще что: Дарья Александровна лекарство, которое вам доктор прописал, вы пока не пейте.

Я развязал небольшой холщевый мешок с травами и, вынув оттуда завернутый в бумагу сбор, с надписью «От простуды», подал его женщине:

— Там внутри бумажка. В ней все расписано: как заваривать, сколько и когда пить. И еще, пейте кипяченое молоко с медом и кушайте бульон из курицы. Чай горячий с лимоном

и медом, тоже пить полезно.

— Дак где ж их взять-то. — Встряла в разговор тетка Ульяна.

— Сейчас принесут. — Сказал я. Потом спросил:

— Дарья Александровна, у вас еще рисунки есть?

— Есть

— Посмотреть их можно?

Она со странным выражением на бледном от болезни лице посмотрела на меня, молча, прошла в соседнюю комнату и вынесла оттуда большую папку и подала мне.

— Вот смотрите? — проговорила она, отошла к столу и взяла в руки оду из фигурок.

Развязав на папке тесемки, стал рассматривать рисунки. Я конечно не большой знаток искусства. Как и подавляющее большинство граждан, разбираюсь, лишь на уровне «нравится или не нравится».

Тут я должен сознаться, что мне не нравятся ни «Черный квадрат» Малевича, ни, к примеру, «Площадь Согласия» Пита Мондриана. Над этим полотном, по уверению автора книги о художнике, тот работал два с лишним года. Круто для холста, на котором изображено: пять горизонтальных черных линий пересеченных пятью же вертикальными черными линиями. Некоторое оживление в этот аскетичный сюжет, вносят несколько прямоугольников разного размера, расположенных по периметру, и раскрашенных пятью же цветами. И все это на белом фоне.

Я даже представлял себе, как творец работал над этим высокохудожественным произведением. Он видимо для начала очень долго рассматривал натуру сверху, набираясь впечатлений, затем быстро набрасывал эскиз. А чего там долгого набросать десять линий расцветив их квадратиками. А дальше начиналась адская работа по подбору толщины черных линий и по расположению прямоугольников. И так два года, пока наконец, полученный результат не удовлетворил взыскательного мастера.

Изысканная утонченность черных линий чудесным образом сочеталась с цветовой гаммой, казалось бы, в беспорядке разбросанных прямоугольников. Но беспорядок был мнимый, каждый даже самый маленький прямоугольничек находился на том самом, единственно возможном, месте, завершая гармонию цвета и линии так, чтобы даже самый не искушенный зритель воскликнул: «Узнаю! Узнаю брата ... Площадь, мать её, Согласия».

Ну не нравятся мне эти и им подобные произведения изобразительного искусства, не нравятся, хоть тресни. Но должен отметить, что авторы этих, несомненно, эпохальных творений, ребята ушлые. Они, с помощью не малой армии искусствоведов, так виртуозно разводят богатеньких буратинок, что их собратья по нелегкому ремеслу отъема или увода денег у граждан, Энди Такер и Джеф Питерс тихо курят в сторонке. А ведь эти мошенники, если верить О.Генри, так или иначе, обработали почти половину южных американских штатов. Крутые были ребята, но в Нью-Йорке, их развели как младенцев, впарив им копеечную статуэтку за все их наличные деньги. Отсутствие эстетического образования и воспитания подвело бедняг. Так что искусство — дело очень тонкое и не простое, но при должном подходе вполне доходное.

А вот три непритязательных рисунка Дарьи Александровны Зотовой мне очень даже понравились. На одном была изображена девчонка лет трех, видимо Настёнка, которая явно что-то напроказничала, а теперь стоит и чуть из подлобья смотрит на зрителя хитрющими глазками, отлично зная, что ее, конечно, поругают, но потом обязательно пожалеют, погладят и расцелуют. И два пейзажика: один с небольшим домишком, что глядел на зрителя

парой подслеповатых окон сквозь фиолетовый переполох цветущей сирени, а другой с синим церковным куполом над высоким, глиняно-желтым, береговым обрывом с полоской воды снизу и безмятежно голубым небом сверху.

— Дарья Александровна, а вы свои рисунки продавать не пробовали? Я бы вот эти с удовольствием купил.

Женщина недоверчиво посмотрела на меня и сказала:

— Зачем вам покупать, забирайте так.

— Ну что вы! Каждый труд, если он востребован, должен быть оплачен. Рублей по тридцать за каждый я бы, пожалуй, заплатил. Вы, пожалуйста, подпишите их.

— Подписать? Зачем?

— Как зачем? Чтобы сразу было видно, что это именно ваш рисунок, а не какая ни будь подделка. Вы как расписываетесь? Покажите на отдельном листочке.

Дарья, пожав плечами, расписалась в дочкином альбоме и подвинула его ко мне. А что нормальная подпись, изящная, есть у женщины художественный вкус.

— Очень хорошо! Теперь на картинках распишитесь, вот тут в уголке.

Дарья пододвинула к себе рисунки и немного, подумав, расписалась.

— А не найдется у вас какой либо папочки рисунки сложить, чтобы не помялись.

— Настя принеси. У меня на столе лежит.

Девчонка метнулась в комнату и через несколько секунд выскочила оттуда, держа в руках папку. Аккуратно сложив рисунки, я отсчитал девяносто рублей и положил их на стол перед растерянной женщиной.

Но наибольшее удивление от всего этого действия испытала не она. Бабушка Ульяна Никифоровна пребывала буквально в ступоре. Мир рушился прямо на глазах. Какой-то пришлый барчук взял и выложил целых девяносто рублей, за какие-то картинки, которые Дарьюшка нарисовала при ней дня за три. За девяносто рублей ее старику приходилось работать аж целых три месяца. И не где ни будь, а на сереброплавильном заводе. Хорошо хоть не у печей. Кто у печей, редко до старости доживают.

— Неужто милок они столько стоят? — Засомневалась она.

— Стоят, Ульяна Никифоровна, стоят.

Не буду же я ей рассказывать, что в течение ближайших года два я постараюсь тихой сапой расписать талантливого и самобытного художника Дарью Александровну Зотову. По крайней мере, в Барнауле ее картины, которые она, несомненно, еще напишет, будут стоить гораздо больше тридцати рублей. И чем черт не шутит, может удастся даже заработать на продаже ее полотен и акварелей.

Никифоровна порывалась еще что-то спросить, но в дом ввалилась с покупками веселая кампания. Парни хором поздоровались с женщинами, и пока Гришка с Греком выкладывали покупки на стол, Белый отчитался передо мной:

— Немтырь ты не ругайся! Лимонов мы взяли четыре штуки, а апельсинов тех аж двадцать штук. Пахнут они здорово.

— А что так мало. Взяли бы больше. — Засмеялся я.

— Так не было в лавке больше.

— Денег то хватило?

— Остались еще.

— Так парни, берите булку хлеба, два лимона и десять апельсинов и давайте домой, а то тесно здесь.

После того как пацаны чинно попросившись с хозяйкой и ее гостьей, вышли; я обратился к Дарье, которая растерянно смотрела на заваленный продуктами стол:

— Дарья Александровна, вы на еде не экономьте. Чтобы болезнь отступила окончательно, вам хорошо питаться надо. И ребятишек подкормите. За деньги не беспокойтесь. Я постараюсь ваши рисунки продать. Остальные подпишите так же как эти. — Указал я на папку с отобранными эскизами.

Женщина покивала.

— Григорий. — Обратился я к пацану. — Вон на столе игрушки. Называются «воздушный винт». Раскрасьте и своим друзьям раздай. Есть же у тебя друзья?

— Есть.

— Ну, вот им и раздай. Как их запускать Настя покажет. Бегайте с ними по улице, запускайте. Если кто попросит продать, продавайте за полтину, но просите рубль.

Гришка, подойдя к столу, стал перебирать и рассматривать пропеллеры. Я взял со стола папку с рисунками и обратился к старушке:

— Ульяна Никифоровна, выйдете со мной во двор. Поговорить надо.

Выйдя из дома, повернулся к шедшей следом женщине:

— Ульяна Никифоровна, спасибо, что не бросили в беде Зотовых. Я вас попрошу и дальше помогать им. А это вам за труды. — Подал ей двадцать пять рублей.

— Што ты милоч! Да разве ж я из-за денег. — Замахала руками старушка.

— Я это знаю, но деньги возьмите на всякий случай, а то мало ли что.

Этот маловразумительный довод на старушку подействовал и мне удалось всучить ей денежки.

— И вот еще! Если кто придет требовать с Дарьи Александровны долги, посылайте за нами Григория.

Бабка Ульяна кивнула головой, соглашаясь, и ушла в дом. А я отправился следом за своими парнями, в уверенности, что теперь-то бабулька будет присматривать за семьей Зотовых в оба глаза.

Глава четвертая.

Дом, где мы остановились, встретил меня подзабытым уже апельсиновым запахом. Парни догадались апельсинчики почистить и, разбирая на дольки, наслаждались неведомым доселе вкусом. Дед сидел тут же, держал в заскорузлой в ладони лимон и, время от времени, подносил его к лицу и нюхал. Увидев меня, он положил лимон на стол и сказал:

— Где тебя носит, летна боль. Собирайся, пойдём к дочке Савватеевны, гостинцы отнесем да с Сергеем, мужиком её, поговорим.

— Дай хоть чаю попить.

— Там попьешь. Небось угостят.

— Ладно. — Сказал я. — Эй, бандерлоги! Давайте-ка сюда парочку апельсинчиков. Лимон не ешьте. Его надо в чай бросать тонкими ломтиками.

— А че это в чай? Я может так хочу попробовать. — Заявил Архипка.

— Это можно. — Ухмыльнулся я и бросил ему лимон. — Давай помой его хорошенько. Тятя, подожди немного, сейчас мы с Архипкой по скибочке лимончика скушаем и двинем с тобой в гости.

Архипка принес обмытый лимон и подал мне. Протерев его чистой тряпицей, я отрезал два кружочка и предложил парню взять любой и съесть. Белый, чувствуя какой-то подвох, подошел к столу, понюхал свежий лимонный запах, поводит пальцами над лимонными кружками, ухватил тот, что побольше и сунул в рот. Жевнув пару раз, он вдруг страшно скривился и выплюнул, чуть пожеванный кусочек прямо на пол.

— Ну как? Хорош лимончик? — Ехидно осведомился я, еле сдерживаясь, чтобы не погримасничать за компанию со всеми.

— Сам его жри! — Сказал, передергиваясь Архипка.

— Это мы запросто. Учитесь, пока я живой.

Взял кружочек лимона, обмакнул его в стоящую на столе плоску с медом и, демонстрируя удовольствие, сжевал. А лимончик-то и правда кисловат. Недаром Белый так кривился.

— Вот так надо лимончики кушать. А лучше в стакан с горячим чаем бросать. Запах обалденный и полезно. А когда чай выпьете, то лимончик сахаром посыпьте или в мед, как вот я, обмакните и лопайте.

— Пошли давай! Летна боль! Они тут и без тебя с лимонами разберутся. — Поторопил меня дед.

Подойдя к дому, где жила дочка Бабы Ходоры, с мужем Сергеем Петровичем Глебовым и маленькой Варенькой, я вдруг обратил внимание на дедовские сапоги, а затем на свои туфли. Обувь была в пыли. Вот блин, и как мы попремся в дом к интеллигентным людям в такой обуви. Хорошо еще дождя нет, а дождь пойдет, это же грязи сколько натащим. Срочно нужно галоши покупать. Купить не проблема, только есть ли они. Должны быть, вещь ведь простая, а хроноабorigены как я уже успел не раз убедиться несколько не глупее, а где-то и поумнее людей двадцать первого века. Так, что галоши наверняка уже изобрели. Надо поискать.

Но дед пылью на своих сапогах несколько не озаботился, подошел к двери и покрутил какую-то ручку. За дверью задребезжал звонок. Через минуту она отворилась, и мы вошли в

небольшую прихожую. Встретила нас ладная девица лет шестнадцати с круглым простоватым лицом. Увидев деда, она радостно закричала:

— Дядька Софрон!

— Здравствуй Глашка! Экая ты стала. — Одобрительно прогудел дед и, покопавшись в мешке, подал девке, что-то завернутое в тряпицу. — На вот гостинец от матери и сестер. Еще и письмо тебе от них. Читать то чай еще не разучилась?

— Неа. Не разучилась. — Сказала девица, принимая сверток и письмо.

— Дома хозяева-то? — спросил дед.

— Дома. По воскресеньям они всегда дома. Чай пить собираемся.

— Ну, тогда мы вовремя, летна боль. Давай Глашка лапти свои доставай, а то наследим в хате, тебе пол мыть придется.

— Коли нужно будет помою, не переломлюсь.

Девица подала нам нечто вроде больших тапок без задника. Дед уверенно сунул в них свои сапоги. Я, под любопытным взглядом Глашки, последовал его примеру. Потом вслед за девицей мы вошли в комнату, где деда не менее радостно, чем Глашка, встретила молодая и очень красивая женщина:

— Софрон Тимофеевич! Здравствуйте Софрон Тимофеевич!

— Здравствуй Анюта! Тебя и не узнать. Прямо настоящая барыня стала. А это кто там выглядывает? Никак Варвара краса — длинная коса?

Дед достал из кармана раскрашенную жестяную коробочку с конфетами и протянул ее крепенькой кудрявой девчонке, выглядывающей из-за материнской юбки. Та вопрошающе взглянула на мать и, дождавшись разрешающего кивка, взяла коробочку и снова спряталась. Впрочем, спряталась не вся, один любопытный глаз так и продолжал разглядывать гостей.

Так вот ты какая, будущая великая ведунья! В общем, ничего особенного — ребенок как ребенок. А вот от ее матери взгляд оторвать трудно. Не зря, не зря прабабушка Христина лечила юного итальянца, правнучка вышла у них просто на загляденье. Каково же ее мужу! А впрочем, мужчина, который сейчас за руку здоровался с дедом, не был похож на человека, у которого можно безнаказанно увести красавицу жену. Совсем не похож. Ростом чуть пониже деда и поуже в плечах, он выглядел уверенным и знающим себе цену человеком. Лицом он мне напомнил кого-то из артистов, но кого вспомнить не смог.

Поздоровавшись и поговорив с дедом, хозяйка, наконец, обратила внимание на меня.

— А это кто с вами Софрон Тимофеевич?

— Неужто не узнаешь? Внук это мой.

— Позвольте представиться Анна Николаевна. — Церемонно склонив голову и, чуть не щелкнув каблуками, сказал я. — Забродин Алексей.

Красавица с веселым удивлением посмотрела на меня и хотела что-то сказать, но всю аристократичность момента испортила Глашка:

— Немтырь! Это ты што ли? — Казалось, изумлению простодушной девицы не было пределов.

— Я это, любезная Глафира Кондратьевна, я. И вот тебе от меня подарок. — Достал из кармана апельсин и подал Глашке. Второй апельсин протянул будущей ведунье. — А это подарок Вареньке.

Девчонка, выскочив из-за матери, подбежала ко мне и, держа в одной руке коробочку с конфетами, другой рукой схватила оранжевый фрукт. Видя это, хозяйка сказала:

— Глаша возьми у Вареньки апельсин, помой хорошенько и идите с ней в детскую. Там

ешьте апельсины и конфеты.

Глашка, мгновенно забыв про меня, подскочила к девчонке:

— Варька давай свой апельсин. Побежали на кухню помоем и съедем, а потом конфетки попробуем,

Та протянула ей свой фрукт и поскакала следом за шустрой девицей.

— Пятнадцать лет девке, а все как ребенок. — Покачала головой хозяйка.

Дед начал вытаскивать из мешка подарки, которые он называл гостинцами. На свет появились: туесок меда литра на два, небольшой мешочек с кедровыми орешками, мешок с сушеными травами, три стеклянных пузырька с какими-то снадобьями и письмо, даже не письмо, а целый запечатанный пакет. Затем он извлек нечто похожее на дамскую сумочку и вручил ее хозяйке.

— Тяжелая. — Сказала, приняв сумочку Аннушка. — Что там?

Я знал, что там. Там были золотые монеты, что я отжал у евробандитов в счет компенсации морального ущерба нанесенного этими деятелями нашей ведунье. Перед самым нашим отъездом она согласилась взять монеты, но попросила отвезти их дочери.

— Савватеевна обо всем прописала. — Сказал дед, пресекая расспросы.

Потом мы сидели за столом пили чай и беседовали. Вернее беседовали хозяйка с дедом, а мы с Сергеем Петровичем дули чай и слушали: то рассказы деда о деревенском житье-бытье, то смех и восклицания Анны. Той, похоже, нравились байки о деревенских жителях, которых она знала.

Мне импонировала простота и естественность поведения этой редкой красавицы. А Сергей Петрович, если судить по взглядам, которые он время от времени бросал на жену, откровенно ею любовался. «А вы, батенька, похоже, подкаблучник» подумалось мне. Наверняка подкаблучник, что нисколько не удивительно, если к внешности его жены добавлен характер, унаследованный от тещи. Бедному Сергею Петровичу просто свыше не оставлено выбора. Но, судя по всему, его это нисколько не угнетает.

Наконец чай был выпит, деревенские новости рассказаны, пришла пора поговорить о делах.

— Петрович, — обратился дед к мужу хозяйки, — тут теща твоя решила, что пора ей в город перебираться и потому попросила нас Ляксем домик ей присмотреть. Не слишком дорого, и чтоб к вам поближе. Нет ли чего на примете?

Сергей Петрович переглянулся с женой и сказал:

— Сразу не скажу. Надо справки навести.

— Сережа, а ведь Берги уезжать собираются. Амалия Ивановна говорила, что Карлу Фридриховичу место предложили на заводе в Екатеринбурге. Он уже уехал и вроде письмо написал, чтобы продавала Амалия Ивановна дом.

— Вот как, а я и не знал.

— Да откуда тебе знать, ты же последнее время домой только спать приходишь.

— Я же тебе говорил Анечка, что новое оборудование пришло. Вот и пришлось его устанавливать, вчера только закончили.

— Анна Николаевна, а дом большой? — Влез я в разговор.

— Нет не большой. Три комнаты да кухня. Но ухоженный домик. Многовато, правда, Берги за него просят, но если поторговаться, то скостят маленько.

— Многовато, это сколько?

— Тысячу серебром, а на ассигнации, так и все полторы.

Дед вопросительно глянул на меня. Я согласно кивнул и показал два пальца. Дед понимающе ухмыльнулся и, доставая деньги, сказал:

— Вот две тысячи. Раз домишко хорош, то берите.

— Так Берги не сразу уедут. Месяца полтора подождать придется.

— Ну, когда уедут тогда и сообщите с оказией. А уж мы Савватеевну перевезем по зимнику.

— Сергей Петрович вот письмо. Лично для вас Феодора Савватеевна прислала. — Протянул я свернутый листок мужчине.

— Мне? — Удивился он. Развернул листок и пробежал глазами. После чего уставился на меня с нескрываемым интересом.

Анна удивленно глянула на мужа и, вытащив из его рук листок, тоже прочла. Теперь уже вдвоем они смотрели на меня и требовали разъяснений. Я знал, что там написано и понимал их недоумение.

— Как это понимать? — Спросила Аннушка.

— Понимать надо буквально. — Сказал я. — Раз матушка ваша написала, что к моему предложению надо отнестись серьезно, значит так и надо относиться. Впрочем, это пока касается только Сергея Петровича, но я не исключаю, что и вам в будущем придется последовать ее совету.

— Это как?

— Да просто все. Сергей Петрович у вас не найдется приятелей или знакомых, которые могут справиться с довольно сложной технической задачей? Разумеется, не бесплатно.

— Что за задача?

— Нужно разработать двигатель внутреннего сгорания, сокращенно «ДВС». Я рисую схему, объясняю принцип работы, а вы и ваши друзья на основе этого принципа и схемы разрабатываете чертежи. Если будет такая возможность, изготавливаете все детали в мастерской при заводе. Есть же на сереброплавильном заводе механическая мастерская?

— Мастерская есть. Мне даже приходилось там кое-что заказывать. Но моя то роль какая. Я же в механике не разбираюсь.

— Зато вы разбираетесь в электричестве. И поверьте, в том двигателе, что мне нужен, без электричества никак.

— А зачем тебе этот двигатель? — Спросила любопытная хозяйка.

— Ну, хороший двигатель всегда можно к какому ни будь делу приспособить. Можно автомобиль сделать.

— Автомобиль? — Сделала большие глаза красавица.

— Телега самобеглая. Так, кажется, его обозвал Кулибин. Правда у него ногами нужно было педали крутить, чтоб ехать, а мы мотор, ну то есть двигатель, приспособим. И сдастся мне, что за границей автомобили с таким двигателем уже делают.

— Делают. В Германии. — Сказал Сергей Петрович. — Но я даже не знаю, кого можно вам порекомендовать из моих знакомых.

— Сережа, а Долгов Николай с Сашкой Истоминым. Можно ещё Гехта Ивана пригласить и Володю Ярошенко. — Обозначила кандидатуры будущих разработчиков ДВС Анна Николаевна.

— Ты забыла про Тесслера Семена Аркадьевича.

— Так он же старый!

— Какой же он старый? Сорока еще нет.

— Вот и хорошо! Сергей Петрович поговорите со всеми и в следующее воскресенье я бы с вами со всеми встретился. Только вот где?

— А давайте у нас. Устроим вечеринку, повеселимся. Вы свои дела порешаете, а мы с девочками поболтаем. За детьми Глаша присмотрит. — Обрадовано воскликнула Аннушка.

— Любишь ты, Анечка, веселится. — Глядя на нее, улыбнулся Сергей. — А кто потом посуду мыть будет?

— А чего киснуть. — Засмеялась красавица. — Посуду мы с девочками помоем, чай не великие барыни.

— Ну хорошо. У нас так у нас. — Сдался Сергей Петрович.

— Значит договорились. — Сказал я. — Тогда вино и шашлык за мной.

— Шашлык? Какой шашлык? — Навострила ушки хозяйка.

Они что, не знают про шашлык? Вполне возможно, что и не знают. Ну, тогда сюрприз будет, если погода не подведет.

— Это, Анна Николаевна, кавказское блюдо из баранины.

— Ой, а я не люблю баранину. — Воскликнула Аннушка.

— Это на Кавказе шашлык делают из баранины, а мы сделаем из свинины и курицы. Главное, чтобы дождь не пошел, шашлык ведь на открытом огне готовить надо. — Сказал я поднимаясь.

Дед, молчавший до сих пор, понял, что пора уходить, тоже встал и, чуть поклонившись хозяйке, произнес:

— Благодарствую за угощение хозяйюшка.

— Ой, Софрон Тимофеевич, вы что, уже уходите...? — С неподдельным огорчением воскликнула Аннушка. Видимо скучновато красавице, оттого и гостям рада.

— Пора нам Анюта. Делов еще много. Зайдем перед отъездом. Глашке скажите, чтобы письмо своим написала, а то мать беспокоится, и сами приготовьте, чего Савватеене передавать будете.

— Хорошо Софрон Тимофеевич. Заходите. Будем ждать.

— А я, Анна Николаевна, в субботу к вам заскочу, обговорить, что нужно будет прикупить к воскресенью. — Сказал я.

— После трех часов подходи, как раз Сергей со службы придет. Надеюсь Сереженька, ты в субботу не задержишься на своей работе.

— Постараюсь милая, если что, то и сбегу, лишь бы тебя не огорчить. — Засмеялся мужчина, шутливо прикладываясь к ручке жены.

— Вот и не огорчай. — Весело отмахнулась от него Аннушка.

Выйдя от Глебовых мы с дедом не спеша шли по вечернему Барнаулу и он мне уже не казался таким пыльным и обшарпанным. Заходящее осеннее солнце как-то по-особому осветило дома, редкие деревья и прохожих, скрыв от глаз не ухоженность улиц и зданий. Я шел и, похоже, глупо улыбался, идущий рядом дед, несколько раз взглянув на меня, пробасил:

— Никак тебе, летна боль, Анютка понравилась. Баба она хорошая, веселая, худа только.

— Что...? А..., ты про Анну Николаевну? Понравилась, конечно, как она может не понравиться! И муж ее понравился. Просто они напомнили одних моих друзей из той жизни.

Не рассказывать же деду, что и до отъезда в Заринск и особенно после, когда бывал по тем или иным делам в Барнауле, старался зайти к чете Бурьяновых, чтобы окунуться в атмосферу интеллигентной доброжелательности, выпить чаю или хорошего вина,

посмотреть книги, коих в квартире было великое множество. С Павлом поговорить о литературе, об искусстве, вспомнить общих знакомых, посмеяться над беззлобно ироничными комментариями Ларисы, зарядиться ее энергией и жизнелюбием. Словом хорошо и с пользой провести время. Правда, заходил не очень часто, чтобы не надоест.

Ладно! Хватит сожалеть об утраченном времени. Надо здесь выстраивать жизнь, стараясь не повторять ошибок и не плыть по течению, как бывало в той такой невозвратной действительности.

Сильно отвлекаться от насущных дел дед не позволил.

— Надо нам, летна боль, и себе домишко присматривать, раз решили переезжать.

— Да я уже нашел. Недостроенный правда, но так даже лучше. План начертим, артель найдем и сделаем под себя. Сходим завтра, посмотришь, если тебе не понравится, поищем вам другой, а этот я в любом случае куплю. Пригодится.

— Ну, тебе видней. — Согласился дед.

Дальше шли молча. Дед о чем то думал, а я прикидывал, где мне искать мангал и уголь, чтобы в воскресенье порадовать будущих конструкторов и их жен кавказским блюдом. Вспомнил злосчастного продавца ведер. Можно мангал ему заказать или мастеру, чью продукцию продает этот Юхим. Наведаемся завтра на базар, попугаем его немного, да и закажем парочку мангалычиков. Один для Глебовых, а другой для парней, пусть тоже шашлычка попробуют. Еще шампуры заказать надо.

А с углем вообще никаких проблем. Его для сереброплавильного завода ежедневно возами в город тащат. Читал где-то, что чуть ли не тысяча человек уголь для завода выжигает. То-то лес вокруг Барнаула почти весь повывели. Экологическая катастрофа в полном разгаре. И Греты Тунберг на горизонте нет. Некому просветить бедных аборигенов об их будущей печальной участи.

Закроют скоро заводик из-за целого ряда причин, в числе коих и все возрастающая дороговизна древесного угля. Ну, никак чиновники, управляющие горным округом, не хотели переходить на каменный уголь. Ведь это суетиться надо, думать, решения какие-то принимать, а потом еще, не приведи господи, и отвечать, если что-то пойдет не так.

А пока добыть пару мешочков уголька для мангала не проблема. Да и мяса со специями на базаре достаточно, только деньги плати. Так что будет шашлычок на вечеринке у прекрасной Анны Николаевны.

Глава пятая.

Следующая неделя запомнилась как бег с препятствиями и пляски с бубнами. И началось всё, как водится, в понедельник. Утром пошли на базар, где немного поугадили продавца жестянок. На этот раз парни распределились согласно озвученной ранее диспозиции. Тор хмурой глыбой нависал над круглым и низкорослым Юхимом. Тоха с Греком встали по бокам и, сжав в руках нунчаки, готовы были отразить любое нападение. Белый тоже не зевал и был готов прийти на помощь любому из нас. Испуганный Юхим мгновенно сообразил, что продает товар, изготовленный неким Иваном Копыловым.

Оставив продавца отходить от испуга, двинули на поиски мастера. По дороге я похвалил парней за четкое выполнение тренировочного занятия. Отыскали упомянутого Ивана прямо на дому, где он уже с раннего утра, громыхал жестью и стучал молотком в сараюшке рядом с его домом. Был он худ, космат, бородат и не приветлив.

— Чего надо? — Хмуро спросил он, досадуя, что оторвали от работы.

— Заказ сделать хотим. Заплатим нормально.

Мужик оценивающе оглядел меня, потом стоящих за мной парней и вопросительно поднял брови, видимо не желая тратить слова на такую не серьезную публику. Я вчера поленился нарисовать мангальчик, и теперь стал довольно бестолково объяснять, чего же я все-таки хочу заказать. Тот, похоже, ничего не понял из моих объяснений и, открывая дверь в свою сараюшку, сказал:

— Заходи. А вы тут подождите. — Это он парням.

Зайдя следом за мной в захламленное помещение, подал мне кусочек мела и указал на лист жести лежащей на верстаке. Обрадовавшись, я быстренько изобразил в изометрии мангал и по привычке расставил размеры в миллиметрах. Видимо это и сбilo мужика с толку. Он никак не мог понять, что я от него добиваюсь.

— Для чего это тебе? — наконец спросил он.

Я объяснил назначение мангала и даже подрисовал шампур с куском мяса и угли. Наконец в косматой голове мастера что-то видимо щелкнуло и все встало на свои места.

— Дык сразу бы так и сказал. А это что? — он указал на проставленные миллиметры.

— Размеры это. — Сказал я, стирая стрелки и цифры.

Боясь запутаться в аршинах, локтях и пядях, я руками показывал натуральные размеры, а жестящик помечал на эскизе уже в понятной ему системе.

Оглядев эскиз, он выдал диагноз:

— Дно быстро прогорит.

— И что предлагаешь?

— Двойное дно делать. Вот так. — Взяв мел, он быстро прочертил местоположение нового дна.

— Разумно. — Оценил я. — И сделай мангал разборным.

— Это как?

Я объяснил. Мастер поскреб заскорузлой пятерней нечесанный затылок и сказал:

— Можно. Только это вдвое дороже выйдет.

— И сколько же?

Жестящик жестами, не хуже чем знаменитый Марсель Марсо, изобразил изрядное умственное усилие по правильной оценке своей работы. Он, то скреб пальцами бороду, то возведя очи к горе и загибая пальцы, шептал что-то, то застывал столбом, чтобы отмерев, повторить все сначала. Наконец выдал результат своих исчислений. Результат меня вполне устроил, хотя был наверняка завышен. Но спорить было лень, и я согласился заплатить озвученную цену, чем немного разочаровал мастера настроившегося хорошенько поторговаться. Сказал только:

— Мне нужно два мангала к субботе. И добавь еще по запасному дну, чтобы заменить если прогорит. Еще шампуры изготовь — штук тридцать. За них отдельно заплачу.

От жестящика повел свою команду к портному — к господину Хайкину Абраму Семеновичу. Господин Хайкин мне обрадовался.

— О! Молодой человек вы снова ко мне. Что-то заказать желаете?

— К вам уважаемый Абрам Семенович, к вам. И заказать много чего хочу. Мне нужно, чтобы вы пошили пять вот таких костюмчиков. — Я выложил перед портным свою потрепанную охотничью одежку. — И сшить их желательно из прочной ткани цвета хаки, то есть табачного цвета. Надеюсь, у вас найдется такая ткань, а если нет, то из чего ни будь зеленого.

— И цвета хаки найдется, и табачного цвета разыщем.

— Разве это не одно и то же? — Изумился я.

— Разумеется не одно.

— Тогда сшить надо из той, что покрепче.

— Это можно. Только зачем вам столько одинаковых костюмов?

— Мне один, а остальные вот им. — Указал я на окно, выходящее на улицу, где дурачились мои «мушкетеры».

— Вот оно что... — Протянул портной разглядывая парней. Потом, обернувшись ко мне, спросил: — А можно костюмчик ваш распороть?

— Можете делать с ним все, что вам угодно. — Разрешил я. — Только мне нужно, чтобы костюмы были готовы уже недели через полторы. За срочность — отдельная премия. И костюмчики делайте посвободнее. Парни растут еще.

— Вам тоже на вырост?

— Разумеется, уважаемый Абрам Семенович, разумеется.

— Хорошо! Давайте я вас замеряю, а потом пусть остальные подходят по одному.

— Это еще не все. Мне нужно метров сто тонкого, но прочного шелкового полотна. Цвет любой.

— Простите. Сколько вам шелка надобно?

Блин! Постоянно забываю, что нет еще здесь нормальной метрической системы. В аршинах ткань меряют. Какой-то «Аршин мал алан». Вроде фильмец такой древний был. Там еще кто-то от быка или коровы этим аршином отбивался. И сколько же этот аршин в сантиметрах то будет? Спросил у Хайкина. Тот показал деревянную линейку, сантиметров семьдесят длиной.

— Аршин сто пятьдесят, а лучше двести. И еще машинка швейная нужна. Это выполнимо или нет?

— Все выполнимо, если у вас деньги есть.

— Деньги найдутся, но слишком цену не завышайте. Я намерен и впредь иметь дело только с вами, но это и от вас зависит.

— Я вас понял молодой человек, но процентов на десять я могу рассчитывать. — Улыбаясь, спросил «кутюрье».

— Лучше конечно на пять, но только из уважения к вам согласен на семь.

— Тогда ни вам ни мне. Восемь процентов и я достану все, о чем вы просите. — Поставил точку Абрам Семенович.

— Договорились. Да, чуть не забыл, еще мне нужен тонкий, но прочный шнур. Желательно шелковый. Так же аршин двести.

— Поищу и шнур. Авансик дадите?

— Сколько?

— Рублей сто пятьдесят — двести хватит на все.

Выдал довольному портному аванс, и вспомнил о моем покоцанном пиджачке.

— Абрам Семенович, чуть не забыл. Мне нужен еще один приличный костюм. Пусть он будет похож на этот, только цвет другой.

— Пройдемте в мастерскую.

В мастерской на знакомом манекене висела очередная заготовка, несколько иного покроя чем мой костюмчик и из совершенно другой ткани.

— Вот этот, пожалуй, подойдет. — Сказал я.

— Так давайте примерим. — Обрадовался кутюрье.

Примеркой оба остались довольны:

— Как на вас скроен. Осталось прошить и забирайте.

— И еще Абрам Семенович, подберите пару рубашек, галстук, ну и шляпу.

— Подберем. Вы главное денежки приготовьте, об остальном мы позаботимся.

Я заверил портного, что расчет произведем по получению товара, попрощался и вышел к парням.

— Так мужики. Сейчас по одному к портному. Он вас обмерять будет. Потом идете к сапожникам и заказываете себе берцы. Образец у Белого. Тор вот тебе сотня. Дашь сапожникам аванс, если попросят. Грек заказывай две пары одну себе, другую мне. У нас с тобою размеры одинаковые. И пусть делают посвободнее, под толстую портянку. Настаивайте, чтобы шили побыстрее. Крайний срок полторы недели. За срочность обещаю премию.

— А ты куда? — Спросил Тоха.

— Пойдем с дедом дом смотреть. Ну, все парни побежал я.

Деда застал за столом. Он вместе с хозяевами чинно хлебал щи. Подсел к ним и тоже немного подзаправился. Хозяева к еде относились с почтением и потому жевали молча, лишь Никифор осуждающе покачал головой, когда я взялся за ложку без обязательной молитвы. Дед к несоблюдению ритуала относился гораздо спокойнее, но и он старался не болтать вовремя еды. Насытившись и поблагодарив хозяев, прошли в хибару, где мы с пацанами обитали.

— Что с разрешением на золотодобычу? — Спросил я.

— На следующей неделе обещали выдать бумагу. — Обрадовал меня дед.

— Тогда давай займемся покупкой дома. Пойдем для начала смотреть тот, про который я тебе говорил. А дальше видно будет.

— Далеко идти-то?

— Да нет. Через две улицы. Быстро дойдем.

Минут через десять, постучавшись, входили в дом к Зотовым. Все семейство сидело за

столом и занималось делом. Гришка раскрашивал «воздушные винты». Дарья с дочерью возились с матрешками. Первые две уже сохли на полке, радуя глаз яркими красками. Еще одну, раскрашивала Настена. Мать сидела рядом и помогала, прикусившей от усердия кончик язычка, дочери. Выглядела она сегодня лучше, чем вчера. Как-то поздоровее и поуверенней. Хотя, может быть, мне это показалась. Надо, пожалуй, с доктором, что ее лечил поговорить. Но это завтра.

Дед размашисто перекрестился на иконы, а я поспешил познакомить с ним хозяйку:

— Дарья Александровна! Разрешите представить вам моего деда Щербакова Софрона Тимофеевича.

Дарья встала и, чуть наклонив голову, сказала:

— Очень приятно. Зотова Дарья Александровна.

Судя по манерам, Дарьюшка воспитывалась не в деревне, да, пожалуй, и не в купеческой семье, тут явно каким-то пансионатом пахнет. Да и рисовать она, похоже, у кого-то училась. Дед одобрительно оглядел бедноватую, но чистую комнату, заставленный красками стол и прогудел:

— Бог в помощь хозяйюшка.

Дарья хотела, что-то сказать в ответ, но я быстро остановил их взаимные с дедом расшаркивания, направив энергию в деловое русло.

— Дарья Александровна, не передумали продавать недостроенный дом? Если не передумали, то давайте обсудим условия. Какую сумму вы собираетесь просить за строение?

— Рублей семьсот. Он, наверное, стоит дороже, но вряд ли кто купит.

— Хорошо! Семьсот рублей серебром. Теперь прилегающая территория как ее поделим?

— Да забирайте хоть всю. Мы все равно ничего не садим. И потом земля-то кабинетская, нам не принадлежит, арендуем только.

— Тогда договорились. — Сказал я, игнорируя красноречивый дедовский взгляд. Дед явно не понимал почему я не торгуюсь и мало того собрался платить серебром, хотя речи об этом не шло. Он хотел что-то сказать, но я предупреждающе покачал головой, мол, потом все объясню. Дед давно уже понял, что когда дело касается денег, я ничего просто так не делаю, потому вмешиваться не стал, терпеливо дожидаясь пояснений.

— Теперь Дарья Александровна осталось договориться, когда вы с Софроном Тимофеевичем сможете оформить сделку.

— Хоть завтра. Или когда вам нужно будет.

— Хорошо. Мы посоветуемся и вам сообщим.

Хотел было уже попрощаться, но увидел, как дед смотрит на раскрашенную матрешку.

— Дарья Александрона я вижу, что вы уже матрешку разрисовываете. Очень неплохо у вас получается. Только наверное надо будет бесцветным лаком покрыть, когда высохнут краски.

— Знатная игрушка будет. — Одобрительно прогудел дед. — Надо и остальные так же расписать. То-то Савватеевны внучка обрадуется, когда ей подарим.

— Ну, эту я уже Насте обещал, а вот следующую уже для Варвары приготовим. — Сказал я. — Дарья Александровна, а кто второй этаж должен был строить?

— Свирид Решетников с артелью и должны были дом полностью сделать, но муж умер, а меня нет денег, вот и стоит дом наполовину не достроенный.

— Понятно. А где нам того Свирида разыскать.

— Да тут он неподалеку живет. Гриша проводит.

— Так боец, собирайся и веди нас к дядьке Свириду. Кстати, а почему Григорий не учится. Вроде занятия в школе уже начались или нет?

— Рано еще. С первого октября учеба начнется. — Ответила мне хозяйка.

Гришка собрался быстро, уже минуты через полторы, он был готов вести нас куда угодно, но навестить строителя Свирида Решетникова, нам сегодня было не суждено, поскольку входная дверь распахнулась, и в комнату вступил, судя по мундиру и сабле местный аналог участкового — городской. За ним втянулся старый знакомый — Дермидонт, который Хренов или, по меткому определению тетки Ульяны, «хряк не холощенный». Вот же упорный ублюдок, нейдет ему. «Грохнуть его что ли?»: мелькнула в голове мыслишка. Блин, с этими утырками я точно Чикатиллой стану. Нет, надо как-то мирным путем начать проблемы решать.

Городовой, довольно молодой квадратный мужик с густыми молодецкими усами, распространяя запах ядреной смеси дегтя и самогона, оглядел помещение и, остановив взгляд на нас с дедом, строго спросил:

— Кто такие?

Но дед за свою достаточно долгую и разнообразную жизнь видел начальников и по круче, чем городской из заштатного городишки. Поэтому, несколько не убоявшись грозного вида представителя местной полиции, усмехнувшись, сказал.

— Ты милоч, как человек государственный обозвался бы для начала. А то не понятно, толи ты лицо полномочное, а толи так самогону зашел выпить.

Городовой, не привыкший слышать подобные речи от простого по виду, деревенского мужика, хотел было вспылить, но работа в полиции и встречи с самым разнообразным людом, развили в нем не хилую интуицию на разного рода неприятности. Тем более, что рядом с могучим и не робким мужиком, мыкался молодой паренек с тросточкой и в шляпе. По прошлому опыту он знал, что наибольшие пакости нужно ожидать вот от таких, одетых в господскую одежду, хлыщей. Они почти всегда оказывались знакомы или с начальством или, что еще хуже, с детьми того же начальства. Поэтому придержав, разогнавшихся было коней, представился:

— Городовой второго разряда Горлов Игнат.

— Совсем другое дело! Теперь видно, что ты господин Горлов в полномочии и при исполнении. Потому вот мой паспорт. — Прогудел дед и, покопавшись за пазухой, протянул городовому бумагу, выданную ему Акимом Силантьевым. Тот взял бумажку, мельком глянул в нее и вопросительно посмотрел на деда. Дед понял его и, усмехнувшись, сказал:

— Щербаков Софрон Тимофеев сын, крестьянин села Сосновка. А это внук мой Ляксей.

Горлов, шевеля губами, прочитал в паспорте фамилию с именем и произнес:

— Сходится. Это выходит вы остановились у Никифора Зимина?

— Мы.

Городовой обернулся к стоящему позади него Дермидонту и посмотрел на него довольно долгим и, как мне показалось тяжелым, взглядом. Затем, повернувшись в нашу сторону, спросил:

— А здесь, в доме купеческой вдовы Зотовой, что делаете?

Я решил, что пока дед не наломал дров, надо брать общение с бдительным городовым в свои руки. Явно как-то замотивированный Дермидонтом, Горлов, сейчас и особенно в будущем, может доставить нам кой какие неприятности. Возможности для этого у городского имеются. А оно нам надо? Поэтому обещаниями будущих реальных «пирогов и

пышек» и гипотетических «синяков и шишек» надо сбить его с этого негативного настроения и по возможности привлечь на свою сторону.

— Простите господин Горлов, что не знаю вашего отчества... — Начал я.

— Игнат Степанович.

— Игнат Степанович, прежде всего от лица Дарьи Александровны и от нашего с Софрон Тимофеевичем лица позвольте выразить вам благодарность за то что не оставляете без внимания вдову в трудную для неё пору. Я в свою очередь в разговоре с Николаем Ивановичем, обязательно упомяну о вашем ревностном исполнении служебного долга.

Я, конечно, не знал, есть ли среди местного начальства некий Николай Иванович. Если человек с таким именем имеется, то Горлов призадумается, а нужно ли ему, городовому второго разряда Горлову Игнату, чтобы тот знал о его существовании. А если такого человека в городском истеблишменте нет, то это еще хуже. Неизвестный Николай Иванович приобретет в воображении бедного Игната прямо таки губернские масштабы.

По тому, как дернулись роскошные усы и помрачнело лицо, понял, что попал в точку. Так! Завуалированные «синяки и шишки» обещаны. Теперь надо как-то вырывать на «пирог и пышки». Но вырывать не дала влетевшая в комнату, растрепанная и запыхавшаяся тетка Ульяна. Видимо увидела входящих в дом Хренова с городовым и кинулась спасать свою Дарьюшку. С порога она наехала на Дермидонта:

— И что ж ты ирод такой все ходишь? Тебе же было сказано, чтобы отстал от неё. А ты, Игнат, саблю нацепил, а пьянице этому потворствуешь. Вот скажу отцу твоему — Степану, он на твои усы и саблю, небось, не посмотрит. Враз всю дурь выбьет.

— Здравствуйте Ульяна Никифоровна. — Сбил я бабульку с боевого настроения.

— Барчук это ты што ли? Не увидела тебя сослепу. А это кто с тобой такой важный?

— А это уважаемая Ульяна Никифоровна дед мой Софрон Тимофеевич. Мы тут у Дарьи Александровны дом недостроенный покупаем. Вот пришли договориться, когда оформлять будем.

— Хорошее дело. А что картинки покупать больше не будешь?

— Так вешать некуда. Дома-то еще нет. Те рисунки я в подарок хорошим людям купил. И вы зря так на Игната Степановича набросились. Он ведь при исполнении. Вот пришел разузнать, как тут вдова живет, не обижает ли кто? Так ведь Игнат Степанович?

Горлов не ожидавший такого вопроса, растерялся:

— Дык, оно конечно...

— Видите! И Игнат Степанович подтверждает, что пришел не просто так.

Игнат Степанович чувствовал, что проклятый хлыщ, что-то затевает, но не успевал за говорливым хлопцем. А я разливался соловьем:

— Знаете ли вы уважаемая Ульяна Никифоровна, как трудна работа городского? Ведь он должен знать всех на вверенном ему участке. А это почти тыща душ и каждого расспроси, разузнай чем живет и чем дышит. Не замышляет ли чего супротив порядку, что богом нам дан. Так ведь Игнат Степанович?

— Оно так...

— Опять же варнаки бедокурят и за ними успевай. Да еще начальство спрашивает строго, если что не так. Вот видите Ульяна Никифоровна, только Дарья Александровна хотела к участковому приставу с жалобой пойти, а Игнат Степанович уже тут как тут. Да еще и господина Хренова привел. Ведь как раз на него госпожа Зотова и хочет пожаловаться. Так, что прям сейчас я думаю, Игнат Степанович с жалобой разберется и к приставу не надо

будет идти.

Горлов снова оглянулся, на малость взбледнувшего, Хренова и взгляд этот, ничего хорошего последнему не сулил. Идея наехать на строптивую вдову, используя, так сказать, административный ресурс в лице городского второго разряда, уже не казалось Дермидонту такой привлекательной, и он стал потихоньку пятиться к дверям. Я пресек эти поползновения.

— Куда это вы господин Хренов? Игнат Степанович попридержите Дермидонта, не знаю как его там по батюшке.

Тот повернулся к струхнувшему мужику и, указав на лавку возле дверей, хмуро произнес:

— Сядь сюда!

Затем протянул мне дедовский паспорт и, оглядев всех присутствующих тоскливым взором, произнес:

— Что за жалоба?

Я видел, что городской уже не раз пожалел, что повелся на рассказы и обещания Дермидонта и принял участие в этом, теперь уже не простом, деле. Он бы, пожалуй, плюнул на все и ушел, но сообщение о том, что жалоба будет подана участковому приставу, останавливало его. Одно дело самому по тихому разобраться в этой склоке, и совсем другое, когда придется докладывать приставу, который будет недоволен уже тем, что приходится ему самому напрягаться. А тут и до обвинения в плохой работе недалеко.

Я прекрасно понимал городского Горлова, поскольку в прошлой жизни, будучи небольшим начальником, не раз попадал в подобные ситуации. Мысленно хохотнув над незадачливым Игнатом: «А кому сейчас легко», продолжил представление. Отдав паспорт деду, который с удовольствием наблюдал за этим цирком, я обратился к городскому:

— Игнат Степанович вы присядьте вот сюда к столу, а Дарья Александровна с Ульяной Никифоровной нам с вами чайку спроворят. Самовар то еще не остыл? — Спросил я женщин.

— Не остыл.

И женщины в четыре руки быстренько убрали все со стола и водрузив самовар, разлили чай по чашкам поставили на стол плоску с дорогушим колотым сахаром и другую с нарезанным лимоном. Дед, пододвинув стул на котором сидел, присоединился к нашей компании. Я бросил сахар и кружечек лимона в чай, размешал и отхлебнул. Потом пододвинул плоску с лимоном поближе Горлову и сказал:

— Игнат Степанович с лимончиком чаек попробуйте, все вкуснее с лимончиком-то. Спрашиваете, что за жалоба? Так домогался сей господин Дарья Александровны. — Указал я на Дермидонта, которому женщины чаю не налили, и он сидел с видом несправедливо обиженного.

— Когда его отвергли, то он заявил, что покойный купец Иван Зотов, взял у него в долг двести рублей. Но Дарья Александровна говорит, что про долг господину Хренову ей ничего не известно и что все долги покойного мужа она закрыла. Поэтому нам с вами нужно разобраться, насчет этого дела. Если долг есть, то госпожа Зотова его обязательно выплатит, хотя это будет для нее и затруднительно. А если долга нет и все это Хренов выдумал, тогда как?

От моих слов городского слегка перекосило, и он, злобно посмотрев на Дермидонта, процедил:

— Говори!

— Что говорить? — Проблеял бедняга.

— Господин Хренов расскажите подробно, когда и где вы давали в долг деньги Ивану Зотову. — Влез с вопросом я.

Дермидонт с затаенной надеждой взглянул на городского, но наткнувшись на злой ответный взгляд, стал рассказывать:

— Весной перед самым отъездом он пришел ко мне домой и попросил в долг двести рублей.

— Расписку предъявите, господин Хренов.

— Расписку? Какую расписку?

— Расписку, какую вам дал купец Зотов.

— Не давал он мне никакой расписки. Купеческое слово дал, что по приезду долг вернет.

— Купеческое слово оно конечно крепкое, но к делу его не пришьешь. Скажите господин Хренов, а почему он именно к вам обратился за деньгами. Вы, что ему родственник или может друг?

— По соседски попросил помочь.

— Что ж ты врешь! Рожа твоя бесстыжая! По соседски... По соседски он тебе морду бил по весне. Тьфу! — Не выдержала тетка Ульяна. — Что вы слушаете этого пропойцу. Он отцовское наследство пропил, а теперь с Дарьюшки денег содрать хочет.

— Дарья Александровна правда, что ваш муж был не в ладах с господином Хреновым. — Спросил я, чуть порозовевшую, хозяйку.

— Весной, когда я шла вечером от бабы Ули, он пьяный меня подкараулил и стал приставать, а я мужу рассказала, ну тот и поучил его маленько. Да про это все соседи знают. И раньше ему от Ванюши не раз доставалось.

— Так господин Хренов вы подтверждаете, что были в неприязненных отношениях с мужем госпожи Зотовой? Учтите, что мы можем опросить и других ваших соседей.

Дермидонт окончательно сник и, опустив голову, проскрипел:

— Признаю.

— А теперь скажите, брал купец Зотов у вас в долг деньги или не брал? Советую говорить честно, и это останется между нами, а если соврете, то госпожа Зотова подаст на вас в суд и вам придется отвечать по всей строгости закона.

— Покайся ирод! — Сказала отходчивая тетка Ульяна.

Тот искоса глянул на женщин и нехотя сказал:

— Не брал.

— Ну, вот Игнат Степанович вы прекрасно справились с расследованием этого запутанного дела. Виновный изобличен. Осталась только одна небольшая формальность.

— Это ж какая? — Хмуро произнес Горлов.

— Сейчас увидите. Дермидонт подойди-ка сюда. Дарья Александровна дайте чистый листок бумаги.

Я давно заметил, что местные очень трепетно относятся к писанным документам, и вовсю старался использовать этот ресурс. Благо с бумагой и чернилами здесь напряженки не было. Хозяйка подала мне требуемое. Я придвинул к столу стул и сказал.

— Садитесь господин Хренов. Кстати как вас по отчеству? Сидорович. Замечательно. Берите тогда ручку и пишите: «Я, Хренов Д. С. Проживающий по улице Бийской, никаки»

претензий к вдове купца Зотова Зотовой Д.А. не имею. Девятнадцатого сентября 1889 года». Написал? Вот и хорошо. Теперь распишись. Вот тут. Расписался. Молодец. А теперь вы Игнат Степанович заверьте документ, как лицо официальное.

Я подвинул листок и ручку городовому. На его недоуменный вопрос: «Чего писать?» сказал:

— Пишите «Подпись Хренова Д.С. заверяю. Городовой второго разряда Горлов И.С.» Распишитесь и число проставьте.

— За вашу подпись господин Горлов, вам полагается мзда. Вот примите. — Положил я перед ним пять рублей. Взял подписанный листок и сунул его себе в карман.

Тот секунду поколебавшись, деньги взял. Ну, вот и «пирог с пышками» пошли.

— Игнат Степанович пойдете, проводим господина Хренова со двора. — Предложил я, заметно повеселевшему городовому.

Выйдя из дома, я схватил Хренова за плечо и прошипел ему в ухо:

— Еще раз госпожа Зотова на тебя пожалуется, то пеняй на себя! Яйца отрежу и сожрать заставлю. — И добавил — Господин Горлов направьте Дермидонта на путь истинный.

Тот без затей врезал бедняге своим кулачищем по морде и, развернув, наподдал коленом. Потом, обернувшись ко мне, спросил:

— Зотова родственница твоя?

— Нет не родственница. Меня попросил о ней позаботится один влиятельный господин, вот ему она родственница. Но мне скоро придется не на долго уехать, поэтому попрошу вас присмотреть за семейством Зотовых, чтобы никто не обидел вдову. Буду вам за это благодарен. И вот возьмите на текущие расходы, протянул ему двадцать рублей. Городовой с достоинством принял взятку:

— Не изволь беспокоиться. Присмотрю.

И мы с ним разошлись. Он, вполне довольный тем, что выкрутился из щекотливой ситуации без потерь, и даже с немалым прибытком, пошел по своим делам, а я вернулся к остывшему чаю и баранкам. Что-то я подустал и к Свириду идти не хотелось. Ладно, завтра сходим.

Глава шестая.

На следующее утро, вспомнив о Дарьиных рисунках, я нашел столяра и заказал для них рамки, он же и согласился нарезать стёкла. Затем, захватив матрешки и оставшиеся винты, пошли с дедом к Зотовым. Там похвалив художниц за ярко раскрашенную матрешку, оставили еще не раскрашенные игрушки, и ведомые Гришкой, отправились к главе строительной артели — Свириду Решетникову.

Свирид, кромепегой клочковатой бороды, оказался мужиком ничем внешне не примечательным. Когда узнал, зачем мы к нему пришли, то обрадовался:

— Это хорошо, что выкупили зотовский дом и хотите достроить. Негоже оставлять на зиму его без крыши.

— У вас есть план второго этажа? — Влез я с вопросом.

Тот с недоумением посмотрел на меня, а потом перевел вопрошающий взгляд на деда. Дед понимающе хмыкнул и сказал:

— Внук мой это. Ляксей. Можешь, летна боль, с ним как со мной говорить.

Свирид еще раз недоверчиво оглядел меня и, выгасив из шкафа свернутый трубочкой лист, протянул его деду. Тот не разворачивая отдал мне. Я на столе развернул лист и стал разглядывать вполне понятно начерченный план. Хозяин подал мне два стакана, чтобы придавить края листка и встал рядом, приготовившись разьяснить непонятные моменты. Я внимательно рассмотрел эскиз, задал пару не особо значащих вопросов. Конечно если бы были нормальные трубы и сварочный аппарат я все бы здесь сделал по другому. В принципе можно сделать и без сварки, если есть токарный станок, но вот без труб никак. На всякий случай спросил Свирида:

— Господин Решетников, а в городе никто водяного отопления не делает?

— Како тако водяное отопление? Вот печь на первом этаже и дымоход. На втором вот тут голландку поставить можно, да подтапливать в холода. А про водяное мы ничего не знаем.

— Понятно. Печь вы сами делать будете или приглашать кого?

— Сами. Есть у нас печник.

— Хорошо. Тятя договаривайся с господином Решетниковым об оплате и сроках. Я, пожалуй, пойду, а то дел много.

Дед разрешающе махнул рукой, повернулся к Свириду, и они приступили к любимому занятию аборигенов — стали торговаться.

Я же двинулся искать доктора, что лечил Дарью Зотову. Благо, что фамилию и адрес тетка Ульяна мне сообщила. Правда, адрес не полный, только название улицы, но первый же пробежавший мимо сорванец показал мне его дом. Собственно я и сам мог бы найти, поскольку на дверях дома, выходявших прямо на улицу, красовалась табличка с именем и фамилией и званием доктора.

Покрутил ручку звонка и дверь мне открыла молодая розовощекая деваха в простом платье и белом переднике. Она вопросительно уставилась на меня, не снисходя до разговора. Блин, как раздражает, что из-за совершенно не взрослой внешности, меня не воспринимают серьёзно.

Вот как при таком отношении, прикажете Россию спасти? Лишь мысль, что юная и

довольно симпатичная, на мой взгляд, мордашка — это не на долго. Как только нормальные усы начнут расти, тут же отпущу. А вот насчет бороды, однако, воздержусь. Уж больно достали эти вездесущие бороды, порой вполне приличные небольшие, но чаще всего длинные и окладистые. Как там, в песенке из интернета: «Ути какие мы все бородатые...».

— Могу я видеть доктора Александра Ионовича Подгорского? — Как можно вежливей спросил я и чуть ножкой не шаркнул.

— Зачем тебе доктор? — Оглядев меня с ног до головы спросила эта грудастая деваха.

«А ничего так горничная у доктора. Видно губа у него не дура» — ехидно подумал я, но выдал согласно моменту вполне приличную фразу:

— Консультация нужна.

— Доктор бесплатно не принимает.

— А кто сказал, что бесплатно? Я этого не говорил. Деньги вот.

Я полез в карман, чтобы достать пять рублей, вроде столько брал с больных чеховский доктор в одном из его произведений. Повесть, кажется, называется: «Цветы запоздалые». Вроде должна быть уже опубликована. Надо выяснить это у книжного дедка, что торгует на базаре.

Но вытаскивать деньги не пришлось. Горничная открыла пошире дверь и, чуть посторонившись, сказала:

— Проходи.

Я протиснулся в узкую щель между не маленькой грудью девахи и дверью. Девушка откровенно забавлялась, стараясь смутить совсем юного парнишку, но видя, что тот не особо смущается, (я даже дал понять, что не прочь потискать ее тугую грудь), бросила дурачиться и провела меня в приемную, где за столом сидела какая-то мымра. В синем халате и в белой косынке на голове и в очках, она выглядела сурово и монументально. Строго взглянув на горничную, она оглядела меня и спросила:

— Что вы хотели молодой человек?

— Я хотел справиться о состоянии здоровья Дарьи Зотовой. Мне сказали, что доктор Подгорский осматривал ее и назначал лечение.

— Вы родственник Зотовой?

— Нет, но моего деда и меня попросил узнать о ее состоянии ее родственник. Он живет в Тюмени и сам приехать не может. Мы же с дедом, когда навестили Зотову, то застали ее с семейством в крайне затрудненном положении после смерти мужа и в очень болезненном состоянии. Мы готовы ей всячески помочь, но нам надо знать: ее болезнь — это простуда или, не дай бог, туберкулез.

— Туберкулез?

— Ну да туберкулез. Разве это название еще не в ходу? Тогда пусть будет чахотка.

— Название употребляется среди докторов, но вы то откуда его знаете?

— А... Читал где-то. — Отмахнулся я.

Медсестра (буду ее так звать, уж очень похожа на одну мою знакомую из прошлой жизни. Та именно медсестрой и работала). Так вот «медсестра» еще раз самым внимательнейшим образом рассмотрела, такого начитанного меня и произнесла:

— Пройдемте к Александру Ионовичу.

Сидевший за столом мужчина внешность имел совершенно еврейскую. «Ага, Ионович! Иудович скорее всего» — подумал я.

Надо сказать, что в Барнауле в конце двадцатого века еврейская фамилия врача была

своеобразным знаком качества. По крайней мере, настоящих профессионалов среди них было побольше. Недаром, в двадцать первом веке, на табличках, прикрепленных к елочкам, которые были высажены у входа в медуниверситет в честь почетных профессоров медвуза, еврейские фамилии красовались более чем на половине из них.

Так что никаких предубеждений его физиономия у меня не вызывала. К тому же он немного походил на известного физика Льва Ландау. Такая же длинная кадыкастая шея и несколько беспорядочная прическа, хотя лицо гораздо правильнее и благороднее что ли и, самое главное, бритое. За что ему от меня, как говорит моя внучка, отдельный респект и уважуха.

Когда мы вошли, мужик нехотя оторвался от чтения какого-то медицинского журнала на немецком языке и, склонив на бок голову, по-птичьи глянул на нас. «Щегол» пронеслось в голове. Причем тут щегол? «Мой щегол, я голову закину, поглядим на мир вдвоем». Вот, блин, сколько поэтического мусора в памяти досталось в наследство от старика.

— Александр Ионович, вот юноша интересуется здоровьем Зотовой Дарьи Александровны. Спрашивает, а не туберкулез ли у нее.

— Что, прямо так и спрашивает? — Осведомился доктор, разглядывая меня с иронией и легким удивлением

Я не стал дожидаться дальнейших комментариев и, решив взять инициативу в свои руки, сказал:

— Уважаемый господин Подгорский, совершенно не важно как эта болезнь называется, чахотка, туберкулез или еще как. Если у госпожи Зотовой туберкулез, то и лечение должно быть соответствующее. И к тому же, как я знаю, туберкулез болезнь заразная. Значит надо как-то оградить ее детей. А если это простуда, то видимо и лечить ее надо по-другому.

— Вы, молодой человек, кем Зотовой приходитесь? И кстати вы не представились.

— Прошу прощения! Забродин Алексей. Я все объяснил вашей помощнице.

— Аглая Борисовна?

— Да это так. И я думаю, что можно рассказать юноше о болезни Зотовой.

— Ну, раз Аглая Борисовна считает, что вы имеете право знать о болезни этой женщины, то так тому и быть. Прежде всего, спешу вас успокоить: у госпожи Зотовой нет туберкулеза.

— Вы, что рентген делали? — Заинтересовался я. И тут же пожалело о сказанном.

— Рентген? — Удивился доктор. — А что это такое?

Вот блин! Думать надо, а уж потом языком молоть. Придется как-то выкручиваться.

— Наверное до нас еще не дошло. Немец по фамилии Рентген открыл лучи, которые проходят сквозь человека и фотостекло засвечивают. Одним словом все внутренние органы и кости на том фотостекле видно. И вроде они уже аппарат такой изобрели. Вот с помощью того аппарата затемнение в легких увидеть можно.

— Вот как! И где такой прибор можно приобрести?

— В Германии, наверное. Цена у такого аппарата, должно быть, заоблачная.

— Жаль. Но мы и по старинке диагностируем неплохо. Симптомов туберкулеза у госпожи Зотовой нет, а вот простуда осложненная депрессией вполне прослеживается.

— Ну, с этим мы как-нибудь справимся. Кстати, что за лекарство вы ей прописали?

— Лауданум. Его рекомендуют применять в подобных случаях все европейские врачи.

— Скажите, в составе этого лауданума опиум содержится?

— Конечно. А в чем дело?

— А вам известно, что опиум, довольно тяжелый наркотик. Его употребление даже в лечебных целях ведет к привыканию и даже зависимости. В конце концов, человек начинает потреблять все большие дозы этого препарата, что пагубно влияет на его здоровье.

— Даже так. — Скептически произнес доктор. — Выходит, лучшие врачи Европы ошибаются, а вы молодой человек нет.

Александр Ионович снова по птичьей склонил голову на бок и стал меня разглядывать, насмешливо кривясь. Меня это несколько не смутило и я изрек:

— Не знаю кто, но кто-то из великих учил все подвергать сомнению и проверке. А пользу или вред лауданума проверить очень просто. Возьмите две группы мышей поместите их в одинаковые условия содержания и кормежки. Одной группе давайте ваш лауданум, второй не давайте. Ну, проследите за ними. Я думаю, через два-три месяца, а скорее всего и раньше, вы получите вполне однозначный ответ. Повторите опыт. Потом результаты и выводы опубликуйте.

— Гм... Интересное предложение. А как быть с дозой?

— Пропорционально массе тела. Насколько средняя мышь будет весить меньше среднего человека, настолько и дозу уменьшать. А скорее всего, делать еще меньше.

— А что! Можно попробовать. Вы как, Аглая Борисовна, возьметесь или мышей боитесь.

— Я, Александр Ионович, уже мало чего боюсь и мышей в том числе. А опыт провести будет очень интересно, только мышей, где взять?

— Ну, это не проблема. — Улыбнулся доктор. — Пообещаем соседским мальчишкам копеек по пять за мышку, они столько наловят, что и на три опыта хватит.

— Что ж господа ученые, счастливо вам послужить науке. Скажите, что я должен за консультацию? — Церемонно произнес я.

— Нет, ты посмотри на него. — Вдруг засмеялся Александр Ионович. — Прямо аристократ! Но мы тоже аристократы не из последних, поэтому денег за консультацию брать с вас господин Забродин не будем. Вы заходите к нам иногда, уж очень интересно вы рассуждаете о последних достижениях науки. Послушаем и обсудим.

— Непременно загляну при случае. Да кстати, а вы знаете, что госпожа Зотова — талантливый художник. Я тут приобрел несколько ее акварелей в подарок одной даме. Я бы сказал — весьма не дурственные картинки.

— Вот как! И кому же, если это не секрет, вы их собираетесь дарить? — С насмешливой улыбкой спросил доктор. Похоже, он никак не хотел принимать меня всерьез.

— Не секрет. Хочу подарить акварели Анне Николаевне Глебовой. Ей они должны понравиться.

По тому, как оживился Александр Ионович при упоминании нашей красавицы, я заключил, что знает, знает доктор Подгорский о существовании данной особы. И, похоже, не только знает, но и лелеет насчет неё, некие коварные замыслы. Хотя, по моему, совершенно напрасно. Аннушка показалась мне женщиной здравомыслящей, иронично веселой и вполне довольной собой и своим мужем.

Думаю, что бедному доктору там ничего не светит. Довольно с него горничной, которая по некоторым параметрам ничуть не уступает, а по одному даже и превосходит Анну Николаевну. Но, в общем, все это не важно. Главное, акварели художницы Зотовой и красавица Аннушка в сознании доктора встали в один ряд, и надеюсь, теперь Дарьины рисунки покажутся ему вполне талантливыми и достойными покупки. А если он еще и перед

знакомыми похвастается, то совсем хорошо. Так, что первый шаг в раскрутке художественного таланта Дарьи Зотовой мною сделан.

Я хотел было раскланяться, но доктор после упоминания о прекрасной Аннушке, возжелал услышать подробности. Пришлось рассказывать. Наконец, когда я стал прощаться, ссылаясь на дела, то Александр Ионович сказал, что послезавтра зайдет к Зотовым часам к трем после полудня. Осмотрит больную, ну и за одним на рисунки глянет. На том и расстались.

Выйдя на улицу, взглянул на солнце, чтобы определиться со временем. Похоже время обеда. Все забываю часы прикупить. Правда, наручных часов в продаже нет, а эти здоровенные карманные, что сейчас в ходу не очень мне нравятся. Но делать нечего придется покупать. Видел на Московской улице магазинчик, где среди прочего торгуют и часами, двинул туда. По дороге заглянул в трактир пообедать. Блин, а ведь неплохо кормят в этом трактирчике и вроде не дорого. Но это как посмотреть: для меня может и не дорого, для кого-то неподъемные деньжищи.

В магазинчике выбор часов был не велик, вернее его не было совсем. Часы друг от друга отличались лишь цепочкой с помощью которой крепились к одежде. Цепочку выбрал по надежнее и самую длинную из имеющихся. Увесистый отделанный серебром агрегат в корпусе с крышкой, вполне можно использовать как кистень. Но думаю после такого издевательства над сложным и дорогим механизмом, часы уже ходит не будут. Продавец по моей просьбе выставил на циферблате текущее время и я, опустив покупку в карман, отправился на базар в надежде застать там продавца-книголюба.

Старик оказался на месте. Он сидел за прилавком и что-то читал. Когда я подошел и стал перебирать книги, он, отложив чтение, сказал:

— Это снова вы молодой человек. Неужели уже прочли книжки, что недавно купили.

— Еще нет. — Сознался я. — Габорио друзья читают, а «Мертвое озеро» мне не понравилась, хотя женщины наверное с удовольствием читают. Такое впечатление, что к написанию этого романа еще и какая-то дама руку приложила. Местами уж слишком сентиментально и душераздирающе.

Старик с интересом взглянул на меня и сказал:

— А ведь вы правы молодой человек. Простите не знаю вашего имени.

— Забродин Алексей. — Представился я.

— Вы правы Алексей. Госпожа Панаева Авдотья Яковлевна ручку свою приложила.

— Вот как. Значит, не ошибся я. А кто она такая эта Авдотья Яковлевна?

— О! Госпожа Панаева очень интересная дама. Писательница, хозяйка литературного салона, куда ходили все известные литераторы. Жена писателя Панаева Ивана, другом которого был Некрасов.

— Это с Панаевой у Некрасова были какие-то дела, да еще вроде при живом муже?

— Были. Но я не хочу обсуждать женщину, особенно такую как Авдотья Яковлевна. Да и жива она и по слухам воспоминания пишет. Вот опубликует тогда и почитаем.

Ну, блин и нравы у творцов, так и норовят у друга жену отбить. Сначала, значит, Некрасов отметился, а там и Герцен у лучшего друга жену увел. Тенденция, однако.

— Скажите Павел Степанович повесть «Цветы запоздалые» Чехова Антона Павловича уже опубликована?

— Есть такая. Толька автор вроде Антоша Чехонте.

— Это псевдоним Чехова. Вот вы сказали, что в салон к Панаевой хаживали все

известные ныне литераторы. А списочек можно. Поимённо.

— Можно конечно. Только зачем это вам?

— Хотелось бы с настоящей литературой ознакомиться. Вы назовите, я запомню.

Не говорить же милейшему Павлу Степановичу, что хочу разобраться в чем отличие этого мира от мира моего, ну то есть не моего, а старика, чей памятью загружен мозг Леньки Немтыря.

Старик усмехнулся и начал перечислять столпов российской литературы вхожих в салон Авдотьи Панаевой. Имена все мне были более или менее известны. Хотя нет, вот про этого даже не слышал.

— Вы сказали Соболевский? А кто это?

— Разве не знаете? Поэт известный, хотя сейчас его немного забывают стали.

— А можно его стихи почитать?

— Чего же нельзя. Вот, пожалуйста. — Старик, покопавшись, извлек небольшой томик.

Я взял книгу, полистал, прочитал пару стихотворений. А ведь что-то похожее по стилю на Некрасова или мне это показалось. Надо прочесть.

— Я, пожалуй, куплю эту книжку. Из сочинений господина Дюма у вас ничего не появилось?

— Достал можно сказать специально для вас. Вот «Три мушкетера». — И подал мне несколько потрепанный том.

— Вот спасибо. И скажите, есть ли такая книга, где бы в сжатой форме излагались исторические события, хотя бы только за нынешний век, или какой либо учебник истории?

— Гм...Сразу и не скажу, но поищу. Заходите почаще.

— Обязательно зайду. Может еще что ни будь посоветуете почитать деревенским парням.

— Возьмите вот Гоголя «Тарас Бульба», я думаю, вам понравится.

— Давайте.

Расплатившись, с книгами под мышкой пошел домой. В халупе, где мы с парнями остановились, никого не было. Значит, гуляют где-то парни. Заглянул к хозяевам; деда тоже не было. Неужели дед со Свиридом завис. Сторговались, а сейчас сделку обмывают? А почему нет. Надо же и деду иногда расслабляться.

Залег на лавку и принялся читать Соболевского Александра. Ну что сказать, пожалуй, этот Соболевский и есть альтернатива Некрасову. Правда, на мой взгляд, «и дым по жиже, и труба пониже». Хотя как знать, в том достаточно объемном сборнике, что в свое время просматривал, у Некрасова довольно много, но опять же на мой взгляд, ерундовых стихов. Впрочем, у кого из поэтов их нет. Может у этого Соболевского в других сборниках и есть что-то, но в этой книжке не встретилось мне ничего, что бы запало в душу.

Отложив книжку, я призадумался. Литература это ведь своеобразное отражение действительности. И судя по этому отражению мир, в котором я сейчас обретаюсь, прёт по той же генеральной прямой, слегка запаздывая и не критично отклоняясь в ту или иную сторону, что и мир старика Щербакова. Это означает, что высока вероятность повторения войн и революций. И что я должен делать в этом случае? Да хрен его знает.

В одну каску я точно ничего не изменю. Самое радикальное, что смогу сделать это наследнику нынешнего царя, Николаю, какую ни будь бяку устроить, и даже со смертельным исходом. С послезнанием это не так уж и трудно. Хотя его и так, ударенный на всю голову, самурай с тупой саблей дожидается. Ну почему никто во всей Японии не подсказал этому

горе полицейскому, что саблю надо точить. Будь сабля поострей, развалил бы башку царевичу этот «японский городской», то и история может пошла бы по другому пути.

Но разве в одном Николае дело. Там же еще целая свора великих князей, до денег и удовольствий жадная. Наверняка лезут с просьбами, советами и интригами. В общем, тот еще серпентарий.

Какой бы ты не был самодержец или даже диктатор, все равно придется крутиться вошью на гребешке, между различными группами элиты, у которых свои интересы и чаяния. А еще крупная буржуазия, состоящая в изрядной мере из представителей старообрядческих семей, у которых с властью и церковью давнишние терки. Интеллигенция, вечно стоящая в оппозиции к любой власти, стремительно растущий пролетариат, ну и крестьяне и все хотят перемен. И гиря на ногах в лице поместного дворянства. Добавить еще сюда еврейскую молодежь, которой черта оседлости как красная тряпка быку. И плюс ко всему этому бардаку, еще не слабое внешнее давление.

Ну и где тут я. Ага! Сейчас вот немного передохну, шнурки разглажу и кинусь спасать Россию, не спрашивая, а нужно ли ее спасать. Прямо, как святой Георгий с картины Учелло.

Картина забавная и поучительная, а по мне так несколько издевательская. Судите сами: роскошно одетая дамочка вывела на цепочке прогуляться свою зверушку, зверушка конечно своеобразная, но вполне себе гламурненькая, особенно крылышки замечательно раскрашены, а тут, откуда не возьмись, выскакивает совершенно левый хрен на белом коне и, не говоря худого слова, втыкает копыце зверушке прямо в глаз. Да так резво, что дамочка ничего в защиту своей зверушки сказать не успела, только рот открыла, а зверушке уже трындец.

Не знаю, как воспринимали эту картину в пятнадцатом веке, но думаю, что не глупее нас люди были, и завуалированную издевку вполне поняли. Недаром несколько вариантов и копий автору пришлось сделать, видимо нравилось тогдашним интеллектуалам немного позабавиться над догматами и устоями. А впрочем ничего нового, достаточно вспомнить Рабле с его «Гаргантюа и Пантагрюэлем».

Ничего не надумав, решил, что не буду париться по поводу спасения России от войн и революций, а буду потихоньку мотивировать самих аборигенов ускорять прогресс, хотя бы в области самолетостроения. Полагаю, что мотивация хороший двигатель прогресса. Достаточно вспомнить гениальное изобретение всемогущего наркома под названием «шарашки». Вот где рвали пуп очень здорово замотивированные представители технической элиты, предвоенного СССР. Жаль, что этот опыт нельзя применить здесь.

Собственно применить то можно. Вон сколько по тюрьмам и ссылкам шебутного народа. Николай Морозов с Кибальчицем чего стоят. Правда, Кибальчица уже повесили, но Морозов, то жив. Подержи их годок другой на хлебе и воде, а потом собери вместе, ослабь режим, поставь техническую задачу, действительно важную для страны и народа, ребята горы свернут. Эх! Разбрасывается царь ценными ресурсами. Не ценит кадры.

Жаль, что не могу так замотивировать будущих изобретателей. Остается лишь убеждать, взывать к чувствам и самое главное, хорошо платить. И платить не за звания и гипотетические умения, а за конкретные результаты. Поэтому главная моя задача добыть денежки. И я их добуду! И пусть попробуют разные Голованы или попы ватиканские мне помешать.

«Во раздухарился!». Эта мелькнувшая мыслишка заставила рассмеяться и взяться за перечитывание «Вечерних огней» Фета. Я, конечно, предпочел бы почитать что либо другое

например Рубцова или, Тома Шарпа про похождения преподавателя «Гуманитеха» Уилта. Но увы. Нет пока здесь ни того ни другого, а Фет всегда мне нравился. Хотя мне ж к воскресенью надо схему «двс» начертить. Ладно, немного почитаю, а потом возьмусь.

Но чтение как-то не заладилось. Отложил книгу и, полежав немного, решил набросать эскиз велосипедного моторчика, устройство которого, прекрасно помнил. У Юрки Смирнова, соседа и друга детства, был велосипед с мотором и тот моторчик мы не раз разбирали и вновь собирали.

С рисованием эскиза вышел полный облом. Ни бумаги ни ручки не нашлось, даже карандаша и того не было. Не озаботился заранее. Посмотрел на часы, в лавку идти поздно. Вот черт! А не сходить ли мне к Зотовым? Карандашом и бумагой я у них точно разживусь. Еще предупрежу, что послезавтра доктор их навестит. Пусть приготовятся. Да и вообще, тянуло меня к ним. Все-таки похожа Дарья на Ленку.

Взял трость, нахлобучил шляпу и вышел из дому. Посмотрел на садящееся солнце, похоже возвращаться из гостей придется в темноте. Паранойя моя не дремала и потому пришлось вернуться и сунуть в карман револьверчик. Барнаул конечно город тихий, но береженого бог бережет, а не береженный с битой мордой ходит, а то и того похуже. А с револьвером все спокойнее, да и собак попугать пригодится.

Помнится из того детства. Мой друг Юрка Смирнов раздобыл где-то две пачки мелкашечных патронов калибром 5.6 мм, и мы, два тринадцатилетних оболтуса, сделали простейший пистолет. Самая главной деталью, которого был ствол — толстостенная трубка с внутренним диаметром 5.7 мм. Единственным недостатком нашей вундервафли была долгая перезарядка. Нужно было вывернуть из гайки ствол вытащить стреляную гильзу вставить патрон и снова ввернуть ствол на место. Попасть из него куда либо можно было, только стреляя в упор. Но нам это удовольствие нисколько не портило. Задача была расстрелять добытую сотню патронов.

А поскольку жили в частном секторе, то бегающих ночью по улицам собак было довольно много. Всего три темных, осенних вечера ходили по округе, стреляя в каждую шавку попадающуюся на нашем пути. Правда ни разу не попали, да собственно особо не целились. Но результат был на лицо. Месяца два ни одна псина не подходила к нам ближе десяти метров. И пистолета у нас уже давно не было, расстреляв патроны, мы его разобрали и утопили по частям в речке Пивоварке, а собаки все равно обходили нас стороной. Умные и памятливые животные эти собаки. Так что револьвер против этих шавок вполне сгодится.

Зотовы только что поужинали и собирались чаевничать. Дети мне обрадовались, а хозяйка усадила за стол, нацедила хорошо заваренного, запашистого чая и подвинула поближе ко мне тарелку с баранками и плоску с сахаром. Я бы предпочел мед, но сахар был дороже меда и уважаемого гостя угощали именно им.

Надо взять этот момент на заметку. Производство сахара из свеклы дело не слишком сложное, но прибыльное. Не зря же, крупные сахарозаводчики были в начале двадцатого века довольно богатыми людьми. Но где сахарную свеклу брать? Как заставить сибирских мужиков эту свеклу выращивать? Блин еще одну идею добычи серьезных денег придется отбросить. Впрочем, лет через пять пожалуй можно к ней и вернуться. А пока золото и спекуляция зерном наше всё. Кстати неплохо пароходик прикупить, не так уж они и дороги, деньги теперь есть. На пароходу ведь можно, как минимум дважды за сезон, до Тюмени сгонять. Блин! Вот опять себе дело придумал.

И вообще, что-то я последнее время слишком озаботился добыванием денег. Вот и

сейчас пью чай, слушаю, что говорят мне Гришка с Настей, и даже отвечаю на вопросы, а сам все думаю, как бы еще денежек подзаработать. Надо отвлечься, а то, не приведи господи, свихнусь еще на этой почве.

— Как ваше здоровье Дарья Александровна? Травки, что я дал, завариваете?

— И завариваю, и пью. Все как в бумажке прописано. Вроде как лучше себя чувствовать стала.

— Это хорошо. Я с доктором, что вам лечение прописал, разговаривал. Он обещал послезавтра к трем часам подойти и вас послушать. Возможно, поинтересуется вашими акварелями, если что выберет, то отдайте как плату за лечение. Впрочем, я постараюсь подойти к вам в это же время. Скажите, а маслом на холсте вы рисуете?

— Рисовала раньше, когда муж жив был, а сейчас нет. Холст и краски больших денег стоят. У нас же в последнее время с деньгами плохо.

— Понятно. А посмотреть можно?

— Они у меня в спальне. Сейчас принесу.

Вынесла два небольших полотна, рассматривать которые пришлось уже при свете керосинной лампы, с одной стороны и при уже слабом оконном освещении. На одном полотне жанровая сценка, написанная в манере передвижников. А вот вторая картина, на которой был нарисован деревянный мост, переброшенный через небольшую речку, дорога, ведущая к нескольким хатам на противоположном берегу, понравилась. Простенький пейзаж, но веяло от него каким теплым полузабытым с детства чувством, безмятежности и одновременно легкой грусти. А ведь она действительно талантлива, эта мать двоих детей.

— Вот эту картину я у вас, пожалуй, бы купил. — Указал я на пейзаж. — Во сколько вы ее оцениваете.

Женщина как-то странно замялась и, потупившись, сказала:

— Не хочется ее продавать.

— Если не хочется, то и не продавайте. Скажите, вы ее с натуры рисовали?

— Нет по памяти. В детстве такой мостик у нас перед домом был.

То есть не копировала натуру, а ухитрилась с помощью красок как-то изобразить на холсте это легкое сожаление об ушедшем детстве. Может я не прав. Может предвзято отношусь к её картинам, но мне они просто нравятся. Не хочет продавать эту, тогда куплю другую, хотя меня она и не трогает, так как эта, но выполнена вполне на уровне.

— Тогда продайте вот эту. — Указал я. — Сколько вы за нее просите?

— Не знаю я. Сколько дадите. А то и бесплатно забирайте.

— А вот это, Дарья Александровна, вы зря. Давайте тогда договоримся: вы рисуете все, что вам захочется, а я ваши работы буду продавать. Доход будем делить пополам. Ну как, по рукам?

— Я согласна.

— Тогда вот вам за картину сто рублей и на краски с холстом сто. Хватит? Если нет, то скажите, я добавлю. Вы же теперь вроде как мой наемный работник, значит материалами и инструментом я вас должен обеспечить.

Зотова бледно улыбнулась, а я добавил:

— А картина пускай пока у вас побудет, дом достроим тогда возьму. И вот еще что. — Вспомнил, зачем собственно приходил. — Не дадите ли мне тетрадку чистую или альбомчик какой и карандаш.

Дарья удивленно на меня глянула, и вынесла из комнаты небольшой альбом, на

половине листов, которого было что-то нарисовано.

— Вот только альбом, тут несколько листов чистые. И вот карандаш.

— Да мне не надо альбома, достаточно отдельных три-четыре чистых листа. Можно их вырвать?

— Не надо. У меня есть и отдельные листы. Сейчас подам.

Она вынесла четыре чистых листа. Я взял их и, скрутив в трубу, сунул в карман вместе с карандашом, распрощался и вышел. Вроде и недолго был в гостях, а на улице уже темновато. Постоял немного, давая глазам привыкнуть к темноте, и двинулся к своему временному дому.

Пройдя метров пятьдесят, остановился. Мне вдруг расхотелось идти вперед. Внезапно возникшее чувство опасности заставило оглядеться и прислушаться. Кто-то, пока еще не видимый, шел за мной, причем шел осторожно, крадучись. Заметив впереди темное пятно возле глухого забора, быстро почти бегом прошел туда. Какие-то кусты росли почти вплотную к ограде. Резко свернул и, протиснувшись сквозь заросли, присел возле забора. Достал револьвер и стал поджидать преследователя. Тот не заставил себя долго ждать.

Высокая долговязая фигура, оставив после себя легкий самогонный запах, прошествовала буквально в полутора метрах. Потерявший меня, преследователь остановился и завертел головой. Я сквозь кусты наблюдал за ним, стараясь не шевельнуться. Вспомнив, что некоторые люди чувствуют пристальный взгляд, я отвернул глаза, чуть в сторону, но периферийным зрением продолжал наблюдение. Потоптавшись немного, мужик, озираясь, двинул дальше.

Я сидел возле забора и лихорадочно соображал, что делать. Самым разумным на первый взгляд, было бы тихонечко свинтить, не ввязываясь в разборки. Но подумав, решил, что это не самый лучший вариант. Раз кто-то начал на меня охоту, то наверняка не успокоится и в следующий раз ему повезет больше. Собственно я догадывался, чьих рук это дело, но догадку нужно было проверить.

Отпустив бывшего преследователя метров на пятьдесят, почти бесшумно выбрался из кустов и, пригнувшись, буквально на цыпочках, пошел за ним, стараясь держаться в тени домов и заборов. Красться пришлось недолго. Дойдя до ближайшего переулочка, мужик остановился и негромко произнес:

— Гиря!...Дерька!

От забора ближайшего дома отлепились две темные фигуры.

— Чего орешь Худой? А малый где?

— Шел впереди, а потом пропал, я думал, что вы его уже приняли.

— Ты, поди топал как медведь, вот он и заныкался где ни будь.

— Ты че Гиря, я тихонько шел, он впереди маячил, я за ним, а потом он вроде как побежал, ну я и подумал, что вы его уже взяли.

— Взяли Не появлялся он тут. Дерька, а ты точно знаешь, что у него деньги есть? — Голос, названного Гирей был хриплым, прокуренным.

Дермидонт, а это был он, догадка моя подтвердилась, быстро заговорил:

— Он когда пять рублей Игнату давал, так целую пачку из кармана вытащил. Сам видел. Есть у него деньги, точно тебе говорю.

Ну все ясно. С Дермидонтом придется все-таки разбираться серьезно. Мужик явно оборзел. Ну а мне пора сваливать. Я тихонько подался назад, чтобы незаметно отойти подальше от этой не святой троицы. Но следующие слова неведомого мне Гири заставили

остановиться и похолодеть.

— Надо к этой Зотихе зайти. Поспрашивать ее про малого и деньги.

Это блин что? Эти утырки собрались к Дарье завалиться? Выходит, подставил я ее вместе с детьми. Мгновенно вспыхнувшая злоба, затопила сознание. Чуть было не кинулся с револьвером на этих ублюдков. Нет стой! Нельзя их мочить! Перебор будет! И так городок взбударажен находкой в овраге трех трупов. Но и пропускать их к Зотовым ни в коем случае нельзя. Усилием воли взял себя в руки. Привычно досчитал до десяти, немного успокоился. Попробую их поугатать, а если не получится, то завалю, но к Дарье это отребье не пушу. Эх! Все-таки, надо было этого Дермидонта укокошить.

Вышел на середину улицы и не спеша пошел навстречу этой гоп компании. Не доходя до них шагов десять, остановился и спросил:

— Мужики! Не меня ли дожидаетесь?

Картина Репина «Не ждали». Наверное, выпили хлопцы, прежде чем идти на дело, поэтому слегка тормознули. Быстрее всех опомнился, стоявший ближе ко мне, Худой. Он видимо жаждал реабилитироваться и с воплем:

— Попался сопляк! Теперь не уйдешь. — Кинулся на меня, желая схватить.

Но наши тренировки не прошли даром и такое примитивное нападение, меня ничуть не испугало. Чуть отшагнув в сторону, я всадил ствол моего бульдожистого револьверчика ему в солнечное сплетение. Удар получился что надо. Беднягу скрючило, а я добавил ему рукояткой по затылку. Пока тот валился, пальнул в ноги начавшим приходить в себя Гире с Дерьмидонтом. Выскочивший из короткого дула огонь и взвизгнувшая у ног пуля, охладили их пыл.

— Не дергайтесь! Пузо прострелю, больно будет.

Потом демонстративно опустил ствол вниз и выстрелил в землю рядом с лежащим Худым.

— Ну вот! Один отбежался. — Сказал я, наведя револьвер на Дерьку с Гирей, очень впечатленных скорой и жестокой расправой с их поделщиком. Затем с наигранной злостью добавил:

— Вы сявки совсем берега попутали. Вы, что думаете, я один здесь шаропупюсь. За меня авторитетные люди впишутся. И деньги, которые вы у меня хотите на гоп стоп взять, это их деньги. А за свои деньги они вам кадык вырвут. Ладно Дермидонт, он уже можно сказать покойник, потому как на родственницу очень уважаемого человека наехал, так он и тебя, Гиря, в гнилой блудняк вписал. Вижу, что бродяга ты правильный, но ответить придется и я тебе не завидую.

Я нес эту чепуху и делал вид, что не знаю кого из них пристрелить первым. Гиря ошалело смотрел на меня, а испугавшийся Дермидонт попытался улизнуть. Но Гиря, вдруг осознав, что благодаря хитрому приятелю получил на свою пятую точку не хилый геморрой схватил его за грудки и заорав: «Ах ты сука!» стал рихтовать дермидонсткую физиономию. Тот поначалу слабо отмахивался, но получив основательно по сопатке, рассвирепел и они, забыв про меня, схватились друг с другом в партере.

Наклонившись к лежащему в позе зародыша Худому, пощупал пульс. «Живой» с облегчением констатировал я и решил, что пора оставить поле боя противнику и быстренько ретироваться, пока на вопли дерущихся и выстрелы не сбежались соседи. Но было любопытно, чем закончится это бесплатное представление. Поэтому отойдя подальше и, спрятавшись между кустом и забором, стал наблюдать.

Вовремя занялся. Захлопали двери и на шум стали стекаться соседи. За короткое время собралась изрядная толпа, окружившая драчунов и вставшего на карачки третьего артиста, который очумело оглядываясь, пытался куда-то уползти. Наконец сквозь толпу к дерущимся пробился со своей неизменной саблей городской. Игнат некоторое время наблюдал за катавшимися в пыли гладиаторами, потом рявкнул:

— Прекратить!

Но те совершенно не обратили внимания на начальственный окрик и продолжали кататься по земле, осыпая друг друга тумаками. Тогда, городской, зная всех собравшихся поименно, стал толково командовать:

— Филька с Тимохой хватайте того, что сверху и тащите в сторонку. Будет сопротивляться, стукнете пару раз, чтоб успокоился. А ты дядька Еремей с Семеном второго поднимите, ну и тоже немного успокойте.

Названные с удовольствием приняли участие в умиротворении драчунов и растащили их по сторонам, немного помяв обоих. Игнат обвел собравшихся начальственным взором и, наконец, обратил внимание на старающегося уползти третьего участника битвы.

— Так, а это кто тут на карачках ползает. Иван ну и ты Гришка поднимите этого ползуна, а то я чета не могу его признать.

Гришка с Иваном схватив под руки ползающего Худого представили его перед начальственным взором.

— Никак Худенков Семен! — Радостно воскликнул Горлов. — Мы всем участком с ног сбились, разыскивая вас с Гирей, а ты тут ползаешь.

Подойдя, к удерживаемому двумя здоровыми мужиками Гире, наклонился, взглядываясь в побитую физиономию.

— О! Кого я вижу! Гирькин Афанасий и ты здесь. Отбегались варнаки, вяжите их, в участок сведем, их там давно заждались. Ну а это кто тут у нас с битой мордой? Дермидонт! Ну, ты прям везде успеваешь и чего ты с этими варнаками не поделил? Ладно, в участке исповедуешься. Давайте мужики тащите всех троих в участок, там господин пристав утром с ними разберется, у него не забалуешь.

Мужики сноровисто связали, откуда-то взявшимися веревками, двух незадачливых грабителей. Дермидонта вязать не стали, поставили рядом и, подталкивая, повели. Горлов, оглядев толпу, сказал:

— Давайте по домам. Спектакля кончилась. Артисты в кутузке.

Придерживая левой рукой свою саблю, он отправился следом за арестованными. Толпа, немного погомонив, стала быстро рассасываться. Я потихоньку выскользнул из кустов и никем не замеченный отправился восвояси, размышляя об увиденном.

Нормально получилось. Видимо эти два утырка — Гиря и Худой, где-то уже успели отметить и скрывались. Денег у них не было и Дермидонт предложил им ограбить богатого «буратинушку», засветившего не маленькую пачку денег. Тем более, что опасным я им совершенно не казался.

Завтра их допросят, конечно, они сразу не сознаются, но церемониться с ними никто не будет и, наверняка, послезавтра выбьют из них все, что они знают и то о чем они уже давно позабыли. А это значит, что и я попаду в поле зрения полиции, как потенциальный потерпевший. Надо понадежней припрятать револьверчики и деньги. Ну и деду обо всем доложить. День у меня наверняка еще есть, до вызова в полицию. А не наведаться ли мне тогда к Гуревичу М.И. ювелиру нашему.

Глава седьмая.

На следующий день с утра начал накрапывать дождь и я повел свою команду покупать галоши. Оказалось, что завод «Треугольник», пока еще не красный, исправно работает и выпускает галоши вполне привычного вида, черные блестящие снаружи и красные внутри. Стоят они конечно по местным меркам дороговато, но пришлось раскошелиться и теперь ни мне, ни моим «мушкетерам» дождь и грязь не страшны.

Потом вспомнил, что не заказал портному соответствующий охотничьему костюму головной убор. Пошли всей толпой к Хайкину. Дождик кончился и я оставил парней на улице. Старый портной идею армейского кепи оценил и пообещал сшить все вовремя. Сказал еще, что шелк достал и можно его посмотреть.

— Ну, так несите же. — Обрадовался я.

Вдвоем с племянником они вытащили откуда-то из недр своего заведения три тюка шелковой ткани красного, голубого и желтого цвета и бухнули их на прилавок. Я принялся осматривать и ощупывать ткань. Конечно не совсем то, что нужно для парaplана, но попробовать можно.

— Пойдет! — Одобрил я. — Возьму всё. Пусть пока у вас полежат, заберем перед отъездом. А шнур и машинка швейная как?

— Через неделю все будет. Готовьте денежки молодой человек.

— Деньги найдутся. И еще чуть не забыл, для швейной машины нитки же нужны. Вы уж Абрам Семенович и этим озаботьтесь.

— Не беспокойтесь, будут вам нитки. Скажите если это не секрет: кто на машинке будет работать?

— Не секрет. Машинка будет подарком юной портнихе. Я вам про нее уже рассказывал.

— А кто ее учить будет? Швейная машинка особой сноровки требует.

— Вот как? — Озадачился я. — Об этом я и не подумал. И что теперь делать?

— Могу одного из вас научить, как ею пользоваться.

— Гм. А вон того самого здорового вы научить сможете? — спросил я указав в окне на Митьку.

— Этого? — С сомнением произнес Хайкин. — Даже не знаю. Здоров больно.

— Ничего, парень он сообразительный — научится. Когда подойти?

— Дня через четыре загляните.

— Договорились.

Попрощавшись с портным, пошел клеить бороду и усы. Пора пришла навестить ювелира. Подумав, решил, что не худо получить консультацию знающего человека по поводу побрякушек из саквояжа покойного Голована. В сараюшке откопал спрятанные Митькой мешки, достал мешочек с ювелиркой и спрятал в карман. Монеты и золотой песок положил на место и замаскировал. Подумав, прихватил «Лефоше», который отобрал у Гуревича в свое последнее посещение ювелирной лавки. Посмотрим, как пройдет встреча на «высоком уровне». Если нормально, то отдам игрушку, а то револьверов у меня уже скопилось довольно много. Еще немного поразмышляв, вытащил патроны из барабана.

К ювелиру снова пошли всей командой. Пацаны остались на улице, а мы с Митькой-Тором зашли внутрь. Митька, уже привычно прикрыв лицо шейным платком, закрыл

входную дверь на засов и встал возле прилавка. Приказчик Илья, увидев меня, побледнел, и даже как-то скукожился. Странно! Парнишка, похоже, боится меня гораздо больше чем грозного Тора.

— Здравствуй Илья. — Оглядев его изучающим взглядом, сказал я. — Михаил Исаакович у себя?

Тот, глядя на меня, как кролик на удава, кивнул.

— Тогда я к нему пройду. А ты тут с Тором побеседуй, да свои террористические замашки оставь, не бей его больше по голове. Он этого не любит.

Гуревич, не сказать, чтобы мне обрадовался, но и недовольства никак не выразил. Лишь как-то по-особому пристально вглядывался в мое лицо. Я, изобразив на своей бородатой морде полнейшее радушие и чуть ли не восторг от лицезрения его особы, воскликнул:

— Здравствуйте любезнейший Михаил Исаакович! Вот решил снова вас навестить, хотя вижу, что вы не слишком рады меня видеть.

— Здравствуйте господин...

— Бендер. Зовите меня по-прежнему Бендер, а впрочем, как сказал поэт: «Что в имени тебе моем?». Можете звать, как хотите, а можете и совсем не звать, я все равно к вам зайду. Дело у меня к вам есть, и дело обоюдовыгодное.

— Что за дело? — Все еще вглядываясь в мою физиономию, спросил ювелир.

Что это он так пристально меня разглядывает? Догадался, что борода и усы приклеены?

— Вижу я, любезный Михаил Исаакович, вам очень хочется подергать меня за усы или за бороду. Уверяю вас то, что скрывается под этой накладной бородой, никакой радости вам не доставит. Так что оставим эту тему. — Гуревич отвел от меня взгляд и согласно кивнул.

— Ну, вот и чудненько. А дело у меня к вам, можно сказать по вашей специальности. Я вам говорил, что хочу обменять некие камни на деньги. Образцы камешков вы имеете. Но поскольку вы сказали, что здесь их пристроить по нормальной цене нельзя, то я вам предложил некие меры по стимулированию спроса.

— Вы это о танцах?

— О танцах и не только о них. Я тут у вас в городе совсем недавно, но заметил, что скучно живут горожане, хотя тяга к прекрасному у них есть, особенно у купцов и у богатых чиновников. И пока что никто не озаботился эту тягу, в должной мере, удовлетворить.

— Удовлетворяют. Есть кому. — Пробурчал хозяин лавки.

— Не сомневаюсь. Удовлетворяют, но без огонька и размаха. Вот даже у вас в салоне, где все должно сверкать, манить и призывать, нет некой изюминки. Ну, зачем вы выставляете драгоценности в каких-то деревянных ящиках с маленькими стеклами. Сделайте прилавки полностью стеклянными, а вместо перегородок поставьте зеркала, бархат обновите, да подсветите это все, ну хотя бы с помощью тех же зеркал.

— Как это?

— Ладно, пользуйтесь моей добротой. Дайте бумагу и карандаш.

Гуревич, с сомнением посмотрел на меня, но бумагу с карандашом подал. Я быстро накидал эскизик стеклянного прилавка.

— Вот смотрите, вся поверхность прилавка из стекла, Стеклянные листы лежат на зеркальных перегородках, Деревя самый минимум. Вот тут, против окон, три больших зеркала, их нужно установить так, чтобы они давали дополнительную подсветку. На стенах вот тут и тут большие фотографии, а лучше цветные изображения красивых дам в драгоценностях. Вот как-то так. — Подвинул я эскизиковелюру.

Тот скептически похмыкал, но бумажку в стол спрятал.

— Кстати, я тут был в одном доме, так у них на стене не плохие картинки висят. Хозяйка сказала, что это работа местного художника. Если надумаете стены украсить, то я его разыщу.

— Я подумаю. Но вы раньше говорили о каком то «Мулен Руже» и танце. — Пухляш наморщил лоб вспоминая. — «Канкан» кажется.

— Ну «Мулен Руж» — это он в Париже «Мулен Руж». Его я привел лишь в качестве примера. У них там лягушек едят, а мы хрен с редькой квасом запиваем. Так что, одного «канкана» нам будет маловато. Я вам предлагаю немного разориться и построить на паях торгово-развлекательный центр.

— Торгово-развлекательный центр? — Удивился ювелир. — Это еще что такое?

Блин, похоже, опять меня занесло. ТРЦ — это конечно круто. Но в небольшом городишке, где скоро единственное крупное предприятие закроют, кто туда ходить будет?

— Ладно, с торгово-развлекательным центром я погорячился. А вот соединить ресторан с театром вполне нам с вами по карману. Можно на первых порах арендовать помещение, в каком ни будь трактире, но лучше все-таки построить специальный зал. Дайте-ка еще одну бумажку.

Заполучив требуемое, я пододвинулся ближе к пухляшу и снова принялся за рисование, попутно поясняя:

— Смотрите — это зал, ставим столов десять — пятнадцать. Здесь делаем сцену, там бар и кухня. Это первый этаж. На втором можно сделать казино, или комнаты для артисток. Но главное не это, главное нам нужно найти хотя бы парочку музыкантов, певицу, а лучше две: брюнетку и блондинку молодых и с хорошей фигурой, и конечно танцовщиц штук шесть. Ну и нужен человек, который всем этим бардаком руководить будет.

— Зал такой подыскать не проблема, есть парочка на примете, но где брать всех этих певиц и танцовщиц?

— Вот потому-то я и обратился к вам, любезный Михаил Исаакович.

— Ко мне? Ну почему именно ко мне?

«Почему, почему... Да потому, что ты еврей и еврей пройдошистый и со связями. Иначе ты бы не открыл здесь свою ювелирную лавку» — мысленно констатировал я факт. Но вслух сказал:

— Видите ли, уважаемый господин Гуревич, то, что я хочу предложить, дело совершенно новое, и пока таких заведений нет даже в Париже. Пресловутый «Мулен Руж» это только слабое подобие того, что я хочу организовать. Я понимаю, что лучше это делать в Москве или Петербурге, но там мне не пробиться. Здесь же с вашей помощью, а вернее вы с моей помощью вполне можете справиться.

Гуревич, после этих слов, поморщился и покачал головой, видимо ему не нравилась та роль, на которую я его подбиваю. Но я, не обращая внимания на его скепсис, продолжил:

— Наша главная задача, не только организовать для богатых представителей этого славного города достойный досуг и встречу с прекрасным, но и заставить поделиться с нами плодами их трудов на ниве торговли и государственной службы и поделиться щедро. А что касается артистов, то нам вовсе не нужны ни гении, ни даже особые таланты. Достаточно, если танцовщицы будут внешне соответствовать вкусам большинства местного мужского населения. Им лишь будет нужно под веселую музыку дрыгать ногами, эротично взвизгивать и будоражить мужское воображение. Главное тут задор, веселье и здоровье, а танцевать мы

их научим.

— Как-то вы чересчур витиевато выражаетесь, господин Бендер. Но я вас понял. Положим, танцовщиц поискать можно. Но как быть с певицами? Тут ведь голос и музыкальный слух нужен.

Эх, знал бы ты, наивный хроноабориген, какие певицы появятся в конце двадцатого и в начале двадцать первого века. И что характерно большинство их будут твоими соплеменницами. Как их там обзывали? «Поющие трусы» или «блеющие сиськи»? Каюсь, не слушал и не смотрел, а теперь получается — зря не смотрел. Пригодилось бы сейчас.

— И снова вы несколько заблуждаетесь любезнейший Михаил Исаакович. Конечно, песни петь — это не ногами дрыгать, но опять же петь то они будут не для столичных эстетов, а для неизбалованной провинциальной публики. Достаточно более-менее красиво звучащего голоса, не очень страшной физиономии и хорошей фигуры. А после того как с ними поработает мой человек, то даже вы удивитесь насколько талантливые из них получатся артистки.

— Вы господин Бендер, похоже, шутите.

— Да ничуть! Мы будем делать ставку не на талант артистов, а на зрелищность представления и совершенно новые песни. Думаю, что найти певиц, будет не сложнее, чем танцовщиц. Главные трудности, будут с музыкантами. Вот они то и должны быть профессионалами, и даже в некоторой степени композиторами.

— А вот тут уже вы заблуждаетесь господин Бендер. Хороших музыкантов найти гораздо проще, чем вы думаете. Собственно с одним могу уже прямо сейчас познакомить.

— Даже так! — Удивился я. — А давайте!

— Илья! — Громко позвал помощника ювелир.

Заглянувший в дверь Илья, тут же получил задание.

— Илья! Надо позвать сюда Моню. Сам сбегай или Левчика пошли к Поляковым. И пусть Моня скрипку свою прихватит.

Кивнув, парень скрылся, а Михаил Исаакович продолжил:

— Я все-таки не могу понять, как певички и танцовщицы могут мне помочь продавать ваши бриллианты?

— Схема довольно проста. Девушки поют и танцуют и у них появляются поклонники, которые дарят им бриллианты. А бриллианты покупают в вашем великолепно оформленном салоне. Вот и всё.

— А если поклонников не найдется, тогда как? — Засомневался, скептически настроенный хозяин ювелирной лавки.

— Обязательно найдутся! — Уверенно сказал я. — Боюсь даже, как бы вы сами не попали в их число. То-то конфуз будет.

Михаил Исаакович весело рассмеялся и сказал:

— А вы шутник господин Бендер.

— Ну что вы любезнейший Михаил Исаакович, какой из меня шутник. — Подпустив в голосе металлические нотки, я устоял ему в переносицу не мигающим взглядом. Расслабился что-то товарищ, надо его несколько взбодрить.

Ювелир, наткнувшись на этот взгляд, чуть заметно вздрогнул и опустил голову. Я же, как ни в чем не бывало, продолжил разговор прежним вполне мирным тоном:

— Главная трудность здесь в подборе девиц. И дело вовсе не в артистических талантах. Девушки нужны симпатичные, но как выразился один высокопоставленный господин, «с

заниженной социальной ответственностью».

Ювелир поднял голову и с легким испугом спросил:

— Простите, но я что-то не понял про девушек.

Чего это он испугался? Наверное, вспомнил, что я в прошлый раз вел себя как не совсем адекватный человек и, услышав слова про непонятную «социальную ответственность», решил, что я снова слегка поехал крышей.

— А! Не обращайтесь внимания, это просто неловкая шутка. Девушки нужны сравнительно молодые, прагматичные и в отношении мужчин опытные, но не проститутки. Лучше всего, на мой взгляд, подойдут молодые еврейские вдовы.

Услышав это, Гуревич возмущенно вскинулся, но я остановил его жестом:

— Успокойтесь, Михаил Исаакович! И позвольте объясниться. Мои слова вовсе не означают, какого либо унижения ваших соплеменниц, а скорее даже наоборот. Вы же не будете отрицать, что евреи люди довольно талантливые? Не будете. Что процент образованных людей среди евреев гораздо выше, чем среди остальной части населения империи, тоже не отрицаете? Не отрицаете. Согласитесь, что все это в известной мере относится и к женщинам.

Гуревич несколько озадаченно поглядел на меня и согласно кивнул. А я продолжал распинаться.

— А теперь представьте себе, молодую бездетную вдову, живущую в захолустье, да еще в черте оседлости. Какие у нее перспективы? Только безрадостно увядать. Но она образованна, умна и ей уже наверняка осточертели и родственники покойного мужа и даже какой ни будь старый пейсатый вдовец, за которого ее хотят сплавить. И тут вы с предложением, пусть несколько сомнительным, но сулящем надежду.

— А если женщина не слишком молода? — С задумчивой заинтересованностью спросил Михаил Исаакович.

Чего это он? Никак родственницу хочет пристроить? А ведь точно. Надо с ним поосторожней быть. На всякий случай спросил:

— Не слишком молода — это в годах сколько будет?

— Тридцать два года ей.

— Петь умеет?

— Напеваает что-то, когда работает, я не особо прислушивался, но ругается громко.

— Понятно. Приглашайте, глянем.

— Сейчас Илья музыканта приведет и за ней ходит. А вон уже идут.

Вошел Илья, и завел молодого лохматого парня, который нес футляр со скрипкой.

— Илюша позови сюда тетю Сару, скажи, что с ней один человек поговорить хочет.

Илья бросил на меня заинтересованный взгляд, кивнул дядюшке и вышел.

— Вот господин Бендер — это Моня Поляков. Моня это господин Бендер! Он хочет послушать, как ты играешь.

Парень достал скрипку, смычок и уставился на меня.

— Что сыграть?

— Что тебе больше всего нравится то и сыграй.

Парень, прикрыл глаза, постоял так секунд тридцать и заиграл, что-то не слишком веселое. В музыке я совершенно не смыслю, но мне понравилось. Послушав минуты две, остановил его, сказав:

— Ясно! А теперь, что-нибудь веселое.

Тот чуть презрительно скривился, но подчинился и выдал вполне приличную легкую музыку. Это я послушал подольше и, снова остановив музыканта, спросил:

— Моня — это для своих, а как мне тебя называть?

Вопрос застал парня врасплох и он растерянно посмотрел на Гуревича. Тот, слегка поморщившись, сказал:

— Моисей его зовут.

Я скептически оглядел парня с головы до ног:

— Ну, на Моисея он пока не тянет. Иммануил.... Нет, тоже не то. Эммануэль! Эммануэль, пожалуй, подойдет. Ну что Моня-Эммануэль сам-то музыку сочиняешь или только чужое наигрываешь.

От этого наглого наезда парень окончательно стушевался и покраснев выдавил:

— Сочиняю.

— Отлично! Если напишу тебе стихотворный текст, ты из него песню сделаешь?

— Не знаю.

— Вот те на! Почему не знаешь?

— Не каждый стих можно на музыку положить. Иной и прочитать-то трудновато, а не то, что спеть.

— Гм... Резонно. Ну что ж Михаил Исаакович, музыкальный руководитель нашего предприятия есть. Осталось остальных найти. А кстати где ваша протеже?

— Сейчас подойдет. Вы бы господин Бендер отослали куда ни будь своего Тора. А то вдруг покупатели захотят зайти, а салон закрыт.

— И то верно.

Я встал и прошел в торговый зал, где Илья о чем-то расспрашивал Митьку. Увидев меня, он замолчал.

— Тор, я тут немного застрял, иди, погуляй с ребятами.

Тот, молча, кивнул и, дружески похлопав по плечу Илюшу, вышел наружу. Не понял? Митьку не так легко разговорить, а этот с ним о чем то чирикал. Ладно, не буду ломать голову, спрошу у Тора, что этому Илюше от него надо. А к этому молодому еврейчику видимо стоит присмотреться повнимательней.

Вернувшись в кабинет ювелира, увидел кроме Миши и Мони, даму в черном платье, которое выгодно подчеркивало чуть полноватую, но достаточно стройную фигуру. Темно-карие глаза дамы внимательно оглядели меня и легкая улыбка, мелькнула на ее несколько увядшем, но все еще привлекательном лице. Похоже, дамочка разглядела мою наклеенную бороду и бутафорские усы и это ее позабавило.

— Господин Бендер это моя сестра — Сара. Сара я про господина Бендера тебе уже раньше рассказывал.

Глаза дамы при этих словах изумленно округлились и она, еще раз внимательно, осмотрела меня.

— Мадам.... — Я чуть наклонил голову в имитации поклона.

— Серафима Исааковна. Сара это домашнее имя. Так вот вы каков, господин Бендер. Очень сильное впечатление вы произвели на моего брата в свой прошлый визит.

— Это было небольшое недоразумение, Серафима Исааковна, но к счастью мы с Михаилом Исааковичем преодолели наши разногласия и почти добились консенсуса.

— Отрадно слышать. Но брат сказал, что вы хотели меня видеть?

— Дело в том, любезнейшая Серафима Исааковна, что я предложил вашему брату

организовать в городе нечто вроде парижского «Кафе-шантан», чтобы скрасить досуг состоятельных горожан, ну заработать немного. Для этого нам нужен персонал: музыканты певцы, танцовщицы. Музыканта мы, можно сказать, нашли, вот он перед вами.

— Моня? — Удивилась женщина.

— Ошибаетесь, Серафима Исааковна. Не Моня! Моня — это в прошлом, а сейчас перед вами Эммануэль. Как твоя фамилия Моня?

— Поляков. — Пробормотал тот совершенно сбитый с толку.

— Эммануэль Поляков. — Покатал я на языке это словосочетание.

— Нет. Поляков не годится. Как-то не звучит. Как вам фамилия Макрон? — Выдвинул я привычное.

— Нет Макрон — это не для него. — Включилась в веселье женщина. — Как-то грубовато. Что-то другое нужно более изящное. Лебедь? Лебедев? Нет. Лебединский! Моня как тебе — Эммануэль Лебединский.

— А что! Композитор Эммануэль Лебединский! Звучит! Ну, ты как Моня, согласен стать Эммануэлем Лебединским? — Спросил я, вконец, смутившегося парня.

— А куда ему деваться. — Заключил спор Михаил Исаакович. — А ты знаешь Сара, кого господин Бендер хочет пригласить танцевать и петь?

— И кого же? — все еще улыбаясь, спросила женщина.

— Молодых еврейских вдов, живущих в черте оседлости.

— Кого? Еврейских вдов? Да еще из черт оседлости? — Искренне удивилась женщина и рассмеялась.

— Вы господин Бендер, наверное, плохо в школе учились? — Смеясь, спросила она.

— Ну не то, чтобы совсем плохо, но знаниями не блистал. А в чем собственно дело?

— Видите ли, господин Бендер ..., кстати, ведь это еврейская фамилия?

— Возможно, но как это относится к делу набора девиц в кордебалет?

— Вы, похоже, ничего не знаете о порядках в еврейских общинах, но это полбеды. Хуже то, что вы плохо разбираетесь в географии. — Язвительно улыбаясь мадам, смотрела на меня как на нашкодившего кота.

— А география то тут причем? — Несколько поднапрягшись, спросил я. Что-то мне подсказывало, что сейчас меня будут макать носом в лужу. Реноме крутого и очень опасного парня мне тут никак не поможет.

— Как раз география имеет в вашем случае решающее значение. Вы карту Российской империи себе представляете?

— Представляю. В общих чертах. — Вынужден был я признаться.

— Раз так, скажите где черта оседлости, а где Барнаул.

Блин! Вот я пустил пенку! Точно. Из Барнаула до черт оседлости пилить и пилить. Да и кто там вдов вербовать-то будет?

— Мадам! — Несколько театрально воскликнул я. — Признаю вашу правоту и посыпаю свою дурную голову пеплом.

— Не торопитесь господин Бендер, идея пригласить в артистки еврейских вдов, вполне здравая. Но вы, как и все молодые люди, или усложняете проблему, или наоборот чрезмерно упрощаете, что в принципе одно и то же. А нужно....

— Ни слова больше мадам. Я все понял и предлагаю вам организовать и возглавить это предприятие.

— Вот даже как! — Удивилась женщина. — И как вы себе это представляете.

— Представляю очень просто. Вы берете в свои прелестные ручки все дело и руководите.

— Предположим, я соглашусь. Хотя это несколько неожиданно. Но ваша то роль какая. Если я буду и организовывать и руководить, то что будете делать вы?

— Прежде чем вам начать организовывать надо решить вопрос с финансированием проекта. Предлагаю вложиться в равной доле. То есть пятьдесят на пятьдесят. Прибыль тоже делить попалам.

— А вы молодой человек — хитрец. Я все организовываю, тружусь как пчела, а прибыль пополам. Так не пойдет. Вам тридцать процентов, а мне семьдесят.

— Мадам! При всем уважении к вам и вашим талантам, могу предположить, что у вас будут трудности с репертуаром, а я, или мой человек, поможем эти трудности разрешить. Поэтому лишь только ради такой прекрасной женщины как вы, согласен на сорок процентов.

— Лъстец! О каких трудностях вы говорите? — Улыбаясь, спросила мадам.

— А скажите мадам, что будут петь, танцевать и показывать руководимые вами артисты?

Та пожала плечами, давая понять, что ничего по поводу репертуара она не думала. Я же продолжил:

— А я, например, прямо сейчас, не сходя с места, могу предложить вам музыкальный номер, который наверняка понравится публике.

— Вот как? И что это за номер?

— Господин Лебединский.... — Парень никак не прореагировал на свою новую фамилию. — Господин Лебединский! Моня очнись. Сыграй-ка нам свою первую мелодию.

Эммануэль пожал плечами и заиграл. Скрипка зазвучала как-то особенно заунывно. Послушав минуточку, я остановил музыканта.

— А теперь исполни, что-нибудь повеселей.

Тот снова приложил скрипку к подбородку и выдал, что-то похожее на собачий вальс, но вполне задорное и веселое.

— Довольно! Номер будет такой: выходит Моня....извиняюсь не Моня, а Эммануэль выходит он, значит, весь в черном, и начинает исполнять, что-то заунывное. Секунд сорок не больше. Потом выскакивает симпатичная, ярко одетая девушка, тоже со скрипочкой и, пританцовывая, исполняет свою мелодию веселую и задорную. Некоторое время они соревнуются и под конец уходят вместе под вполне жизнерадостную музыку. Композитор! — Обратился я к парню. — Сможешь подобрать музыку к этому номеру?

Тот на несколько секунд прикрыл глаза, видимо представляя сцену, и энергично закивал головой:

— Смогу!

Я покровительственно похлопал его по плечу и сказал:

— Дерзай! Профессор!

— Почему — профессор? — спросил сбитый с толку Моня.

— Потому, что Лебединский. А впрочем, не важно. Ну, что господа, может, отпустим музыканта. Пусть музыкой займется.

Гуревич с сестрой как-то враз кивнули головами, отпуская новоявленного Эммануэля творить. Помолчав, мадам высказалась:

— Пожалуй, музыкальная сценка и впрямь может получиться. Только где взять девушку, которая сумеет сыграть на скрипке так же хорошо, как и Моня.

— Мадам! Ну, вы прям как ребенок. Девушке вовсе не нужно уметь играть на скрипке, и даже второго скрипача не нужно. Моня-Эммануэль может сыграть обе партии, но за кулисами или лучше за ширмой, а изображающим музыкантов артистам можно выдать муляжи вместо настоящих скрипок. Главное тут контраст между унылым юношей и жизнерадостной девчонкой. Кстати девушка должна быть не худой, и не толстой, а как говорится «в самом соку», чтобы зритель больше следил не за мелодией, а за тем как задорно подпрыгивают ее прелести в такт музыке. И одета она должна быть на самой грани приличий.

Мадам, видимо представив себе этот номер, ехидно улыбнулась, а бросив взгляд на брата, расхохоталась, заметив на его лице откровенное желание, увидеть эту сцену вживую. «Э-э... да ты ходок» — подумал я, глядя на пухляша. «А канкан, если его правильно подать, проймет тебя и тебе подобных по самое не могу и, пожалуй, заставит вас без больших сожалений расстаться с некоторой суммой для моей пользы». Мадам немного посмеявшись и подбрав, заявила:

— Ну что ж, господин Бендер, я готова принять ваше предложение, с условием, что вы, или, как вы выражаетесь, ваш человек, будете участвовать в составлении репертуара.

— Даже не сомневайтесь мадам. Как говорил один великий одессит: «Вам хочется песен? Их есть у меня!». Сейчас же главная задача, подыскать персонал, помещение и начать репетиции. Особенно хорошо нужно поработать с танцовщицами. Начальная организационная работа дело не легкое, но я полагаю что вы, при поддержке Михаила Исааковича и при должном финансировании, с ним справитесь.

— А вы господин Бендер, разве не примете участие в этих хлопотах?

— Увы, любезная Серафима Исааковна, буквально через неделю мне надо будет уехать. Месяца через два-три я, а скорее всего мой человек, появимся в городе и подключимся к вашей работе. Надеюсь, все организационные дела вы к этому времени решите. И вот еще что; я не буду оформлять наше сотрудничество юридически, но это не значит, что моими интересами можно пренебречь. Я смогу постоять за себя и потому даже мысли не допускайте, что можно меня кинуть.

Сказав это, я медленно оглядел обоих своим фирменным расфокусированным взглядом. Братец уже привычно поежился, а сестрица, впервые ощутив на себе этот холодный и бездумный взгляд, побледнела и даже чуть заметно подалась назад. Правильно говорят: «Сначала ты работаешь на репутацию, а потом репутация работает на тебя». Над своей репутацией в этом доме я уже на днях потрудился. Посмотрев на них еще раз, я продолжил, нормальным тоном:

— Теперь насчет финансирования проекта. Дня четыре назад мне досталось неожиданное наследство. Вот Михаил Исаакович прошу оценить. — С этими словами я вытряхнул на стол побрякушки.

Ювелир посмотрел на кучку золотых изделий и, взяв в руки какой-то перстенок, немного побледнел. Показав его мне, он хрипло спросил:

— Откуда это у вас?

Что это с ним? Никак признал побрякушку?

— Что знакомая вещица? Тогда посмотрите внимательно и отберите те, что вам покажутся знакомыми.

Михаил Исаакович быстро перебрал драгоценности и несколько штук отложил в сторону.

— Так! — Я снова посмотрел ювелиру в переносицу, и сказал, добавив в голосе металла. — А поведайте-ка милейший господин Гуревич историю отобранных вами побрякушек.

— Но... — Попытался что-то проблеять тот.

— Никаких «но». Вопрос серьезный. Я бы даже сказал вопрос «жизни и смерти». Вашей жизни господин Гуревич. Рассказывайте!

— Эти и другие украшения один человек должен был вывезти в Москву и передать...

— Понятно! — Прервал я его. — Должен был передать, но не передал и возможно даже до Москвы не доехал. Так?

— Так, но...

— Скажите, этот курьер человек надежный? Мог ли он вас кинуть, а побрякушки присвоить?

— Нет! Это исключено. И потом откуда они у вас?

— Когда ваш курьер выехал из Барнаула? — Не отвечая на его вопросы, я продолжал задавать свои.

— В конце апреля этого года.

— Сомов уже служил у вас или еще нет?

— Служил конечно. Он появился у нас в прошлом году.

— Тогда все понятно. Курьера вашего наверняка убили, а цацки забрали. Сделано это было по приказу вашего подельника Голована. Именно у него я и взял эти побрякушки четыре дня назад.

Серафима Исааковна побледнела, опустила на стул и закрыла лицо руками.

— Мадам, что с вами? Вам плохо? — Обеспокоился я.

Но она не ответила, а ее брат сказал:

— Курьером был племянник ее покойного мужа.

— Сочувствую. — Произнес я.

— А Федька Сомов здесь причем? — Продолжал расспросы пухляш.

— Сомов был человеком Голована. Это по его приказу он к вам устроился и должен был следить за вами. Сомов, скорее всего, и навел Голована на вашего курьера и вполне возможно даже сам поучаствовал в его ограблении.

Похоже, Гуревича не слишком занимала судьба родственника. Вопрос — куда девались остальные драгоценности, волновал его куда больше.

— Скажите господин Бендер, а Голован случайно ничего не говорил про остальные украшения?

— Ничего он не успел сказать, ругался только, а потом помер, прямо у меня на руках.

— А от чего он умер? Говорят, что удар с ним случился.

— Может и удар. Но я думаю, что он умер от огорчения.

— От огорчения? — С недоверием взглянув на меня, удивился Михаил Исаакович.

— А от чего же еще. Но для вас господин Гуревич, его смерть как подарок. Потому что не успел он вас ограбить.

— Ограбить меня? — Изумился пухляш.

— Вас, любезный Михаил Исаакович, вас. Я почти уверен, что этой осенью и грабанули бы.

— Но почему вы в этом уверены? — Он все еще отказывался верить, в то, что его подельник мог с ним так поступить.

— Логика, милейший Михаил Исаакович. Элементарная логика и знание жизни. Вы видимо думали, что с матерым уголовником вы на равных? Глубочайшее заблуждение. Эти ребята даже своего, при случае, ограбят и убьют, а уж вы, коммерсанты, для них, как жирные кабанчики, которых перед тем как забить, откармливают.

Гуревич, до которого кое что начало доходить, сидел на стуле обмякший и растерянный. Его сестрица, отнявши от лица ладони, смотрела на него сухими глазами, и этот взгляд не сулил бедному Мише ничего хорошего. Похоже, вдова в этом тандеме играет не последнюю роль. Недаром братец, обрадовался возможности чем-тозанять её. Пожалуй, Сара-Серафима как партнер в делах посерьезней пухляша будет. Отметив это, я продолжил опускаться на грешную землю Мишаню.

— Голован был очень хитрый, осторожный и безжалостный бандит. В Барнауле он появился не так давно, но успел подмять под себя местных уголовников. У него было две банды, одна орудовала в городе, другая потрошила нелегальных старателей. По-видимому Голован решил нынешней осенью из города сбежать, поэтому и ограбил вашего курьера. Перед тем как смыться, он бы и вас ограбил, но не вышло. Его таежная банда нарвалась на старателей, которые сумели отбиться и более того перебили всех бандитов. Голован послал на разборки городских, но и те сгнули. Судьба последних трех бандитов вам известна.

— А вы откуда это все знаете? — Спросила меня мадам.

— Я, любезная Серафима Исааковна, умею убедительно задавать правильные вопросы. И абсолютное большинство опрашиваемых из всех сил старается мне на них ответить. Так и тут: я поспрашивал — мне рассказали. — Нарочито жестко сказал я.

Мадам, видимо представив, как я задавал вопросы, поежилась, но в отличие от своего брата, которого буквально перекосило от моих слов, осталась спокойна. А я продлжал:

— Можно сказать, что вам господин Гуревич повезло. Вам лучше усвоить урок и больше с бандитами не связываться.

— А как же вы, господин Бендер? — Съязвила Сара-Серафима.

— Я, Серафима Исааковна, не бандит, но обстоятельства сложились так, что мне пришлось с ними плотно пообщаться. А в случившемся конфликте между мной и вашим братом, в роли бандита выступил именно он. Я всего лишь защищался. Вам же прелестнейшая Серафима Исааковна ничто не грозит. Ну, так как, наши договоренности остаются в силе?

— В силе. Но я совсем не уверена, что ваша задумка принесет прибыль, все-таки маловат город.

— Может быть! Но если не попробуем, то никогда этого и не узнаем. Если прибыли не будет, так хоть сами развлечемся, да горожан развлечем. Но я думаю, если нам удастся организовать не скучное зрелище, то и из других сибирских городов, богатые люди подтянутся, посмотреть и, может быть, кой в чем и поучаствовать.

— Это вряд ли. — Засомневался Мишаня. — Слишком далеко тащиться.

— Поживем, увидим. А теперь к делу. Михаил Исаакович, как вы считаете, этих побрякушек хватит, чтобы оплатить первоначальную организацию наших начинаний.

— По цене, пожалуй, хватит, но их нельзя продавать здесь в Барнауле. Неизвестно где их Голован взял. Вдруг кто свое узнает. — Поосторожничал Гуревич.

— Ну, я думаю, вы этот вопрос решите.

Я хотел было откланяться, но тут в кабинет заглянул Илья и сказал, что какой-то человек хочет поговорить с ювелиром. Михаил Исаакович извинился передо мной и пошел

общаться с посетителем. Я же решил поговорить с Сарой-Серафимой без свидетелей.

— Серафима Исааковна, я полагаю, что вы не позволите вашему брату снова влезть в какую либо сомнительную авантюру. Поверьте, его связь с уголовником Голованом могла принести всему вашему семейству очень большие неприятности.

Мадам, взглянув на меня, молча кивнула, давая понять, что услышала и приняла к сведению. Я продолжил этот своеобразный инструктаж:

— Теперь о нашем деле. Вполне возможно, что братец ваш, пока меня не будет в городе, начнет под каким либо предлогом отказывать в финансировании нашего предприятия. Разумеется, я, или мой человек, когда приедем, приведем его в чувство, но время будет упущено. Поэтому на всякий случай возьмите триста рублей и вот этот бриллиант.

— Не беспокойтесь господин Бендер, я сама сумею привести своего брата в чувство.

— Тогда пусть будет резерв на непредвиденные расходы. Да и вот еще что. Когда, вместо меня, вы увидите моего представителя, пусть вас совершенно не смущает его юный возраст. Он мне ни в чем не уступает и относиться к нему надо так же как ко мне. А впрочем, пренебрегать собой он никому не позволит, даже вам. Я это говорю для того, чтобы вы не теряли зря времени на совершенно не нужные попытки смутить его или еще как-то воздействовать. Просто прислушивайтесь к его советам. Спорить можно, но аргументировано.

Сара-Серафима внимательно на меня посмотрела и, еле заметно усмехнувшись, сказала:

— Вы меня заинтриговали господин Бендер. С нетерпением буду ждать встречи со столь необычным юношей.

— Ах, мадам! Ничего необычного в нем нет, просто ему, чтобы остаться в живых пришлось стремительно повзрослеть, только и всего. Обычный инстинкт самосохранения. И он в этом отношении не оригинален, дети не богатых родителей в Сибири взрослеют быстро. Много работать приходится.

Женщина хотела еще что-то сказать, но вернулся ее братец и она обратила внимание на его встревоженный вид.

— Что случилось Михель?

Тот не отвечая, прошел к шкафчику, достал графинчик с водкой. Набулькав почти полную рюмку, он опрокинул ее в рот. Вспомнив, что в кабинете он не один, показал графинчик мне, предлагая присоединиться, но я отрицательно покачал головой. Он понимающе кивнул и налив еще полрюмки, прошел с ней к столу и сел в свое кресло.

— Сара, ты помнишь Ефима Голубцова, ну который тебе еще ручки целовал, когда мы были на празднике у Поляковых?

— Это, у которого плешь на голове круглая, как у монаха?

— Да. Это он сейчас приходил и, как бы между делом, Голованом интересовался. Когда я сказал, что никакого Голована я не знаю, он спросил, а Гаврила Шубников мне известен?

— И что ты ему ответил? — Встревожено спросила Сара-Серафима.

— Ответил, что Шубникова знаю, но он умер на днях.

Так! Похоже, подельник Голована нарисовался. Видимо примитивная карта, что мы с дедом у дружка Рябого забрали, этому Ефиму предназначалась.

— Простите, что вмешиваюсь. Можно про этого Ефима Голубцова подробнее.

— Что подробнее? — Недоумевающе спросил Михаил Исаакович.

— Всё подробнее. Кто такой, как выглядит, чем занимается, где живет. Одним словом все, что вы о нем знаете.

— Зачем вам это?

— Все, кто интересуется судьбой Голована, для нас с вами представляют опасность. Это если не полицейские, то его подельники. Так что давайте рассказывайте.

Из того, что поведал мне милейший Михаил Исаакович, я вычленил следующее:

Ефим Голубцов является доверенным человеком золотопромышленника и «миллионщика» Фрола Хрунова. Внешность имеет характерную, нос картошкой брови густые, кустистые, росту не высокого, полноват, одевается прилично. Появляется в Барнауле каждый год осенью, видимо привозит добытое золото. Закупается здесь кое-чем и последним паромом возвращается к себе в Томск.

— И что же он покупает в Барнауле. — Спросил я, совершенно не понимая, что такого эксклюзивного здесь есть.

— Известно, что! Шубы «барнаулки», пимы, ну может еще мед и масло.

— Шубы? — Удивился я. — Чем же они хороши?

— Покроем и цветом. Степан Иванович Гуляев краску изобрел, а рецепт бесплатно отдал Полякову да Лапину, те и развернулись. По всей Сибири шубы да пимы барнаульские расходятся и вроде уже и за Урал вывозят.

В тоне высказывания Михаила Исааковича, чувствовалось некоторое не одобрение бескорыстия Гуляева и легкая зависть, к упомянутым персонажам, которым ни за что ни про что достались не хилые плюшки. Интересно! Возьму на заметку и постараюсь влезть в этот бизнес. Но пока продолжу расспросы.

— Этот Хрунов в Томске живет?

— Вроде в Томске, ещё, говорят, что он в тайге себе домину отгрохал, чуть ли не дворец и в столицу часто навещается. Говорят куролесит там как оглашенный. Точно деньги девать некуда.

— Понятно! И напоследок позвольте почти интимный вопрос: через вас золотишко Голован не пытался пристроить? Только отвечайте честно.

— Брал я у него песок и небольшие самородки.

— Много?

— Полтора фунта и четыре золотника. — Покаялся ювелир.

Понятно, видимо на этом и подловил тебя Голован. Пожалуй, пора прощаться с ювелиром и его сестрицей.

— Михаил Исаакович, не хочу вас пугать, но пока этот Голубцов не уехал, будьте осторожны. Это и касается и вас Серафима Исааковна. Кстати, господин Гуревич возьмите свой револьверчик. Мне он без надобности, у меня своих девать некуда.

Я достал револьвер и, взяв за дуло, протянул его ювелиру. Тот, схватив, его за рукоять и бросив на меня боязливый взгляд, положил в стол. Однако побаивается меня Мишаня или как там его сестрица назвала — Михель. Ухмыльнувшись, я вытащил из кармана патроны, положил их на стол.

— Револьверчик то зарядите Михаил Исаакович. Вам Серафима Исааковна тоже бы не худо оружием обзавестись и стрелять поучится. Могу вам презентовать.

— Не беспокойтесь господин Бендер. Револьвер у меня имеется. От мужа остался, и стрелять я умею.

— Мадам! «Я в восхищении». — Вспомнилась вдруг фраза из давно читаного романа. Какая женщина! Не зря зашел к ювелиру. Теперь остается посмотреть, как она справится с организацией местного «варьете». Но что-то мне подсказывает — отлично справится.

— Мадам, господин Гуревич я еще загляну к вам перед отъездом, а теперь разрешите откланяться. Дела-с.

По дороге к месту временного обитания размышлял над полученной информацией. «Отыскался след Тарасов». Вот кому сбывал награбленное золото уголовник Голован. Фрол Хрунов, значит, зовут его хозяина. Миллионер и золотопромышленник ни чем не гнушается в стремлении как можно больше нахапать.

Блин! И время другое и мир другой, а эти утырки за большие деньги никого не щадят ни детей, ни стариков, ни женщин, про мужиков и говорить не приходится. Дворец он в тайге выстроил и в столицах оттопыривается по-черному. Наверняка разорится, все прахом пойдет. Хорошо бы пощупать его за мохнатую сиську, но не по Сеньке шапка. А вот засланца его, Голубцова Ефима, можно немного ущипнуть и кой о чем расспросить. Но сначала понаблюдать за ним. Выяснить, что делает, где бывает, с кем встречается. А уж потом брать тепленьким, и желательно с полным кошельком.

Глава восьмая.

На следующий день с утра пошли разыскивать улицу Томскую. Именно на ней и находился дом мещанина Матюшкина, где, по словам ювелира, остановился Ефим Голубцов. Сам Матюшкин в доме не живет, а обитает у своей сожительницы. Так, что хата находится в полном распоряжении Голубцова с охранниками. Дом не слишком большой и одноэтажный. Забор невысокий и двор хорошо просматривался с улицы. Некоторое время никого на дворе не было. Потом, появился рослый мужик, одетый как приказчик в лавке. Он походил туда-сюда по двору, подошел к наваленным возле сарая чуркам, разыскал топор и с видимым удовольствием начал колоть дрова.

Через некоторое время появился еще один колоритный тип. Заросший бородой по самые уши, квадратный с толстыми руками он походил на мифического йети. Но в отличии от этого лесного жителя, он, для начала, свернул из бумаги громадную козью ножку, засыпал туда жменьку самосада и раскурил, блаженно шурясь и пуская в небо густой белый дым. Понаблюдав некоторое время за заготовителем дров, прогудел:

— Пронька, чего ты за топор схватился? Баньку топить собираешься?

— Надоело слоняться без дела. И когда только назад поедем?

— Ишь ты быстрый какой. Еще дён семь, а то и больше здесь поколачиваемся. Пока Ефим бумаги оформит, пока закупимся, как раз к последнему пароходу успеем.

— Ага! Он по городу шляется, водку хлещет, да баб мнёт, а мы тут сиди безвылазно, карауль.

— А чего? Деньги платят. Вернемся домой там и гульнём.

— Это само собой. А Васька что ли спит еще?

— Дак они с Ефимом вчера похоже хорошо на булькались, поздно приперлись. Теперь спать до полудня будут.

Так! Ясно! Охранников у Голубцова как минимум трое и, судя по этим двум, обломы еще те.

— Парни сваливаем отсюда, пока эти нас внимание не обратили. После обеда Белый с Греком сюда подскочите. Вон там занькаетесь, игру какую ни будь затейте, а сами за домом наблюдайте. Тор с Тохой вас подстрахуют. Когда Ефим выйдет проследите за ним, только осторожно. Близо не подходите.

— А как мы узнаем того Ефима? — Спросил Белый.

— Двоих охранников вы уже видели. Думаю и третий будет не меньше этих. А Ефим небольшого роста, одет в господскую одежду, кругленький весь, нос картошкой и брови густые. Узнаете.

— А ты? — Спросил любопытный Тоха.

— Мне наверное в полицию придется пойти, свидетельские показания давать. — Видя удивление парней, добавил. — Дома расскажу.

Рассказывать пришлось на ходу. Парни жаждали новостей и до дома не дотерпели. Они слушали про мои приключения, немного завидовали и комментировали.

— Опять ты Немтырь куда-то влез. Не живется тебе спокойно. — Попенял мне Белый.

Рассудительный Грек сказал:

— Не надо лишний раз мощной трясти, а то соришь деньгами направо и налево, вот и

вяжутся к тебе варнаки. Хорошо, хоть не убили.

— Нет, Грек не сорю я деньгами, как ты говоришь, а инвестирую. Я сегодня вкладываю один рубль, чтобы в будущем получить три.

— Инвестируешь? Это как? — Спросил любопытный Тоха.

— Да просто все. Вот, например мать Гришки Зотова хорошо рисует. Мы ей помогли. Ее картины и рисунки я выкуплю, а через год — два продам втрое дороже.

— Да кто ж их купит. — Засомневался Белый.

— Купят, если правильно предлагать, и рекламировать.

— Надо было этому Дермидонту ноги переломать, чтобы не подпрыгивал. — Тор по своему обыкновению был хмур и суров.

— Если его не загребут вместе с теми двумя, то навестим утырка, побеседуем. — Пообещал я парням.

Парни радостно загалдели, предвкушая будущую развлекуху. Похоже, дружки мои подсели на адреналинчик, спокойная жизнь их уже не устраивает. Хорошо это или плохо, угадать сейчас сложно, но если они и дальше останутся со мной, то всякого рода трудности я им обеспечу, замучаются преодолевать.

К моему удивлению, полиция меня не потревожила и в два часа, отправив парней пасти Ефима Голубцова, решил снова навестить Зотовых, чтобы встретиться там с доктором. Надеюсь, он не забудет свое обещание навестить больную.

Сделав небольшой крюк, заглянул в лавчонку, где торговали сладостями и фруктами, хотел прикупить яблок и апельсинчиков, Насте с Гришкой в подарок, но тары не было, а в руках тащить неудобно. Спросил продавца, почему у него нет бумажных пакетов, тот лишь пожал плечами и предложил зайти в соседнюю лавку и купить корзину. Пришлось пойти и взять небольшую корзинку. Блин, авоську изобрести что ли, или изготовление пакетов из бумаги наладить. Много чего можно сделать, были бы деньги, да специалисты. Но чего нет того нет.

К Зотовым пришел уже после доктора с помощницей. Когда зашел в дом, то в комнате сидели за столом Гришка с Настей. Подгорский вместе с Аглаей Борисовной осматривали больную в спальне. Отдав корзину с фруктами Настёнке, я присоединился к Гришке и вместе с ним стал ждать докторского вердикта. Наконец дверь в спальню отворилась, и доктор Подгорский появился в комнате. Выглядел он вполне довольным и, увидев меня, ухмыльнулся и заговорил:

— Молодой человек вы уже тут. Никак проконтролировать нас с Аглаей Борисовной хотите.

— Доктор! Что с Дарьей Александровной. — Не принял я его шуточный тон.

Тот снова склонил голову набок и насмешливо посмотрел на меня.

— Успокойтесь господин Забродин, с вашей подопечной все хорошо. Выздоровливает. Причем выздоровление идет гораздо быстрее, чем я предполагал. Она это связывает с вашими травами, отвар, которых пьет. Скажите, если это не секрет, что это за травы и где вы их взяли.

— Насчет трав ничего сказать не могу. Ничего в них не понимаю. Мне их дала одна деревенская целительница, вместе с рецептом приготовления. Дарья Александровна сама готовит отвар и принимает, точно следуя указаниям, записанным в рецепте.

— Интересно. И где же обитает эта старушка-целительница? — Поинтересовался доктор.

— Я бы не назвал её старушкой. Она женщина средних лет и месяца через два-три вы будете иметь возможность познакомиться с ней лично. Она в Барнаул переезжает. Я вас порекомендую. Она хоть и не высокого мнения о современной медицине, но считает, что в некоторых областях врачи добились впечатляющих результатов.

Доктор скептически усмехнулся, оглядел меня с ног до головы и сказал:

— Неграмотная деревенская знахарка, которая не высокого мнения о современной медицине? Да вы издеваетесь господин Забродин.

— Доктор, разве я сказал «неграмотная знахарка»? Женщина прекрасно говорит на итальянском, сносно владеет французским, какая неграмотность? Вполне образованная и начитанная дама. А что касается медицины, она считает ваши методы лечения грубыми и тяжелыми, единственная область, где эти методы, по ее словам уместны, так это хирургия. А впрочем, через три месяца, если конечно захотите, все это вы сможете узнать, у неё самой. Я же могу что-нибудь перепутать, поскольку в медицине не разбираюсь.

Подгорский в который раз оглядел меня, подозревая насмешку, но я ответил ему взглядом бравого солдата Швейка — теплым, приветливым и безмятежным. Если поручика Лукаша такой взгляд приводил в тоскливую ярость, то доктор немного смутясь, отвел глаза и произнес:

— Посмотрим.... Но вы, кажется, говорили про какие-то рисунки вашей подопечной. Можно посмотреть или придется подождать хозяйку.

— Зачем же ждать. Я с некоторых пор являюсь агентом по продаже ее творений. Так что извольте взглянуть. Настя подай господину Подгорскому папку с рисунками Дарьи Александровны.

Пока доктор рассматривал картинки, время от времени одобрительно хмыкая, в комнату вошла Аглая Борисовна в сопровождении несколько смущенной хозяйки. Видимо осмотр был по женской части. Помощница доктора, увидев меня, вопросительно приподняла брови, но спохватившись, изволила поздороваться.

Я ответил суровой даме со всей возможной любезностью. Наши взаимные расшаркивания прервал доктор:

— Аглая Борисовна взгляните на эти рисунки. — Указал рукой на отложенные им листы.

Та подошла к столу и, перебирая картинки, стала их внимательно рассматривать, время от времени, бросая оценивающие взгляды на хозяйку.

— Что скажете Аглая Борисовна? — Спросил доктор.

Женщина, не отвечая, взяла у него из рук папку с остальными рисунками, перебрав их, отложила один. Потом еще раз прошлась по отобраным Александром Ионовичем и вытащила оттуда еще два. Показав доктору два рисунка, сказала:

— Вот эти два можно повесить у меня в приемной, а этот у вас в кабинете.

— Почему вы так решили? — С любопытством спросил доктор.

Мне тоже стало интересно, что нашла в этих пейзажах суровая помощница доктора.

— Вот эти два пейзажа производят даже на меня умиротворяющее впечатление. Если повесить их в приемной, то ожидающие пациенты будут их поневоле рассматривать и немного успокаиваться.

— Понятно. А эту, почему ко мне в кабинет? — Спросил доктор, указывая на лист, где были изображена отвесная скала, на плоской вершине которой, на фоне сурового северного неба росла небольшая кучка, истрепанных ветром, пихт.

— А эту повесите в кабинете напротив вашего стола.

Доктор еще раз внимательно осмотрел картинку и вопрошающе уставился на Аглаю.

— Пусть она вселяет в вас твердость и мужество. Видите деревья. Представьте каково им приходится. Внизу под корнями твердый камень, вверху ветер холодный и сильный, а они стоят.

Блин! Вот тебе и «мымра», подумал я. А ведь видел этот рисунок, но особого внимания не обратил, а тут целая философская притча закодирована, хотя сама художница ни о чем подобном и не помышляла. Вон даже рот открыла в удивления от подобной трактовки.

— Гм.... А, пожалуй, вы Аглая Борисовна правы. Ну что ж эти две берем, пусть у вас в приемной висят.

— А с этой что? — Спросила Аглая.

— С этой поступим так.... Госпожа Зотова сможете на основе этого эскиза написать картину?

Дарья потрясенно смотрела на медиков и ответила не сразу:

— Смогу, но....

— Тогда и эту тоже берем, но оставляем здесь как образец. Когда картина будет готова, заберем и картину и эскиз. Картину в кабинете повешу, эскиз в спальне, пусть напоминает. Теперь о цене. Сколько мы вам должны?

Дарья было открыла рот, чтобы по своему обыкновению отказаться от денег, но я ее опередил.

— Насчет цены это ко мне. Творец пусть творит, а мы люди приземленные будем торговать. Акварели и эскизы мы продаем в пределах тридцати рублей. Картины от ста рублей и выше. Но поскольку акварели и картина которые вы хотите купить будут находится в местах доступных для обозрения, то это будет приравняться к рекламе произведений художника, значит вам полагается пятидесятипроцентная скидка. И того с вас восемьдесят рублей, эскиз идет в счет оплаты медицинских услуг.

Доктор слушал меня с несколько ошалелым видом, но через минуту, видимо осмыслив сказанное, и сопоставив мою внешность с этим заявлением, захохотал. Дарья с удивлением смотрела то на меня, то на смеющегося доктора. Аглая Борисовна оставалась внешне спокойной, лишь уголки губ чуть подергивались, а в глазах плясал веселый огонек. Я, с трудом сдерживаясь чтобы не присоединиться к веселящемуся доктору, сохранял невозмутимый вид, дожидаясь, когда тот просмеётся. Наконец доктор вытер платочком выступившие от смеха слезы и спросил придушенным голосом:

— А если к вам придёт покупатель по моей рекомендации, то тогда, что полагается мне?

— Как и всем, нормальный посреднический процент.

— Это какой же?

— Три процента от суммы сделки. — Невозмутимо сказал я.

Доктор снова засмеялся и махнул на меня рукой, в попытке остановить веселье. Просмеявшись выдал перл:

— Видел я евреев, сам еврей, но вы молодой человек всех переплюните.

— На том стоим! — С достоинством произнес я.

Доктор, не в силах больше смеяться, снова замахал руками и, достав портмоне, отсчитал восемьдесят рублей и положил их на стол.

— Вот ваш гонорар. Мы папочку у вас заберем, чтобы рисунки не помялись?

— Разумеется, берите. И поздравляю вас. Вы даже не представляете, как выгодно вложились. Через два-три года рисунки и картины госпожи Зотовой будут стоить в разы дороже. Это я вам гарантирую. А лет через пятьдесят они будут продаваться на аукционе «Сотбис» за очень большие деньги.

— Гм... А знаете, я склонен вам поверить, господин Забродин. Теперь по результатам врачебного осмотра: госпожа Зотова, вы поправляетесь, продолжайте пить отвары, что дал вам этот молодой человек, рекомендациями Аглаи Борисовны не манкируйте. Через две недели зайдите к нам на прием. За сим разрешите откланяться.

На пороге, пропустив вперед Аглаю, доктор обернулся и произнес:

— Господин Забродин вы иногда захаживайте к нам, очень уж забавно вы рассуждаете о современной науке и особенно медицине.

«Ага, приходи повеселить, а то скучно» — подумал я, но вслух сказал:

— Непременно найду, Александр Ионович. Вот только с делами немного разберусь, и сразу заскочу.

Когда медики ушли я обратил внимание на Дарью, которая с недоумением рассматривала оставленный доктором рисунок. Заметив, что я смотрю на неё, сказала:

— Я же ничего такого не думала и скалу эту видела один раз в юности, когда из Красноярска сюда с родителями ехала. Вот недавно вспомнила и нарисовала по памяти.

— Дарья Александровна, вы сильно- то над своими рисунками, да картинами не размышляйте. Как видите, так и рисуйте, рассуждения о смыслах вами нарисованного, оставьте тем, кто рисовать не умеет.

— Как это...?

— Знаете, кто-то из великих сказал: «Кто может, тот делает, а кто не может — рассуждает». Вы рисовать умеете и можете, значит и рисуйте. А большинство рисовать не умеет и не может, но рот то им не заткнешь. Вот и рассуждают. Но вы на них внимания не обращайтесь.

А сам подумал: «Начнешь размышлять, да рассуждать о смыслах, то не дай бог, ещё и до черного квадрата додумаешься. А оно нам надо?». Хотел было еще немного поговорить о пользе бессознательного самовыражения в искусстве, но вовремя заткнулся. Не фиг провоцировать женщину, а то вдруг вообразит себя творцом и начнет искать новые формы художественного изображения действительности, а там и до абстракционизма рукой подать. Нет уж, пусть рисует как умеет; у неё это неплохо получается, а модного художника я из неё сотворю, ну и подзаработаю немного. Начало то можно сказать положено.

— Дарья Александровна. Вы деньги приберите. Я вам обещал, что буду продавать ваши картины, вот выполняю.

— Но вы же говорили, что прибыль будем делить поровну, а вы всё мне отдаете.

— Должен вам сказать Дарья Александровна, что вы ничего не понимаете в торговых делах. Я свою долю уже получил и тут же вложил ее в рекламу своего товара. Товар в данном случае это ваши произведения. Доктор с помощницей повесят картинку у себя, что уже само собой будет способствовать вашей известности как художника, но ведь они ещё и молчать не будут. Про Аглаю не скажу, но доктор, пожалуй, уже сегодня похвастается в своем кругу. Поэтому ждите любопытных посетителей.

— И как же я их принимать то буду? — Испугалась Дарья.

Блин, а ведь верно, над этим я и не подумал. Домишко Зотовых ни под художественный салон, ни под мастерскую не подходит. И что делать? Я глянул на часы, пожалуй, к доктору

успею, если потороплюсь.

— Не беспокойтесь Дарья Александровна! Я этот вопрос решу. Давайте-ка мне все ваши рисунки, а если кто к вам придет, то посылайте их в ювелирный салон Гуревича. Там они будут находиться и там пусть их покупают.

Заметив на полке ярко разукрашенных матрешок, вспомнил, что хотел подарить игрушку будущей ведунье, обратился к хозяйке:

— Дарья Александровна одну матрешку мне дайте.

Получив требуемое попрощался и, напялив на голову шляпу, пошел на выход.

Глава девятая.

Выскочив от Зотовых я резво зашагал к докторскому дому, в надежде застать его в кабинете. Проходя мимо хаты Дермидонта, я увидел самого хозяина, который вышел на улицу, но увидев меня, пулей метнулся назад и, захлопнув калитку, скрылся в доме. Это что! Выходит, отпустили Дерьку. Ладно, вечером навестим утырка, побеседуем.

К доктору успел впритирку. Аглая Борисовна была на месте, но уже собиралась домой. Увидев меня она удивленно подняла брови, видимо собираясь спросить: за каким чертом я так поздно приперся, но я ее опередил.

— Прошу прощения Аглая Борисовна! Доктор у себя?

— Да. А в чем дело?

— Для него и для вас сущий пустяк, но для меня очень важно. Проводите меня к Александру Ионовичу.

— Хорошо, пройдемте.

Доктор встретил меня удивленной улыбкой.

— Господин Забродин это опять вы! Что еще что-то продать решили?

— Я с просьбой к вам Александр Ионович и к вам Аглая Борисовна.

— Вот как! И что за просьба?

— Вы когда повесите рисунки Зотовой, то возможно вас будут спрашивать, о художнике. Так вот я очень прошу Дарью Александровну не называть, а любопытствующих посылать к Гуревичу в ювелирный салон. Рисунки будут там, там же их можно будет купить.

— А что так?

— Совершенно не хочется, чтобы кто-то докучал госпоже Зотовой. Пусть она спокойно занимается любимым делом, а продавать ее творения будем я и Гуревич.

— Гм.... Резонно. Но как вы уговорите этого спесивого болвана Гуревича помогать вам?

— Я, Александр Ионович, умею очень убедительно некоторых людей уговаривать. Так вот сей господин в их число входит.

— Даже так.... — Доктор серьезно и внимательно посмотрел на меня и сказал. — Ну как Аглая Борисовна поможем юноше?

— Разумеется, Александр Ионович. Тем более он прав. Вдову беспокоить не стоит, она и так еле выкарабкалась.

— Благодарю вас Аглая Борисовна и вас Александр Ионович за доброту и понимание. Но мне пора. Дел много.

Дома сразу прошел к хозяевам, чтобы поговорить с дедом. Дед сидел за столом вместе с Никифором. Они пили чай и вели неспешный разговор. Я поздоровался, но от чая отказался, сказав деду, что хочу с ним поговорить, когда он освободится. Прошел в свою хибару. Парней не было. Наверное все еще Голубцова пасут.

Вспомнил о встрече с Хреновым. Если Дермидонта не повязали вместе с Гирей и Худым, то выходит, подельники его не сдали. А значит обо мне в полиции пока ничего не известно. Иначе давно бы уже пригласили как потенциального потерпевшего. Это хорошо! Плохо, что Дермидонт на свободе. Он хотя изрядно трусоват, но семейству Зотовых навредить может, особенно когда выпьет. Видимо в пьяном виде страх притупляется, а обиды, которые, по его мнению, он претерпел от окружающих, вырастают многократно. И

вполне возможно главной причиной своих неурядиц и бед, он считает Дарью Зотову. Трезвый он конечно к Зотовым не сунется, но, похоже, трезвый он последнее время бывает редко. А это значит, что Зотовых надо как-то от него оградить.

Блин! Как же достали эти ублюдки! Придавить его что ли? Нет нельзя! Ко мне ниточка потянется. Игнат Горлов знает обо мне и моем отношении к этому утырку. Так что в случае насильственной смерти Дермидонта — я первый подозреваемый. Значит нужно всего лишь напугать, но напугать конкретно, до загаженных штанов, а еще лучше до инфаркта, как в случае с Голованом. Сегодня и сходим с парнями, а там как получится.

Дед подошел минут через пятнадцать, вполне довольный. Видно и, правда, хорошо отдохнул со Свиридом.

— Чего хотел? Летна боль. — Спросил он, присаживаясь к столу.

— Да узнать хотел — договорился ты со Свиридом или нет?

— Столковались, бревна, доски есть. Завтра и начнем.

— То есть как начнем? Ты что, тоже работать там собрался?

— А чего сиднем сидеть. Когда еще бумаги будут готовы. Помогу Свириду, ну и посмотрю, как его артель работает.

— Значит, другой дом для себя искать не будешь? — Спросил я.

— А зачем? Летна боль. Этот подойдет, два этажа да подвал. Куда еще больше-то.

— Понятно. Я в воскресенье к Глебовым пойду. Ты как, идешь или нет?

— Иди один. Мы со Свиридом договорились без выходных работать, надо дом до дождей крышей накрыть.

— Я смотрю, ты с этим Свиридом прямо сдружился. Вы случайно кабак не разнесли, когда сделку отмечали. — Не удержался я от иронии.

— Нет! Нас там никто не задирал, а мы люди степенные, чего нам куражиться-то, летна боль. Да и не пьяны мы были. Так немного разговелись.

— А бумаги по дому вы с Зотовой оформили?

— Так сегодня с утра и сходили. Денег пришлось приплатить, но бумаги все подписали.

Я вот все спросить тебя забываю: почему ты этой Дарье за дом переплатил. Ведь она серебра не просила.

— Нужна она мне. Рисует хорошо, талантливо. Я ее картины подрядился продавать. Думаю неплохо подзаработать на ее рисунках. Ну а потом уговорю ее и их домишко нам продать, а ей прикупим побольше, да поближе к Аннушке. Я познакомить их хочу.

— Поди и Анютку хочешь запрячь, чтобы она тебе тоже деньги зарабатывала?

— Обязательно найду и ей дело, но пока еще не придумал какое.

Дед внимательно посмотрел на меня и неожиданно заключил:

— Ты как паук, норовишь всех в свои сети загнать. Смотри не надорвись.

Я изумился логике и прозорливости старого кержака. Он на редкость чётко сформулировал то, что я собираюсь сделать. Я ведь хочу на весь город своеобразную сеть накинуть, чтобы как можно больше горожан полагали, что работают исключительно на себя, а на самом деле, и мне доля малая от их трудов перепадала. Буду потихоньку город под себя подминать. Пока он еще зажат в тиски кабинетских ограничений, но скоро их отменят и тогда надо успеть в мутной воде рыбку поймать.

Как говаривал один одиозный деятель: «Добрый словом и пистолетом». Нет, банальным рэкетом я заниматься не буду, но постараюсь влезть в любой сколь-нибудь прибыльный бизнес как здесь в городе, так и в окрестностях. А поскольку наверняка

появятся всякие личности, которые захотят отжать у меня мою в будущем, а пока дедовскую собственность, то одних «мушкетеров» будет маловато. А значит, банду надо увеличивать. Кстати, чтоб меня не кинули с прибылью от добычи золота, надо с дедом договориться заранее.

— Тятя ты уже подумал, как вы будете золото добывать?

— А чего тут раздумывать. Артель сколотим, да мыть начнем.

— Артель? Кто инструменты и механизмы покупать будет? Кто вашу артель туда повезет? Где взять столько лошадей? Чем этих лошадей там кормить? Кто, наконец, жратву вам будет туда возить? Кто вас там охранять будет. Думаешь Рябой это последний бандит? Найдутся еще ухари. На все это деньги нужны, а денег то у артели пока нет. Когда вы еще золото добудете да сдадите. Получается, что прежде чем начать добычу, уйму денег надо будет потратить. Вы с Жабиным готовы к таким тратам?

Дед несколько растеряно посмотрел на меня и почесал затылок. По-видимому он несколько иначе представлял себе процесс добычи золота.

— Летна боль! Так то не артель будет, работников нанимать придется. Да следить за ними, чтоб от работы не отлынивали, золотишко не прятали. Времянки построить придется, не в шалашах же спать. Это ж сколь потратить надо будет. Пожалуй, Федька откажется. Он зерном хочет торговать, на прииск у него денег не хватит. И чё теперь делать будем? — Не на шутку озадачился дед.

— Думать будем. Соображать! Ты бумагу только на себя оформляешь или и Жабин там тоже упоминается?

— На себя. Федька не захотел ехать. Надо ж расписаться.

— Ну, значит, тебе и быть хозяином прииска.

Дед досадливо поморщился, как будто лимон разжевал. Быть хозяином над золотодобытчиками ему явно не хотелось.

— Ладно, не переживай. Откажется Жабин — без него обойдемся. Да и есть у меня деньги. Натрофеили с парнями. Есть и задумка как все организовать, не слишком тратясь. — Обнадежил я деда. — Рассказывать пока не буду, хорошо все продумать надо. Ты тоже подумай, как все сделать, а потом сравним.

— Задал ты, летна боль, задачу. Но деваться теперь некуда — плачь да делай.

Дед посидел еще, молча глядя в окно, поднялся и, не прощаясь, ушел. Похоже, не хило озадачился старик. Я завалился на лавку и, закрыв глаза, стал подбивать бабки сделанному за неделю пребывания в городе. Хорошо поработали с парнями. Банду Голована уничтожили — большой плюс. Денежек немного поимели. Кстати, сколько там у нас: две пачки от Голована в одной три тысячи, в другой почти шесть тысяч рублей, монеты пока не считал, но рублей пятьсот золотом и серебром пожалуй будет, да пять тысяч с ювелира слупил и того четырнадцать с половиной тысяч есть — тоже не хилый плюс. Еще песочка золотого чуть больше килограмма, а это еще рублей семьсот. Потратил уже больше тысячи, и еще не рассчитался с Абрамом Хайкиным.

Вообще-то маловато денежек у Голована в саквояже было. При его размахах он побольше накопить должен. Выходит у него еще где-то деньжата да ценности запрятаны. Жалко помер гад, теперь его ухоронки не разыскать.

Дальнейшие размышления были прерваны ввалившейся веселой и голодной толпой. Они, гомоня, сели за стол и стали уминать традиционную кашу. Когда насытились, Белый доложил результаты слежки за Голубцовым.

— Этот Ефим ...

— Стоп! — Сказал я. — Давайте договоримся, что теперь тех за кем будем следить, по именам не называть. Будем звать такого — «объект». Поняли.

— А почему? — С недоумением спросил Тоха.

— «Чтобы никто не догадался». — Не отказал себе в удовольствии процитировать киноклассику. — Положено так.

Собственно я и сам толком не знал, почему так называли своих подопечных всякие спецслужбы и называли ли в реальности. Сужу об их работе только по фильмам да по художественной литературе. Хотя и подозреваю, что кроме некой конспирации, в таком приеме есть и психологический аспект. Обезличить жертву, лишить её индивидуальных черт, как бы расчеловечить что ли. Все-таки следить за «объектом» психологически легче, чем за конкретным «Иван Ивановичем Ивановым», который лично тебе не сделал ничего плохого. Может все мои «глубокомысленные» рассуждения по этому поводу — сущая ерунда, скорее всего, так оно и есть. Но если таким приемом пользовались, значит, есть в этом смысл.

— Ага! Этот «объект» Ефим выполз из дома только под вечер. С ним еще один здоровый бугай. В трактир пошли, здоровье поправлять, а потом бугай обратно пошел, а этот «объект» поперся на улицу Подгорную. Зашел в один дом и, пока мы там торчали, оттуда не вышел. Тоха спросил у местных пацанов, кто в этом доме живет. Ему сказали, что это дом Чулковой Аграфены. Она вдова и к ней часто мужики ходят. — Довольно четко доложил Белый.

— Все ясно! Завтра еще походите за «объектом», прикиньте, где и как его лучше прищучить. А сегодня ночью наведемся к Дермидонту, попугаем его немножко, а то мужик оборзел вконец. А сейчас, кто хочет, может подремать, пойдем в полночь. — Заключил я, заканчивая «совещание».

Парням явно нравились эти приключения, так не похожие на их скучную деревенскую жизнь и они с неподдельным энтузиазмом готовы были продолжать и дальше шпионить и драться. Даже более взрослый и хмуро-степенный Митька-Тор с удовольствием включился в эту веселуху.

В двенадцать мы уже были у дома Дермидонта. Осенняя ночь была темной. Я снова приклеил бороду с усами, а парней заставил вымазать лица сажей и вместо фуражек повязать на головы свои шейные платки. Пока размазывали сажу по мордам, нахохотались на два дня вперед. Зато теперь при тусклом и колеблющемся свете пацаны выглядели жутковато. Мне даже стало немного жалко бедного Дермидонта, но дядя сам виноват. Не фиг было нарываться. Очень уж упорно напрашивался товарищ на показательный сеанс страхотерапии.

Белый ловко перемахнул через забор и открыл нам калитку изнутри. Потом подошел к входной двери и попробовал открыть. Дверь не подалась.

— Закрылся сученок. — Прошептал Тор.

Парни притаились по обе стороны двери, а я постучал в окно. Никакого движения внутри дома. Постучал сильнее — с тем же результатом. Наконец еще после целой серии барабанной дроби по многострадальному окошку, в доме что-то булькнуло, и к стеклу подсунулась заспанная физиономия хозяина, который, вглядываясь в неясную тень за окном, проскрипел:

— Кто там? Кого это черти носят?

Стараясь как можно лучше подражать хриплому голосу Гири, я тихонько сказал:

— Дерька открой! Я это! Гиря!

Дерькина физиономия расплющилась на стекле.

— Гиря? Ты что сбежал? А Худой как?

— Вместе утекли. Открывай быстрее!

— Сейчас.

Дермидонт протопал к дверям, повозился с засовом и, открыв дверь, выглянул во двор. Тор не зевал. Получив не хилый удар в челюсть, Дерька завалился внутрь прихожей. Подхватив под руки, парни затащили его в комнату и бросили на пол. Опять нокаут! Еще пару раз и последний умишка выбьет из бедного Дермидонта, злопамятный Тор.

— Ты в следующий раз полегче лупи, а то зашибешь кого-нибудь ненароком. — Попенял я могучему Тору. — Челюсть бедняге не сломал?

— Не должен. Я ведь не сильно его ударил.

Темно в хате, нужно подсветить немного. Я полез в карман, вытащил заранее приготовленный огрызок свечи и зажег его дорожкой спичкой. Закрепив свечку на столе, оглядел довольно загаженную комнату и заваленный какими-то огрызками стол. Бухает Дермидонт и бухает конкретно.

— Так, Тор, Белый пробегитесь по дому, проверьте, может кто еще здесь есть. Тоха, Грек посадите утырка на лавку. Как в себя придет покривляйтесь перед ним, по изображайте чертей, можете пару раз его стукнуть, но легонько.

Пацаны, хихикнув, вздернули тяжелого мужика на лавку и, прислонив его спиной к стене, стали ждать, когда тот очнется. Тор с Белым, пробежавшись по дому, никого не обнаружили и присоединились к веселью. Мне пришла в голову мыслишка как надежней выставить этого утырка из города.

— Тор! — Негромко сказал я — Встань так, чтобы он тебя не видел. Будешь пахана изображать по кличке Сивый, когда я что-нибудь спрошу, то ты или покашляй, или похмыкай, но ни слова не говори.

Тор кивнул, отошел в угол и повернулся спиной.

— Что-то он долго не шевелится. Белый плесни-ка водички ему в морду.

Белый не долго думая схватил первую попавшуюся посудину зачерпнул из деревянной бадейки, воды и вылил бедному Дермидонту на голову. Тот закашлялся, открыл глаза и увидел перед собой две черные, кривляющиеся морды, и, помотав головой снова их закрыл, но две оплеухи заставили его очнуться окончательно. Подождав немного, я отогнал от него приплясывающих «чертей», подошел и с минуту смотрел на него своим фирменным взглядом. Убедившись, что клиент проникся и созрел я заговорил:

— Огузок поросячий, ты кем себя возомнил? Решил, что ты демон и можешь людей Сивого на гоп-стоп брать. Друганов твоих, Гирию с Худым, в хате на перо поставят, а тебя сейчас мы подвесим за ноги и освежаем, как поросю, чтобы другим не повадно было. «Черти» веревку привяжите ему к ногам.

Грек с Тохой кривляясь, ловко связали тому ногизаранее приготовленной веревкой, и сдернули с лавки опять на пол.

— Где подвешивать будем? — Деловито осведомился Белый.

Дермидонт похоже поверил, что его сейчас будут свежевать и обмочился. «Впечатлительный ублюдок» — подумал я и громко спросил:

— Сивый, где «кабанчика» резать будем — здесь или в сарае?

«Сивого» похоже, пробило на смех и он что-то неразборчиво пробулькал.

— Понял! — Нарочито разочарованно произнес я. — Повезло тебе гнида. Не хочет Сивый тебя кончать. Три дня тебе дает, чтобы ты из города свалил, если через три дня кто-нибудь из наших тебя здесь встретит, то не обессудь, лично тобой займусь. — Я нова пристально посмотрел на Дермидонта и сказал:

— Бросьте его. Пошли отсюда. Хотя нет. Поучите его слегка, но не покалечьте.

И показал пример, легонько пнув страдальца под бок. Парни со смешком, проходя мимо слегка подпинавали лежащего кабанчика. Пинали не больно, но обидно.

Ну, если и это не подействует на хлопца, то придется и его в «страну вечной охоты» отправить. Но надеюсь, что все-таки впечатлится Дермидонт и больше не будет на горизонте отсвечивать. А то уже начинаю понимать правителей, которые своих оппонентов предпочитали мочить, а не уговаривать. Правда не всем им это помогло, но есть в простых решениях своя прелесть. Сколько сил и энергии потрачено нами на то, чтобы оставить в живых этого кабана, и куда проще было грохнуть его и забыть. И нисколько не жалко. Разучился я в этой жизни жалеть разных ублюдков.

Глава десятая.

Настала суббота и пришла пора готовиться к вечеринке у Глебовых. С утра сходили на базар и прикупили мяса на шашлыки, лук, перец и бутылочку уксуса. Оставив Грека с Белым нарезать мясо на шашлыки, пошли с Тором и Тохой за мангалами.

Жестянщик не подвел. Мангалы получились вполне приличные, собирались и разбирались без особых усилий. Рассчитавшись с мастером за мангалы и отдельно за шампуры, потащили все это железо домой. По дороге заглянули к столяру и забрали вставленные в рамки и застекленные рисунки. В рамке и за стеклом рисунки приобрели какой-то особенный вид. Их действительно хотелось повесить на стену. Думаю, Аннушке они должны понравиться.

Дома оглядев изрядную горку нарезанной свинины и отдельно куриных грудок, заставил Белого с Греком чистить и нарезать кольцами лук, Тора с Тохой отправил прикупить углей. Сам же, выпросив у хозяйки четыре большие крынки, тщательно помыл их раствором уксуса изнутри и чистой колодезной водой снаружи. Сложил туда мясо, поперчил и засыпал порезанным луком. Затем окропил слабым раствором уксуса и тщательно перемешал. Вместо крышек повязал холстиной. Мясо до завтра хорошенько замаринуется и шашлычок будет — пальчики оближешь.

Тор с Тохой не подвели и притащили два мешка углей. Тоха, смеясь, рассказал как Митька-Тор покупал уголь. Он, по словам Тохы, остановил какого-то возчика, и стащив того с телеги, заставил скинуть два мешка с углем и, всучив испуганному и ничего не понимающему мужику два рубля, пошёл оба мешка домой, оставив того стоять в полном недоумении.

— Тор! Ты как-нибудь поаккуратнее злодействуй. А то загребут тебя в участок, выручай потом. — Попенял я.

— Аа.... — Пренебрежительно отмахнулся тот. — Я же целых два рубля отдал. Считаю, в два, а то три раза переплатил. Сидит, поди, мужик в трактире сейчас. Водкой наливается.

— Молодец Тор! Напомнил! Надо же на завтра винца прикупить.

— А нам? — спросил Белый.

— Вам! Вам пожалуй рановато еще пить, ну да ладно, купим и вам сухого вина. Кто со мной и Тором в магазин?

Вызвались все. Ну, все так все. Прошлись по магазину и базару веселой толпой. Себе и парням я взял сухого винца, предварительно попробовав. Немного кисловато, но с шашлычком сойдет. Дамам, на всякий случай, купил пару бутылок, какой-то сладкой настойки, не понравится, пусть пьют сухое. Взял по паре бутылок водки и коньяка. К коньяку прикупил пару лимончиков. Парни от лимонов отказались, похоже, наелись в прошлый раз, но яблоками и апельсинами затарились хорошо, можно сказать с горкой. Потрапились изрядно, но пусть у парней будет праздник.

За приятными хлопотами, незаметно пришло время навестить Аннушку с мужем. Послав Белого с Греком следить за Голубцовым, сказал:

— Вы там не сильно усердствуйте, следите издалека, не дай бог он вас заметит.

— Да не обращает он ни на кого внимания, а на нас тем более, — Сказал Грек.

— И всё же будьте осторожней. Проблемы нам ни к чему.

— Ладно. — Согласился Белый. — Блиско подходить не будем.

Грек с Белым ушли шпионить, а мы втроём потащили мангал, уголь, рисунки и спиртное с фруктами к Глебовым. Отойдя на несколько шагов, вспомнил, про матрешку для Варвары. Попросив парней подождать вернулся за игрушкой. Дойдя до дома Аннушки, осмотрел парней. На сей раз мы все были в галошах и выглядели вполне прилично.

Впустившая нас Глашка односельчанам обрадовалась. Оставив в углу прихожей разобранный мангал, мешок с углем и галоши, зашли в комнату, где были встречены хозяйкой и снова выглядывающей из-за маминой юбки, будущей ведуньей. Сейчас девчонка не особо пряталась, явно ожидая подарков. Я не стал томить любопытного ребенка и, вытащив матрешку, подал Вареньке. Та радостно ухватила ярко раскрашенную игрушку двумя руками и стала ее рассматривать. Мать с Глашкой тоже смотрели на незнакомую вещь с интересом.

— Кукла с секретом. — Сказал я и попросил у ребенка матрешку. — Варенька дай-ка мне ее на минуточку.

Та доверчиво протянула мне игрушку. Взяв ее в руки я стал не спеша разбирать куклу на составляющие и, под восторженный визг Глашки и Варвары, выставлять их. Когда все пять матрешок стояли на столе, Глашка покрутив последнюю и увидев, что та не разбирается, стала собирать их. Рядом подпрыгивала с криком: «Дай! Дай мне» будущая великая ведунья. Собрав кукол, Глашка отдала их девчонке. Та пыхтя пыталась вновь разобрать матрешку и наконец ей это удалось. Аннушка с улыбкой смотрела на дочь, да и мы все не остались равнодушными, глядя на ребенка.

За этим занятием и застал нас вернувшийся с работы Сергей Петрович. Он с веселым удивлением поздоровался со всеми, подхватил на руки кинувшуюся к нему дочь, которая держа в руках самую маленькую матрешку, пыталась что-то ему рассказать. Выслушав и чмокнув дочь в щечку, глава семейства поставил ее на пол и, обратившись к Глашке, сказал:

— Глафира угости парней чаем, а мы с Алексеем побеседуем.

Глашка радостно кивнула и потащила Митьку с Антохой на кухню. Я вспомнил про рисунки.

— Анна Николаевна, а это подарок вам. — Протянул ей рисунок. Второй подал Сергею Петровичу.

— Какая прелесть! — Восхитилась Аннушка разглядывая портрет хитрой девчонки. — А у тебя что? — Обратилась она к мужу. Положив свой рисунок на стол, она отобрала картинку у мужа.

— Ой! А я знаю где этот дом. — Воскликнула она, глядя на картинку. — Сережа помнишь, мы весной ходили в гости к Долговым, ты еще вот тут ветку сирени мне отломил. — Указала красавица на рисунок.

Сергей Петрович взглянул еще раз на рисунок и согласно покивал головой.

— Помню конечно. Ты еще на меня поругалась, зачем я кусты порчу, но ветку взяла.

— Сирень так хорошо пахла. — Мечтательно сказала Аннушка и спросила меня:

— А на этой картинке что?

Я протянул ей последнюю рамку, и они вместе с мужем стали разглядывать пейзаж с обрывом и церковью. Сложив рисунки на стол, Аннушка спросила:

— Алексей, а кто это рисовал?

— Я, Анна Николаевна, чуть позже познакомлю вас с этим художником, вернее с художницей. Одним словом картинку нарисовала женщина.

— Да... А мы ее знаем? Как ее зовут?

— Дарья Александровна Зотова. Вдова, двое детей.

— Старая?

— Вовсе нет! Лет двадцать восемь — тридцать. Мы с ней совершенно случайно познакомились. А теперь с дедом дом недостроенный у нее купили. Тоже решили в город переезжать. Дом достроим и переедем, вслед за вашей матушкой.

— Алексей, а что там за железки в прихожей и мешок. — Полубопытствовал Сергей Петрович.

— Это мангал, а в мешке уголь. Завтра шашлыком вас угощать буду. Вы уже поговорили с друзьями? Придут завтра?

— Поговорил конечно, но боюсь вам завтра не удастся уговорить их заняться вашим делом.

— Отчего же?

— Видите ли, вас рекомендовала мать Анечки и для меня это аргумент весомый, но даже я, глядя на вас, не могу избавиться от ощущения, что вы меня разыгрываете. Уж больно молодо и не серьезно вы выглядите. Вон и Анечка сомневается.

Блин и этот туда же. И красавица ушки наострила, ждет, что я отвечу.

— Ясно! Вас смущает, что деревенский подросток, который по определению не должен знать даже слово «двигатель внутреннего сгорания», хочет предложить вам и вашим друзьям его спроектировать?

— Ну не совсем так, но вы довольно точно выразили мои сомнения. — Попытался подсластить пилюлю добрейший Сергей Петрович.

— Анна Николаевна, разве в том большом письме, ваша матушка ничего про меня не написала?

— Она лишь написала, что вы, Алексей, сам ответите на все вопросы.

Подстраховалась Савватеевна. Решила если ты такой умный, то выпутывайся сам. Ну, вообще-то правильно.

— Хорошо. Вы Анна Николаевна видимо помните меня как немого мальчишку, внука деда Щербака? Так?

— Так. Сейчас, сколь я помню, вам должно быть лет пятнадцать, хотя выглядите вы старше.

— Мне четырнадцать. — Машинально сказал я, размышляя как подать свою историю этим симпатичным людям, которые сейчас смотрят на меня, как на «неведому зверушку». Что там знахарка про сны втирала не в меру любопытному посланцу тюменского исправника. Сны, мол, вещи я вижу. Пожалуй, если развить эту тему то получится вполне приемлемое объяснение моему феномену.

— Да мне четырнадцать лет, но и одновременно гораздо больше и намного больше. Конечно, вы можете мне не верить, но другого объяснения у меня нет. Вы же, Анна Николаевна, знаете про озеро «Ведьмин омут»?

— Это там где люди пропадают? Знаю конечно.

— Ну, люди это громко сказано. Пропал там всего один и тот, похоже, утонул по пьяни. А вот меня там шаровая молния отметила так, что матушка ваша еле спасла.

— Шаровая молния? — Изумился Сергей Петрович.

— Голубой светящийся шар, сантиметров двенадцать-пятнадцать в диаметре.

— Сантиметров? Французская система? — Снова перебил меня Глебов.

— Французская...? А ну да. Я, знаете, путаюсь во всех этих аршинах саженьях, дюймах и тому подобное, а французская система более удобная и однозначная. Метр и килограмм, они и в Африке те же метр и килограмм.

— Сережа не перебивай Алексея. А что дальше то было. — С горящими от любопытства глазами Аннушка потребовала продолжения истории.

— Ладно расскажу с начала, чтобы понятнее было. Полтора года назад я и мой дружок Архипка рыбачили на Ведьмином омуте. Началась гроза и молния ударила прямо в озеро, а оттуда из воды выскочил шар светящийся и ко мне поплыл. Потом прилип к груди. Я хотел его оттолкнуть, а он рассыпался. Больно было так, что я сознание потерял. Архипка подумал, что я умер и побежал в село к деду, а тот на коня и к озеру.

Одним словом, привез он меня к вашей матери и, той пришлось потрудиться, чтобы я выжил. Выжить то я выжил и даже заикаться перестал, только стали мне каждую ночь сниться. Очень странные сны — подробные и четкие. В снах тех, я совсем не я, а какой-то старик. И старик этот как бы всю свою жизнь мне показывает. И так каждую ночь. Сначала в голове какая-то каша была из-за этих снов, и даже болела голова, но потом как-то все уложилось и я понял, что знаю все, что знал тот старик. Самое главное то, что старик тот не из нашего времени, а из будущего из две тысячи двадцать первого года.

— Этого не может быть! — Сказал несколько ошарашенный Сергей Петрович.

Аннушка же была готова мне поверить. Вон как покраснелась и глаза горят.

— Я бы тоже не поверил, но, тем не менее, это так.

— А матушка знает про ваши сны. — Спросила красавица.

— Феодора Савватеевна знает про меня всё. И деду я тоже рассказал.

Сергей Петрович посмотрел на меня несколько затуманенным взором и спросил:

— Если все это — правда, то значит вы, Алексей, знаете будущее.

— В какой-то мере знаю, но должен заметить, что это будущее мира старика, кстати его Алексей Шербаков звали и он похоже там у себя умер. Так вот мир этот очень похож на наш, но не идентичен. Имеются некоторые различия. Например: у нас Пушкин Дантеса убил, а там тот остался жив, уехал во Францию и сделал там карьеру. Может еще какие различия есть, но я пока про них не знаю.

— А как там люди живут. — Спросила любопытная Аннушка.

— Да вообще не плохо живут, если не считать, что в двадцатом веке произошли две мировые войны, где народу погибло десятки миллионов. Техническая революция там произошла, много чего напридумывали. Например, мобильный телефон. Можно позвонить из Барнула в Москву или любой другой город на планете и поговорить с кем либо. Номер только собеседника нужно знать. Можно говорить и видеть друг друга. Так что Сергей Петрович телеграфа там уже нет, хотя еще лет сто с лишним он просуществует. Автомобили почти в каждой семье. Самолеты летают. Из Барнаула в Москву за четыре часа долететь можно.

— Самолет? Самолетом вроде паром на реке называют, ну тот, что течение использует. — Сказал Сергей Петрович.

— Там самолет — это аэроплан, воздушное судно. Их уже скоро изобретать начнут, да собственно уже изобретают, причем у нас в России. Морской офицер Можайский еще лет шесть назад попытался построить такой. Но у него не хватило денег, на заграничный мотор, а с паровым двигателем его самолет не полетел, слишком тяжелый оказался.

— А зачем эти самолеты, дирижабли уже летают и даже вроде воздухоплавательная

команда у нас в России есть. — Не сдавался Сергей Петрович.

— Дирижабль это огромный мешок наполненный водородом, а водород очень взрывоопасная штука. И потом скорость у такой огромной колбасы небольшая, а самолет если для него двигатель сделать хотя бы в сто сил, то скорость разовьет в час до ста километров и больше, это уже сейчас. А в будущем самолеты будут летать со скоростью звука. Поверьте, будущее за самолетами. Дирижабли тоже будут применять, но наполнять их будут гелием, тот не взрывается, но это довольно дорого.

— Гелием? Так где ж его взять столько — Скептически произнес Сергей Петрович.

— Что еще не умеют вырабатывать гелий в промышленном масштабе? — Удивился я. — Ну тогда скоро уже начнут.

— А скажите Алексей, женщины там как одеваются? — Затронула животрепещущую тему Аннушка.

— Женщины? А вы знаете Анна Николаевна, по разному они одеваются. Основная масса в брюках ходит, если не слишком жарко, редко кто в платье, но и они попадают, но это в городе, в деревне, скорее всего, кто постарше так те или в платье или в юбке, а молодежи в деревнях почти нет, а та что еще осталась от городской отличается мало.

— В брюках ходят? — Сделала большие глаза Аннушка.

— Ага, в брюках. В штанах! Но это если не жарко, а в жару многие шорты напяливают. Шорты это те же штаны, только штанины короткие. В основном выше колен и у некоторых намного.

— Что, так с голыми ногами по улицам и ходят. — Удивился Сергей Петрович.

— Так с голыми и ходят. — Подтвердил я.

Сергей Петрович с сомнением покачал головой. А красавица Аннушка, чуть порозовев, прикрыла глаза. Видимо представила себя в шортах. Я тоже не прочь был бы на нее посмотреть в шортах, а лучше в купальнике. Эстетическое должно быть зрелище. Но про женские купальники в виде маленьких тряпочек с веревочками рассказывать не стал, хватит ей и этого для обсуждения в женском обществе.

— Ну так что Сергей Петрович, развеял я ваши сомнения относительно себя?

— Пожалуй да, но вы же всем рассказывать это не будете?

— Нет, конечно! И Вас попрошу не слишком откровенничать на эту тему. Я постараюсь и без этого заинтересовать ваших друзей своим проектом. — Сказал я и добавил. — Так во сколько собираются они вас навестить?

— В два часа наметили. — Сказал Сергей Петрович и, обратившись к жене, спросил: — Так же Анечка?

Та занятая своими мыслями рассеянно кивнула головой. Похоже, озадачилась красавица, модной темой. Посмотрим до чего додумается, а там и я чего-нибудь подскажу. Вслух сказал:

— Тогда я к часу подскочу, шашлык приготовлю.

— Приходите, а Софрон Тимофеевич с вами придет?

— Нет, не придет. Он наш будущий дом решил до дождей крышей накрыть. Работать будет вместе с местной артелью.

— Не доверяет? — Насмешливо спросил Сергей Петрович.

— Да нет, просто ему еще дня три-четыре ждать разрешение на добычу золота, вот он и хочет поработать, а не маяться от безделья.

— Вот как! Неужели золото нашли? — Удивился Глебов.

— Нашли жилу. Вот хотим будущим летом добыть золотишко. Ну, пожалуй, нам пора.

— И чаю не попьете? — Вдруг спросила, очнувшись от модных грёз, Аннушка.

— Спасибо Анна Николаевна, но в другой раз. Дел еще много до отъезда сделать надо.

Попрощавшись с хозяевами и крикнув Митьке с Антохой, чтоб догоняли, вышел на улицу. Судя по реакции Сергея Петровича на мою подростковую внешность, завтра меня ожидает не легкий разговор. Чтобы не облажаться, нужно будет серьезно подготовиться. Ладно, есть еще время. Придумаю что-нибудь.

Глава одиннадцатая.

Парни догнали меня уже на подходе к дому дядьки Никифора.

— Вы чего там застряли? — Спросил я.

— Да Глашка не отпускала. Всё расспрашивала про село. Про подруг и родню. Скучает видно по дому. — Сказал Тоха. Митька лишь ухмыльнулся и промолчал.

— Тор, а скажи-ка мне, о чем ты позавчера с этим Илюшей беседовал?

— Про тебя он расспрашивал. Боится он тебя, вот и хотел разузнать, что да как. — Ухмыльнулся Митька.

— И что ты ему про меня рассказал?

— Да много чего, теперь он тебя еще больше бояться будет. — Митька засмеялся, видимо вспомнив, что наплел бедному Илье про ужасного меня.

— Ну и на фига ты это сделал. — Спросил я веселящегося Тора.

— А ты зачем этого жирного мной пугал. Врал ему, что люблю молотком пальцы дробить. Вот и я в отместку рассказал, что ты любишь глаза ножом выковыривать, потом назад вставлять. Сказал, что ты такой злой, даже мы тебя боимся.

Тоха слушал нас с раскрытым ртом, потом сообразив, что Митька городит ерунду, засмеялся.

— Правда! Немтырь когда ты бороду цепляешь, страшный становишься как главный бандерлог.

«Ну, если главный бандерлог — горилла, то конечно зрелище не для слабонервных» — подумал я, но на гориллу не тяну.

А ведь надо сегодня навестить ювелирную лавку, вспомнил я про Дарьины рисунки. Блин! Опять клеить эту надоевшую бороду! Может так пойти. Сказать, что по поручению Бендера мол, картинки принес? Нет, рановато еще раскрываться. Мадам и так вон с подозрением ко мне приглядывалась. Увидит молодого парнишку, возьмет и выпряжется. Я конечно постараюсь восстановить «статус кво», но с Сарой-Серафимой это может и не пройти. Это пухляша мне удалось напугать и то, потому что тот замарался по самое не могу, да и трусоват хлопец. Мадам же испугать будет гораздо труднее. А поэтому идти придется снова в борде и усах.

Увидев меня снова, Илюша чуть побледнел и засуетился. Я не стал его разочаровывать.

— Успокойся парень! Я не у всех глаза ковыряю, только у тех кто сильно выпрашивает. Ну, или у тех, кто верит всему, что наплетет про меня некий Тор.

Оставив бедного Илюшу осмысливать сказанное, прошел в уже привычный кабинет. Пухляш увидев меня, закрыл грессбух, куда что-то записывал и, поздоровавшись, сказал:

— Господин Бендер вы вероятно к Саре. Я сейчас пошлю за ней Илью.

— Не стоит беспокоить Серафиму Исааковну. Мне нужны именно вы.

— Зачем? — Немного занервничал Михаил Исаакович.

— Вот в этой папочке рисунки одной художницы, которой я покровительствую. Я хочу, чтобы они продавались в вашем ювелирном салоне. Кстати можете взять некоторые вставить в рамки и повесить на стены.

— Вы полагаете, их будут покупать?

— Вполне возможно, но если и не будут, я не расстроюсь. Главное пусть картинки

находятся у вас в салоне и, если кто пожелает посмотреть или купить, то показывайте и продавайте. За каждый рисунок просите по тридцать рублей. С каждой проданной акварели ваши десять процентов.

— Десять? Но это очень мало. — Мгновенно, оживившись, воскликнул Михаил Исаакович.

— Да...! И сколько же вы хотите?

— Тридцать процентов.

— Хорошо! Двадцать процентов. И не торгуйтесь. Последний вопрос: кто-нибудь ещё Голованом интересовался? Ну, кроме Голубцова.

— Нет, никого не было.

— Понятно! Значит, относительно рисунков мы договорились. Камешки привезу месяца через два. Надеюсь, к этому времени Серафима Исааковна артистов найдет, а вы найдете зал.

— Мы с Сарой постараемся, но и вы господин Бендер про камни не забудьте.

— Не беспокойтесь господин Гуревич, я за свои слова отвечаю. — Я пристально посмотрел на пухляша и добавил:

— Вам тоже настоятельно рекомендую отвечать за «базар»! А впрочем, вам деваться некуда, если что, то обязательно ответите. Ну что ж, до свидания господин Гуревич, Серафиме Исааковне мое почтение.

Вечером снова принял доклад Белого о слежке за Ефимом Голубцовым. Сегодняшний распорядок дня Голубцова не сильно отличался от вчерашнего. Снова кабак и снова в домишко вдовы Чулковой Аграфены.

— В понедельник еще раз за ним походите, а потом решим, что дальше делать. А завтра отдыхайте.

На следующий день в час дня я был уже у Глебовых с двумя крынками замаринованного мяса. Погода стояла замечательная. На небе ни облачко, солнце всю светит, но не жарко. Похоже последние дни бабьего лета. Нашел во дворе удобное место, собрал мангал и через полчаса дразнящий запах жареного мяса поплыл по округе.

Гости на редкость дружно в два часа были уже во дворе. Пять мужчин и почему-то три дамы и трое маленьких детей. Детей тут же забрали Глашка с Варварой и повели их к игрушкам. Хозяин представил меня и я, раскланявшись с дамами, пожал руки мужчинам, стараясь запомнить их по именам.

Женщины, расцеловавшись с Аннушкой, щебетали о чем-то в сторонке, а мужчины приюхиваясь к запаху жареного мяса, стали расспрашивать меня о шашлыках. Кроме, чернобородого и черноволосого Тесслера никто из них про это кавказское блюдо раньше не слышал и они хотели знать подробности. Я как мог, старался их любопытство удовлетворить.

Наконец, наговорившись, все сели за стол. Похоже, Аннушка с Глашкой хорошо потрудились и стол был заставлен фруктами, бутылками и салатами. Хозяин разлил мужчинам по рюмкам коньяк и по бокалам вино — для дам. Я же в свою очередь предложил закусить коньяк лимоном, обсыпанным сахарной пудрой, сказав, что эту закуску изобрел один из великих князей.

Все заинтересовались, а Иван Гехт, имеющий внешность настоящего плакатного арийца, спросил:

— Вот как! И кто же?

— Кажется цесаревич Николай Александрович, но это не точно.

— Ну что господа, предлагаю первый и главный тост — «За прекрасных дам!» — поднял свою рюмку хозяин.

— За дам пьем стоя. — Поднялся Долгов Николай смугловатый шатен с ухоженными усами.

Мужчины, засмеявшись, вскочили и, салютуя рюмками прекрасным половинкам, погусарски их оприходовали. Закусили лимончиком и Иван Гехт прокомментировал:

— А недурственно с лимончиком то! Надо будет взять на заметку.

— А водочку, молодой человек, чем лучше закусывать? — Поинтересовался Александр Истомин.

— Ну, здесь я пас. Тут экспериментировать надо, а мне еще рановато. — Под веселый женский смех сознался я.

— Однако Алексей, рюмку с коньячком вы лихо опрокинули. — Ехидно произнесла эффектная брюнетка Лиза — жена Истомина.

— Одна рюмка хорошего коньяка мне не повредит и потом за таких красавиц как не выпить? — Ответил я и добавил. — Кажется, пора шашлычок подавать. Владимир. — Обратился я к самому молодому гостю. — Помогите мне принести шампуры.

Тот охотно поднялся, и мы сбегали за шашлыком. Сгрузив на тарелки хорошо прожаренные кусочки, взял освободившиеся шпажки и снова, позвав с собой Владимира Ярошенко, стал учить его как надо готовить шашлык. Нанизав последнее мясо, и пристроив шампуры на мангал, сказал:

— Будем с тобой по очереди смотреть за ним. А пока пусть немного пожарится без присмотра.

Зашли в комнату и присоединились распробовавшим новое блюдо гостям. А ничего так шашлычок получился, мягкий и в меру прожаренный. По-хорошему надо бы его с пивком холодненьким кушать, но я еще местное пиво не пробовал и потому рисковать не стал.

Мужики, быстро расправившись со своей порцией, обратились ко мне за добавкой. Я заверил их, что добавка скоро будет и выскочил во двор к мангалу. И надо сказать во время выскочил, мясо уже с одной стороны подрумянилось и появилось пламя. Залив пламя водой, я повернул шашлык другой стороной. Проинструктировал вышедшего следом за мной Ярошенко, вернулся за стол доедать свою порцию.

Сергей Петрович видимо сообщил друзьям, что предстоит серьезный разговор, поэтому на спиртное не налегали и принялись обсуждать почему то указ о «кухаркиных детях», критикуя и осуждая. Послушав споры, решил вставить слово:

— Господа, а вы взгляните на этот указ с другой стороны. Ведь что такое высшее образование в России сегодня. Это преимущественно образование гуманитарное. Я считаю, что всяческих юристов, литераторов, философов, историков и прочих гуманитариев у нас в процентном отношении не меньше чем в той же Германии или Англии, но нам катастрофически не хватает инженеров и техников. А я слышал, что после реального училища на технические специальности поступить можно. Единственно, что у нас мало факультетов где готовят инженеров.

Все вдруг замолчали и уставились на меня, как будто я произнес какую-то несусветную чушь.

— Гмх.... — Прокашлялся Семен Аркадьевич Тесслер. — Вы молодой человек, что против гуманитарного образования?

— Ну что вы, Семен Аркадьевич, конечно же, я не против, но полагаю, что профессиональных приседателей мозгами, чрезмерно плодить не стоит.

— Кого-кого?

— Любителей мозгами приседать.

Мужики помолчали, осмысливая, затем захохотали, глядя на них, засмеялись и женщины.

— Приседатели мозгами! — Повторил, смеясь, Истомин. — Хорошо сказано. Пожалуй, за это надо выпить. Сергей наливай!

— Подождите господа. Шашлык, наверное, уже готов. Сейчас принесем с Владимиром и тогда под него и нальете.

Я вышел и застал Ярошенко заливающим прорвавшееся пламя и переворачивающего шампуры с мясом.

— Ну что готово? — Поинтересовался я.

— А черт его знает. Может готово, а может нет.

Я взял один шампур и откусил кусочек сочного и прожаренного мяса.

— Готово!

Собрав шампуры понесли их к столу. Мужики добавке обрадовались и, оприходовав по рюмашечке, налегли на шашлычок. Женщины тоже не сильно отстали от своих мужей.

Я, боясь, что мои потенциальные конструкторы напьются и не смогут должным образом оценить перспективы моего проекта, выразительно посмотрел на хозяина. Тот, уловив посыл, кивнул головой и поднялся, чтобы привлечь внимание, но тут с криком:

— Мама! Мама! Смотри какая игрушка! — Вбежала девчонка лет пяти. Она в обеих руках держала по матрешке, а за ней прискакали и остальные детки, включая Глашку.

Сергей Петрович, воспользовавшись начавшейся суматохой, пригласил мужчин в комнату со столом, двумя диванами и несколькими стульями. Когда все расселись, он сказал:

— Господа я пригласил вас сегодня по просьбе Алексея. Прошу отнестись к его предложению серьезно. Алексей приступайте.

Я поднялся, подошел к столу, где заранее оставил папку с эскизами велосипедного моторчика, достал листы и раздал. Пока мужчины рассматривали эскизы я начал издали:

— Господа вы знаете, кто в будущем будет считаться самым известным барнаульцем?

Мужчины удивленно переглянулись, потом назвали несколько имен.

— Ошибаетесь. Хотя все названные вами являются вполне достойными людьми, но самым знаменитым будет Иван Ползунов.

— А почему вы так решили? — Спросил Семен Аркадьевич.

— Ползунов один из первых во всем мире конструкторов паровых машин, то есть он был на острие технического прогресса восемнадцатого века. Деятнадцатый век — век железа и пара, но он подходит к концу. Грядущий двадцатый век будет веком электричества и двигателей внутреннего сгорания, сокращенно «двс». Конструкторов проектирующих эти двигатели пока немного, а в России я знаю только одного. Огнеслав Костович разработал и сделал восьмицилиндровый мотор, работающий на бензине. Кажется, хочет поставить его на дирижабль. Поэтому я предлагаю вам, по примеру Ивана Ползунова и Костовича, стать разработчиками этого нового двигателя и вписать свои имена в историю.

— Эк хватил! — Засмеялся Истомин. — Я, к примеру, ничего не понимаю в этих двигателях.

Остальные улыбались, и было видно, что они слабо представляют себя в роли разработчиков «двс». Хотя нет. Гехт Иван и Владимир Ярошенко очень внимательно рассматривают эскизы. Да и Тесслер тоже не остался равнодушен.

— Господавы все являетесь технически грамотными специалистами. На листках схема простейшего двигателя внутреннего сгорания. Принцип работы этого двигателя также прост: поступательное движение поршня через шатун превращается во вращательное движение коленчатого вала. Двигаться поршень заставляет сгорание бензино-воздушной смеси, которая воспламеняется от электрической искры. Мне нужно, чтобы вы разработали чертежи и на основании этих чертежей, постарались изготовить сам двигатель, если, конечно, это возможно в здешних условиях. На первых порах на разработку и изготовление двух- трех опытных образцов готов потратить пять тысяч рублей.

— И как мы вшестером будем этот двигатель проектировать? — Задал вопрос Николай Долгов.

— Ну, во-первых не вшестером, всемером. Меня вы, почему не считаете? Я свою часть работы почти выполнил. Во-вторых: разбиваете двигатель на узлы и, каждый разрабатывает свой, только размеры согласовывайте. Я считаю, что самая трудная работа достанется Сергею Петровичу. Ему надо разработать систему зажигания, что, на мой взгляд, очень не просто. Работать будете не бесплатно. Думаю что пару тысяч из пяти на первых порах достаточно вам, как разработчикам и тем, кто будет все детали изготавливать.

Мужики молча переглянулись. Потом еще раз просмотрели эскизы и наконец, Тесслер задал вопрос, который я давно ожидал:

— Алексей, а зачем вам этот двигатель?

— Хороший вопрос. Хочу построить самолет. Самолет — это летательный аппарат тяжелее воздуха. Чтобы этот самолет полетел, нужен мощный и легкий двигатель.

— А чем вас дирижабль не устраивает?

— У дирижаблей, на мой взгляд, три существенных недостатка. Это громоздкость, взрывоопасность и очень небольшая скорость. В случае войны они будут легкой мишенью, особенно для самолетов. И потом, первая попытка сделать самолет предпринята контр-адмиралом Можайским в 1882 году, купить двигатель за границей ему не удалось, он попытался приспособить паровой, но его самолет не полетел. Думаю, что и с заграничным двигателем он бы не полетел.

— У контр-адмирала не получилось, а у вас значит получится? — Ехидно осведомился Николай Долгов.

— И не сомневайтесь Николай Михайлович, обязательно получится. Самолет ведь машина не слишком сложная. — Сказал я.

Взяв оставшийся в папке эскиз, свернул из него самолетик и пустил. Самолетик пролетел несколько метров и упал, ударившись о стенку. Ярошенко подскочил с дивана схватил самолетик, повертел, рассматривая, и запустил.

Следующие три минуты ушли на то, что уподобившись мальчишкам, мужики по очереди запускали бумажную копию дельтаплана. Наигравшись, они уставились на меня, требуя дальнейших пояснений. Я постарался их не разочаровать:

— Вот видите: бумажный самолетик довольно уверенно держится в воздухе и преодолевает некоторое расстояние, зависящее от силы толчка. А теперь представьте, что он снабжен неким двигателем и воздушным винтом. В этом случае он будет летать столько, сколько будет работать двигатель. Когда у нас будет легкий двигатель мощностью хотя бы в

тридцать-сорок лошадиных сил, то приспособив его на некое подобие этого бумажного самолетика, можно подняться довольно высоко и улететь на приличное расстояние.

— Судя по вашим словам сделать самолет довольно просто. Так почему же у Можайского ничего не получилось? — Спросил Долгов.

— Факторов много. Но главных три: его самолет слишком тяжёл, очень слабый мотор и элементарная нехватка денег. Но надо отдать должное Можайскому, он хотя бы попытался сделать, на взгляд многих, невозможное и будь у него нормальная финансовая поддержка и помощь в постройке, то, скорее всего, он бы самолет сделал.

— А вы, значит, собрались переплюнуть контр-адмирала и свой самолет построить и даже всерьез надеетесь, что он полетит. — Улыбнулся Истомина.

— Не переплюнуть, а развить технические идеи господина Можайского. Построить, но не самолет. Самолет — машина хоть и не слишком сложная, но серьезная и двигатель там нужен, по крайней мере, мощнее вдвое. Летательный аппарат, который сможет подняться в воздух на тридцати сильном моторе, мы назовем моторным дельтапланом.

— Почему, дельтаплан? — Спросил Володя Ярошенко.

— Форма крыльев напоминает греческую букву «дельта». Собственно бумажный самолетик, который так вам понравился и есть модель дельтаплана, только крылья надо развернуть гораздо сильнее. Но это все мечты, пока нет двигателя.

Я оглядел призадумавшихся мужчин и спросил:

— Ну, так как господа, работаем или мне искать других конструкторов?

— Я согласен! — Произнес Владимир Ярошенко.

— И я тоже! — Сказал плакатный ариец по имени Иван.

— Пожалуй, и я с вами. — Высказался обстоятельный Семен Аркадьевич.

— Ну, мне деваться некуда, коль моя теща вас рекомендует, а она зря советовать не будет. Только мне с электрическим зажиганием одному не справиться. Могу я привлечь кого либо из моих коллег? — Сказал Сергей Петрович.

— Конечно, можете. Ну а вы господа? — Обратился я к Долгову с Истоминым.

— Ну, если Семен Аркадьевич готов работать над вашим двигателем, то и мы с Николаем присоединимся. — Сказал Истомина, а Долгов подтвердил сказанное кивком головы.

— Поздравляю вас господа! Вы выбрали правильный путь. Он приведет вас к успеху и славе! — Обрадованно провозгласил я.

— А если не приведет, что тогда? — Спросил ехидный Истомина.

— Обязательно приведет! Помешать нам могут только обстоятельства непреодолимой силы: землетрясение, наводнение, конец света или полное финансовое истощение. Но даже и в этом случае мы унывать не будем. И кстати господа, если у кого-то появятся идеи, как заработать, то прошу поделиться, обсудим и решим.

— Алексей! Позвольте вас спросить? Откуда у вас такие познания в столь юном возрасте? — Спросил Тесслер.

— Ну что ж вопрос ожидаемый. Я уже рассказывал свою историю Сергею Петровичу. Если будет интересно, он вам расскажет. А вкратце: вот уже больше года я каждую ночь вижу очень четкие сны о будущем, отсюда и знания. Но нам, наверное, пора уже вернуться к женщинам, пока они там не заскучали. Поэтому я предлагаю встретиться через три дня еще раз здесь же, если Сергей Петрович не против?

— Я не против. Приходите к шести вечера. — Заявил хозяин.

— Вот и отлично! Тогда я вас господу попрошу внимательно ознакомиться с эскизами и приготовить вопросы. Я по мере сил постараюсь на них ответить. И ещё. Кто может показать мне ремонтные мастерские серебряноплавильного завода?

— Я покажу. — Отозвался Владимир Ярошенко. — Подходите завтра к девяти к заводским воротам.

Тут в комнату заглянула Анна Николаевна:

— Мужчины вы скоро?

— Уже идем Анечка. — Откликнулся Сергей Петрович.

И мужчины пошли веселить дам, пить вино и доедать шашлыки. Я же сославшись на дела, попрощался с дружелюбной компанией и отправился продолжать отдых с друзьями, которые тоже жарили шашлыки и пили вино. Успел к концу веселья, когда винцо уже почти кончилось и парни стали сбрасываться, чтобы прикупить еще немного веселящего напитка. Я обломал начинание и не дал парням напиться в хлам.

Глава двенадцатая.

На следующий день в восемь пятьдесят пять я был уже у ворот сереброплавильного завода. Ярошенко пришел ровно к девяти часам и провел меня в мехмастерскую. Сказать, что я был разочарован увиденным, значит, ничего не сказать. Я конечно не надеялся увидеть оборудование похожее хотя бы на немецкие станки выпуска тридцатых годов, которые после войны были вывезены из Германии. На одном из таких я даже немного поработал в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году в инструментальном цехе завода «Трансмаш», пока его не заменили на новый вертикально-фрезерный станок советского производства. Но то, что я там увидел, ввергло меня в состояние глубокого уныния.

В низком темноватом помещении стояли какие-то доисторические агрегаты, приводимые в движении, от общего вала, плоскими кожаными ремнями. Там же сустились трое сутулых, бородатых мужиков в донельзя замызганой одежонке.

Надежды, что мотор можно сгондобить в мастерской сереброплавильного завода, рухнули окончательно. Тут, наверное, спасовал бы даже лучший токарь и мой друг — Валерий Чернухин. Хотя с Чернухиным не угадаешь — мог бы, пожалуй, и сделать мотор. Лишь было бы из чего. Умения и технической смекалки Чернухину не занимать.

Сужу по конкретному случаю. Как то в году восемьдесят третьем сломался у меня ламповый черно-белый телевизор «Рекорд». Я в нем поковырялся, нашел сгоревшую лампу и пошел сначала по магазинам искать эту проклятую лампу, поскольку Ленка смотрела какой-то сериал и требовала от меня телевизор починить или купить новый.

Городок Заринск маленький и магазинов, где можно было купить проклятую запчасть, в нем было всего два. В магазинах этой лампы не оказалось, в мастерской по ремонту бытовой техники тоже. Денег на покупку нового телевизора не было. Да и не хотелось покупать снова черно-белый, которые в магазинах были. Хотелось же приобрести цветной телевизор, а они как раз и были в дефиците.

Поделился горем с другом Чернухиным. Тот, посмотрев на лампу, сказал, что такой лампы нет и у него, но добавил: «Ерунда сейчас починим». Покопался у себя в гараже, нашел две какие-то лампы, взял пучок разноцветных проводков, паяльник с припоем и кусачки. Прихватил книжку по ремонту телевизоров.

Осмотрев телевизор со всех сторон и, пошевелив все лампы, он приступил к починке. Для начала он, сверившись с книгой, быстренько пообкусал у одной из ламп несколько штырьков и вставил её на место сгоревшей. Затем проделал ту же операцию и со второй лампой и припаял с помощью проводков с другой стороны платы, повесив ее свободно болтаться. Я с изумлением и скепсисом смотрел на это действо.

Но Чернухин был спокоен и деловит. Он еще раз пошевелил все лампы, подергал проводки и даже подпаял пару. Затем включил телевизор и о чудо, тот заработал. Правда изображение на экране чуток перекосилось, но это было совершенно не существенно, поскольку в тех сериалах, что смотрела моя жена, картинка была не самое главное. Сужу по тому, как моя Ленка смотрела эти сериалы: она или гладила белье, или чего-то шила или убиравалась в комнатах, только изредка взглядывая на экран.

Чернухина после этого я зауважал конкретно. Так что мой друг вполне мог, даже на этом убогом оборудовании, примитивный моторчик сварганить.

Но где тот Чернухин? А я здесь и ни на что, не надеясь, продолжал осматривать мастерскую. Подойдя к агрегату, который изображал из себя токарный станок, с удивлением увидел, что мужик, работающий на нем, уверенно точит довольно длинный валик, поливая резец какой-то мутноватой жидкостью. Завершив проход мастер, не стал начинать новый, а устался на нас. Владимир представил меня:

— Андрей Игнатьевич, это Алексей. Алексей, это Андрей Игнатьевич Шишкин — токарь.

— Здравствуйте! — Я уважительно пожал заскорузлую мозолистую руку мастера.

Тот с удивлением оглядел меня и вопросительно устался на Ярошенко. Но я не стал дожидаться вопросов и спросил сам:

— Андрей Игнатьевич, как вам работается на этом старье?

— Да мы привыкшие.

— А меряете чем?

— Линейкой, кронциркулем, штангенциркуль вон в Германии закупили. — Шишкин отвечал неохотно, то и дело поглядывая на Ярошенко.

Отпустив мастера продолжать работать, я обратился к своему gidу:

— Владимир, а почему начальство новых станков не покупает?

— Не на что покупать. Завод прибыли не дает, того гляди закроют. И потом, с несложным ремонтом справляемся сами, а детали посложнее заказываем в Тюмени на заводе Машарова или в Гурьевске.

— Понятно. Спасибо Владимир за экскурсию и информацию.

— Алексей, позвольте спросить?

— Спрашивайте. Да и давай, однако называть друг друга на ты. Мы почти ровесники, и потом дело у нас теперь есть общее.

— Хорошо. Скажи, тебя и правда шаровая молния пометила?

— Правда! Врезала так, что часа полтора-два без сознания валялся и потом чуть не помер. Мать Анны Николаевны еле выходила.

— Насчет самолета хочу спросить....

— Что тоже полетать охота? — Догадался я.

— Интересно же. Да и полетать не откажусь.

— Как только мотор сил на тридцать сделаем, то мотодельтаплан построим. На нём и полетаем, а только появится двигатель достаточной мощности, то и за самолет возьмемся.

— Ты так уверенно о них говоришь

— Видел я их в тех снах. Так что построим летательные аппараты лет на десять-пятнадцать раньше, чем во всем мире. И если не будем сопли жевать и успокаиваться на достигнутом, то фиг нас догонят господа европейцы в купе с американцами. Так что не сомневайся, обязательно полетаем.

Я хотел было уже распрощаться с будущим авиаконструктором, но вспомнил, что хотел узнать, не продает ли кто из местных купцов пароход.

— Владимир, ты же местный?

— Коренной барнаулец. — Ответил тот.

— Случайно не знаешь где и у кого можно пароход купить?

— Пароход! — Удивился парень. — Зачем тебе пароход?

— Деньги зарабатывать. Чтобы самолет построить нужно много денежек, а пароход в ближайшие три года поможет их заработать.

— Где купить не знаю, но спрошу у дядьки своего. Он служит у тюменского купца Захарьина капитаном на пароходе «Сильный». Сейчас он как раз в Барнауле со своим пароходом.

— Заранее благодарен. Но не буду мешать тебе работать. До встречи! — Распрощался я с Ярошенко и двинул на базар. Надо навестить старика книготорговца.

Павла Степановича застал за чтением какой-то толстой книги. Увидев меня, он отложил книгу и, поздоровавшись, сказал:

— Я ведь вашу просьбу выполнить не смог.

— Какую просьбу? — Удивился я, но тут же вспомнил, что просил книголюба отыскать какой-нибудь учебник истории.

— Ну как же вы просили разыскать книгу по истории, где бы кратко излагались исторические факты. Такой книги мне не попало. Могу предложить разрозненные тома сочинений историка Соловьёва.

— Спасибо! Но боюсь Соловьёва мне не осилить. Но я к вам по делу. Вы как-то обмолвились, что хорошо знаете стихи наших поэтов. Это так или я вас неправильно понял?

— Ну, хорошо или плохо о том не мне судить. Скажем так, читывал я стихи почти всех более-менее выдающихся поэтов. А собственно в чем дело? — Поинтересовался Иванцов.

— Мне нужны тексты для песен, которые сочинит один местный талант. Сможете подобрать двадцать-тридцать стихотворений, которые можно сделать песнями или романсами? Можете сокращать стихи или добавлять свое, а если вдруг вы сами стихи пишете, то и ваши тексты пойдут. Разумеется, труд будет оплачен.

— Неожиданно, но интересно. Я, пожалуй, соглашусь. И когда вам нужны эти тексты?

— Хотелось бы через три дня получить хотя бы с десятков, а за остальными подойду месяца через два-три. И если на какие-то стихи музыка уже написана, то их тоже включайте. И по оплате: по рублю за стихотворение вас устроит?

— Вполне! А вы не боитесь, что навыбираю сотню, а то и больше стихов? — Сиронизировал Павел Степанович.

— Не боюсь! Если их будет сотня или того больше, то я сам отберу тридцать-сорок и только за них заплачу.

— А вы юноша хитры не по годам. — Засмеялся книголюб и, не выдержав, спросил:

— А для чего вам нужны эти песни?

Я насмешливо поглядел на любопытного деда и сказал:

— А вот это любезнейший Павел Степанович пока секрет, но не волнуйтесь. Этот секрет вы узнаете одним из первых. И вот держите задаток. — Протянул ему десять рублей. Тот, поколебавшись несколько секунд, деньги взял.

— Ну что ж Павел Степанович, до свидания! И помните — я на вас надеюсь.

— До свидания Алексей, и надейтесь. «Надежды юношей питают...».

— Ну и «Отраду старцам подают». — Подхватил я и помахал начитанному старикану рукой.

Домой успел к обеду. Опять уже привычная каша и чай с медом. После обеда спросил парней о Голубцове, где мы его будем брать, чтобы как следует без помех расспросить. Тор был за то чтобы нагрянуть ночью к ним в дом повязать всех, а потом поговорить. Белый был более осторожен и предлагал взять молодца по дороге к любовнице или у нее в доме. Тоха своего мнения не имел и был согласен на всё. Обстоятельный Грек предлагал еще последить и не торопиться.

— Так парни, время у нас еще есть и потому принимаем план Грека. Будем следить. Вдруг что-то новенькое нарисуеться. Сегодня и я с вами пойду.

Когда пришли к дому, где остановился Голубцов с охранниками, то никого во дворе не обнаружили, да и в доме было тихо. Вот блин! Неужели успели смыться. Ведь в воскресенье я слезку отменил и видимо тогда и съехали, но куда? Барнаул городок не большой, но возможностей где либо затихариться довольно много. Ну и где их теперь искать?

Пока я размышлял, что делать, в конце улицы объявилась пропажа в полном составе. Голубцов ни чем не обремененный вальяжно вышагивал впереди, за ним шел мужик похожий на йети и нес здоровенный саквояж наполненный чем-то тяжелым, а сзади явно охраняя, тащились два облома. Похоже, монеты или слитки золотые в саквояже. Видимо горную ассигновку обналичили.

— Парни быстро рассредоточились и заныкались! — Скомандовал я.

Сам, беспечно помахивая тросточкой, пошел навстречу Голубцову и охранникам. Завидев меня, охрана заметно насторожилась и подобралась, мужик, несший саквояж, перехватил его левой рукой, а правую сунул в карман. Ага! Револьверчик в кармане тискает. Серьезные ребята! Вряд ли мы их сумеем повязать, как предлагал Тор. Как бы они нас самих не повязали.

Проходя мимо Голубцова, приветственно приподнял шляпу. Тот с недоумением на меня глянул, но заученно кивнул, отвечая на приветствие. Охрана же прошла мимо меня с каменными лицами, но было видно, что бдят хлопцы, у каждого правая рука в кармане. Мало того, что обломы, каких поискать, так еще и вооружены не хило. Придется, однако, действовать по плану Белого и брать Голубцова у любовницы — мадам Чулковой, хотя не факт, что он туда теперь пойдет. Может будет, как тот Кощей «над златом чахнуть» и попробуй возьми его при такой-то охране.

Ладно, будем следить и будем думать, может что и придумаем. Если и, правда, что в саквояже монеты то обидно, понимаешь! Такой куш мимо нас проплывает. Может деда к этому делу подвязать? Если дед впишется, то шанс не только расспросить о том, о сем людей золотопромышленника, но, и лишним золотишком разжиться, вполне реален. Но на это старый кержак вряд ли пойдет. Очень уж он варнаков не любит и уподобляться им не станет.

Дойдя до ближайшего переулка, я оглянулся: Голубцов с охраной входили во двор дома, где они квартировали. Парней видно не было. Вовремя сховались. А нет, вон Тор из переулка вышел и в мою сторону глядит. Я призывно помахал ему, показывая знаками, чтобы все шли ко мне. Тор понятливо кивнул, и чрез пару минут вся четверка была возле меня.

— Охрану видели? — Спросил я.

Парни закивали головами, подтверждая, что видели и увиденное их на подвиги не вдохновило. Тоха же выразил свое впечатление предельно кратко:

— Да уж...!

— Ну, что Тор, по прежнему настаиваешь повязать их всех на дому? — Спросил я немного озадаченного Тора.

— Здоровы больно и, похоже, револьверы у них в карманах, а если они еще по ночам и дежурят, то без стрельбы не обойтись.

— Теперь уж точно дежурить будут. Саквояж стеречь.

— Немтырь, а на фига нам этот Голубцов сдался? — Выразил общую мысль непосредственный Тоха.

Я посмотрел на парней, явно вполне согласных с высказанным мнением и только уже

выработанная привычка подчиняться мне, не давала им высказаться напрямую.

— Что все так думают? — Напрямую спросил я.

— Нет ну, правда, Немтырь! Чего ты хочешь у него узнать? — Высказался Белый.

А ведь прав Белый. Я ничего парням не рассказал о роли Голубцова и его хозяина Хрунова в деле Голована. Они следили за ним, считая это новым развлечением, которое придумал для них неугомонный Немтырь. Что-то я последнее время туплю сильно. Забегался наверное.

— Голован со своей бандой не сам по себе варначил, а на своего можно сказать хозяина, Фрола Хрунова — золотопромышленника и миллионера, работал. Ему он награбленное золото сплавлял и отдавал участки, тайных старателей, которых бандиты убивали. А связь с Хруновым держал через посредника — Ефима Голубцова. Наверняка ни Голубцову ни Хрунову не хочется лишаться прибýtка, который шел им от Голована. Вот Ефим и суется. Вполне может поискать подходы и к другим бандитам, что в городе остались. А еще он интересовался у ювелира, куда Голован девался.

— Понятно. — Сказал хмурый Тор. — И что теперь делать будем?

— Пока следить. Особенно если он будет встречаться с кем-то из местных уголовников.

— А как мы узнаем уголовник тот или нет? — Спросил Грек.

— Если он пойдет на встречу с кем-нибудь, скажем на «Гору» или еще куда, то можно местных пацанов спросить, кто, мол, здесь живет. Мельчишки о своих соседях обычно знают многое, если не все. Но расспрашивать нужно осторожно, мало ли кем сами пацаны являются, может сами, наподобие того же Никитки-Шмыря, мелким воровством промышляют и у тех же воров в учениках ходят. Расспросами ты Грек занимайся у тебя вроде это не плохо получается.

— Ладно. А сейчас, что делать будем? — Спросил Белый

— А сейчас пожрать сходим. Выбирайте где будем обедать? Дома снова кашу лопать или в трактир пойдем, как белые люди.

— Пошли в трактир! — Единогласно постановили парни.

— Ну, кто бы сомневался. — Усмехнулся я.

После обеда я проинструктировал парней:

— Белый, Тоха и Грек к часам четырем снова пойдите к дому, где Голубцов с компанией квартирует и последите за ним, если он куда пойдет. Белый с Греком следят за «объектом», ты Тоха чуть отстав следи за ними. Мало ли что. Вдруг их повяжут, тогда бегом к нам с Тором. Я думаю, что этого не случится, но как говорится «бережёного и бог бережёт».

— А не бережёного конвой стережёт. — Чуть не хором отозвались, научившись от меня «плохому» парни.

— А мы с тобой пойдем к портному. — Сказал я Тору. — Будешь на машинке шить учиться. А вы не гогочите. — Это я парням. — А то и вас заставлю на машинке шить. Ну что! Один за всех! — Бросил я подзабытый клич.

— И все за одного. — Проревели довольные парни. И Митька-Тор не отстал от них.

Портной Хайкин встретил нас как родных и сообщил, что все по моему заказу достал и охотничьи костюмы почти готовы. Осталось только примерить и окончательно прошить. Не готов только мой новый выходной костюмчик, но и он уже на выходе. Я пообещал завтра с утра прислать парней на примерку, а сейчас вместе с Тором, померили свои охотничьи костюмы. Абрам лично суется возле нас в надежде на новые заказы. Я уверил его, что

работать буду только с ним, и новые заказы обязательно будут, но позже.

— Абрам Семенович вот этого юношу нужно научить работать на швейной машинке. Не смотрите, что он с виду неуклюж, на самом деле он внимателен и быстро соображает, да и руки у него растут из нужного места. Так что принимайте ученика.

Хайкин внимательно и чуть насмешливо оглядел несколько сконфуженного такой характеристикой парня и сказал:

— Рад с вами познакомиться молодой человек. Меня зовут Абрам Семенович, а вас как величать?

— Митька я. — Буркнул Тор. — Но тут же поправился. — Дмитрий Щербаков.

— Ну что ж Дмитрий жду вас завтра с утра на учебу.

Митька-Тор кивнул, а я обратился к портному:

— Абрам Семенович, вы прикиньте, что мы будем вам должны за все.

— Уже давно посчитано молодой человек. И кстати я ведь так и не знаю вашего имени.

— Неужели я в прошлый раз не представился? — Удивился я.

— Увы, молодой человек. Все что мне известно про вас, так это только то, что вы не внук Ротшильда, но, несмотря на это прискорбное обстоятельство, всё-таки платежеспособны.

— Прошу извинить меня, уважаемый Абрам Семенович, за мои не совсем светские манеры. Поэтому представляюсь — Алексей Забродин, пока никто, но в будущем надеюсь стать «владельцем заводов, газет, пароходов». Усиленно над этим работаю. — Поддержал я шутливый тон Хайкина.

— Вот как! Тогда бог в помощь в ваших начинаниях. Надеюсь, что достигнув намеченных высот, вы не забудете бедного портного.

— Я не бросаю тех с кем работаю или дружу. Если и вы будете работать со мной, то и вас не брошу. — Серьезно высказался я.

Абрам, чуть прищурясь оглядел меня, и произнес:

— А ведь вы не шутите.

— Не шучу. Но вернемся к нашим баранам. Так сколько я вам буду должен за весь комплекс услуг?

— Изящно выражаетесь: «комплекс услуг». Так вот, за весь как вы выразились «комплекс услуг» вы должны заплатить.... — Хайкин задумался и наконец, назвал сумму, которая, на мой взгляд, была завышена раза в два. Испытывает он меня что ли? А ведь, пожалуй, и правда испытывает. Вон как глазом косит насмешливо. Достали эти аборигены своей готовностью торговаться по любому поводу. Ну что ж, надо соответствовать.

— Абрам Семенович про Ротшильда вы уже в курсе, но и Рокфеллеру я не родственник. И вообще я почти что сирота, а вы пытаетесь сироту, мягко выражаясь, нагреть. Откуда такие умопомрачительные цифры? Калькуляцию по пунктам предоставьте.

Тот растерянно спросил:

— Простите, что предоставить?

Ага, сбился с курса старый еврей. Тогда прижмем немного.

— Калькуляцию по каждому пункту. Например, костюм охотничий: ткани столько-то аршин, цена аршина и сумма по ткани, пуговиц столько-то цена одной и сумма за пуговицы, ниток ушло и сумма по ниткам, износ швейной машины и сумма, труд работников, цена часа работы, количество часов и общая сумма по труду и, наконец, общая сумма за костюм плюс процент рентабельности. И все это письменно, пожалуйста, чтобы я мог проверить по цене

материалов в других местах. Вот как-то так.

Хайкин изумленно смотрел на меня, похоже впервые за время нашего разговора, чувство юмора, ему изменило и он выглядел несколько растерянным. Я же ответил ему взглядом кротким, но твердым, зря что ли Гашека читал. Наконец он пробормотал:

— Но так никто не делает.

— Пусть не делают, это их право, а мы сделаем. — И, выдержав приличную паузу, я сказал. — Но я готов к конструктивному диалогу в вопросах цены. Короче, любезный Абрам Семенович урежьте осетра раза в полтора, сделайте мне скидку как постоянному и оптовому клиенту и мы договоримся без калькуляции.

После этих слов до Хайкина стало доходить, что привычной торговли не будет, и малолетний сопляк не только не хочет по-настоящему торговаться, но еще и относится к этому увлекательному занятию как к ненужной трате времени. И, похоже, насчет цен вполне осведомлен. Осознав это, Абрам Семенович ухмыльнулся и задал неожиданный вопрос:

— Скажите Алексей, случайно ваша мама не еврейка?

— И мама, и бабушка, и даже прабабушка — русские, но корни у них кержацкие и к евреям отношение не имеющие. Или вы полагаете, что будь я евреем, нам было бы проще договориться?

— Не думаю, чтобы было бы проще. Но суть в другом. Вы, несмотря на ваш совершенный юный вид, производите впечатление взрослого и искушенного в торговых делах человека. Странно это.

— Помилуйте, что же здесь странного? Вот если бы я сразу согласился и переплатил бы вам как минимум раза в полтора, вот тогда было бы странно. А так вполне нормально и ожидаемо. Просто торговаться я не люблю, потому и пришлось вас поугубить калькуляцией. А теперь назовите нормальную цену.

— Гм.... Пожалуй с такой хваткой вы действительно станете «владельцем заводов и пароходов».

— Даже не сомневайтесь. Но мы опять отклонились от темы. Озвучьте, наконец, сумму.

— Экий вы торопыга, молодой человек. Ну что ж.... — И кутюрье наконец родил сумму моих трат.

— Ну, вот совсем другое дело, хотя на мой взгляд, и это цифра несколько завышена, но будем считать, что все в пределах статистической погрешности. Надеюсь и обучение работе на швейной машинке отражено в названной сумме.

— Разумеется, молодой человек. Уж не подумали ли вы, что я буду работать бесплатно?

— И в мыслях не держал. Как сказал один умный человек: «Денежные отношения — самые чистые отношения. В них нет ни ненависти, ни любви, одна арифметика».

— Ну, с этим утверждением можно поспорить, но я не буду. Когда мы с вами произведем расчет.

— Дня через три мы к вам подойдем, тогда и рассчитаемся. Надеюсь, что к этому времени у вас все будет готово?

— Постараюсь за три дня всё дошить. Так что через три дня жду вас с деньгами.

Глава тринадцатая.

Попрощавшись с портным, отправились к сапожнику. Там тоже все шло к концу, берцы были почти готовы и уже сейчас выгодно отличались от нашей с Архипкой самодельщины. Подумав немного я заказал парням по тем же размерам, что и берцы, обычные сапоги, а себе туфли. Выдал под это дело аванс. Удостоверившись, что все идет по плану, пошли с Тором в свое временное пристанище, где нас ждал сюрприз в лице городского Игната Горлова, которого дядька Никифор, угостив самогонкой, поил чаем.

Завидев нас, Горлов разгладил усы и поздоровался. Я со всей любезностью ответил:

— Здравствуйте Игнат Степанович. Позвольте спросить, что привело вас в наши «палестины»? Долг службы полагаю.

— Да вот мимо проходил и решил заглянуть: узнать как вы тут устроились, ну и поговорить с вами господин Забродин

— Поговорить со мной! — Непритворно удивился я. — И о чем же вы хотите поговорить? Неужели что-то случилось с Дарьей Александровной?

— С госпожой Зотовой все в порядке. А вот о её родственнике хотелось бы узнать по подробней. Его случайно не Сивый зовут?

Вот это номер! Дермидонт то наш оказывается, ко всем прочим талантам, и в полицию постукивает или по старой дружбе только городовому Горлову?

— Сивый? — Еще больше удивился я. — Гурьев Артемий Николаевич его зовут. Племянник тюменского исправника, но он человек молодой. Видимо по поручению дядюшки интересовался Дарьей Александровной. Я его дядюшку не знаю, но вряд ли его фамилия Сивый. Он наверняка человек солидный и благонамеренный, а «Сивый» это кличка какая-то.

Вовремя я вспомнил про этого Артемия, что мной и знахаркой интересовался. Всяко лучше назвать реального человека, чем придумывать несуществующего. Поговорить с этим Артемием Горлов вряд ли сможет, а вот справки навести ему вполне по силам. После моих слов о тюменском исправнике, городской несколько сник, но окончательно не сдался.

— И где же, позвольте спросить, вы с этим Гурьевым виделись?

— В Сосновке, где ж ещё. Приезжал Артемий к нам в село по каким-то своим делам. Там я с ним и познакомился, можно сказать сдружился. Уж очень интересный человек, Артемий Николаевич. Умен, образован, рассуждает обо всем здраво, книгу вон писать собрался. А вы про какого-то «Сивого» говорите. Я никакого «Сивого» не знаю.

— Гхм... Видимо я чего-то попутал. — Обескуражено пробормотал Игнат.

— Бывает. — Философски заметил я. — Кстати, господин Хренов, Дермидонт кажется, его зовут, Дарье Александровне больше не докучает? А то если она мне на него пожалуется, то даже не знаю что с ним и делать. Придется тогда господина пристава побеспокоить.

— Не придется. Уехал Дермидонт, сбёг.

— Вот даже как! От чего же он убежал? — Полюбопытствовал я.

— Испугался! Говорит, что черти его выпотрошить хотели.

— Ктоо! Чертии! А они зеленые? — Вылупил я глаза, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться. Мельком глянул на греющего уши Тора, которому даже пришлось отвернуться, чтобы смехом не выдать себя.

— Кто зеленый? — Спросил сбитый с толку городской.

— Как кто? Черти, конечно. Если черти зеленые, то значит у него «Белая горячка». Это болезнь такая, от водки приключается.

— Нет. Говорит, что черти черные были. — Обалдело произнес Горлов. Чем окончательно добил Тора. Тот покраснел, закашлялся и выскочил из комнаты наружу. Игнат проводил его взглядом и повернулся ко мне, чтобы о чем-то спросить. Но я опередил его сказав:

— Ну, если черти черные, то даже не знаю что и сказать. Думаю, что черные черти, гораздо хуже, чем зеленые, злее намного. Вон даже выпотрошить беднягу хотели. Зеленые черти тоже не подарок, но они как-то подороже будут. В любом случае — допился Дермидонт до белой горячки. Вам надо было его к доктору свести. Пусть бы тот его полечил, а вы его отпустили.

— Дак кто же знал. — Произнес вконец обескураженный городской.

— Ну да бог с ним с Дермидонтом. Господин Горлов, может по рюмочке с устатку? — Предложил я.

Но у Горлова, видно стояли перед глазами злые дермидонтские черти, и он решил не рисковать. Замахав отрицательно руками, он быстро попрощался и ушел, громя по порогам неизменной саблей. Я же упал на лавку, чтобы хорошенько прохохтаться.

Показавшаяся через минуту после ухода городского, красная вся в слезах, Митькина физиономия заставила меня снова зайти в пароксизме смеха. Митька, глядя на меня, смеяться уже не мог. Он только икал и слезы текли по его покрасневшему лицу. Спустя некоторое время, проикавшись и вытерев слезы, Митька сказал:

— Ох! Чуть не помер. Ты так больше не говори, а то пузо от смеха лопнет. А городской... — И Митька снова захихикал, видимо вспомнив обескуражено-обалделую физиономию городского второго разряда Игната Горлова, после моего спича о зеленых чертях.

— А что городской? Горлов не глуп, вцепился в меня как клещ. Образования мужику не хватает, потому мы так легко и отделались. Только черные черти и спасли. Хорошо, что пацанов заставил морды сажей вымазать и чертей сыграть, а то бы погорели. Блин! Теперь и Голубцова нельзя трогать. — Досадуя на стечение обстоятельств, произнес я.

— А почему нельзя? Давай и его как этого Дермидонта попугаем.

— Где мы его попугаем? В доме, где эти обломы засели мы его не возьмем. Видно, что люди опытные, быстро нас всех на ноль помножат. У любовницы в доме прихватить? Тоже не вариант. Нам ведь с этим Голубцовым побеседовать надо вдумчиво и без свидетелей, а тут баба.

— А что ты у него узнать хочешь? — спросил Митька-Тор.

И правда, чего это я в этого Голубцова вцепился? Что такого он мне может поведать. Ну, подтвердит он мои подозрения, насчет его связи с Голованом, и что? Похоже, я с этим Голубцовым и его хозяном Хруновым возбудился не по делу. Справедливости возжаждал что ли. Но если честно, то хочу не только этих утырков наказать, но и надеюсь легких денежек с них слупить. Но как говорил один персонаж из культового фильма: «Бери ношу по себе, чтоб не падать при ходьбе». Как бы эта ноша не оказалась для нас слишком тяжелой.

— Хотел узнать у него, что за дела были у него с Голованом. И главное, узнать, что он хочет затеять после смерти Голована. Но мы в городе уже столько дел наворотили, что еще одно, пожалуй, лишним будет. В полиции ведь не дураки работают. Могут в конце концов и

на нас выйти. Тем более Горлов уже роет потихоньку и кое-что нарыл. Поэтому мы этого Голубцова пока трогать не будем, но в покое не оставим, последим ещё.

Вечером, часам к десяти появились наши «топтуны-любители», следившие за «объектом».

— Ну что парни, куда сегодня ваш подопечный ходил или может дома сидел?

— А ты Немтырь прав оказался. «Объект» и два охранника взяли извозчика и поехали на «Гору» к какому-то Митрофану Сычёву или, как они его называли, Сычу. Пробыли у этого Сыча около часа и вернулись назад. «Объект» по дороге домой этого Сыча материл. — Доложил Белый.

— Откуда ты такие подробности знаешь? — Удивился я.

— А он и на «Гору» и обратно с ними на пролетке ехал. — Сдал приятеля Тоха. — Прицепился сзади и ехал, мы как собаки следом бежали. Правда его под конец кучер заметил и чуть бичом не огрел.

— Белый я тебе, что говорил? Зачем рискуешь и внимание привлекаешь?

— Да не обращают они на пацанов никакого внимания, вот я и прицепился, зато все слышал, что они говорили.

— Что прямо при кучере и разговаривали?

— А он, похоже, с ними вместе. Спрашивал «объект» у него про Сыча и тот ему все, что знал, рассказал.

— Ну и что за птица этот Сыч?

— Кучер сказал, что на «Горе» он главный, «Иваном» его обозвал и, что с Голованом у них вражда была, но Голован помер и теперь он еще с одним «Иваном» из-за рынка спорят. Того «Ивана» вроде Захар зовут фамилию не расслышал, толи Драчин, толи Грашин, кличка у него Годный.

— Откуда такая. — Удивился я странной кличке.

— Вот и «объект» спросил: «Почему Годный?», а тот сказал присказка такая у этого Захара, мол, про что ни спросишь, у него все или годное, или не годное. Вот они и решили завтра к этому Годному заехать.

— Ну и где живет этот Годный?

— Не знаю я там на повороте не удержался и свалился, а кучер заметил и чуть бичом меня не огрел.

— Ладно! Если надо будет, выясним, где этот Годный обитает. А ты Белый больше на глаза этим утыркам не показывайся. Если что, то поменяетесь местами с Тохой. Он с Греком будет следить за «объектом», а ты за парнями будешь приглядывать. Но вообще, молодцы — отлично справились.

Выходит, что ищет Голубцов замену Головану. Видимо хорошие деньги приносил Гаврила Шубников ему и его хозяину Хрунову. Один Рябой со своей шайкой золота добывал не мало, так еще городская банда потрошила залетных старателей, желавших подороже продать тайно намытое золотишко. Но, пожалуй, самый большой доход Хрунову приносили участки, что тайные старатели разыскивали в тайге. Рябой старателей убивал, а участки Хрунов столбил за собой. Голубцов тоже свой процент получал, курируя Голована, и процент явно не хилый. Вон как суетится, пытаюсь замену Головану найти.

Белый говорит, что материл Сыча «объект». Это может означать, что не повелся Сыч на заманухи Голубцова или запросил слишком много. Самого Сыча поспрашивать? Нет, ну его на фиг, а вот использовать, для отвлечения внимания от нас, если вдруг удастся Голубцова

пригнобить вполне возможно. То есть как-то, пока не знаю как, прихватить Голубцова, спрашивать осторожно, ограбить до нитки и оставить неявный следок, ведущий к Сычу. Пусть тогда Голубцов или сам с Сычом разбирается или полицию на него натравит, что мало вероятно, поскольку сам по уши в уголовном дерьме завяз. Если эти двое с присными перебьют друг друга в результате разборок, то плакать не буду, а совсем даже наоборот. Что-то не осталось у меня в этой жизни никакой жалости к бандитам всех мастей.

Надо же, план начал понемногу вырисовываться. Осталось придумать как того Голубцова взять за хобот и хорошо бы с деньгами. Время еще есть, может что-то и придумается. Впрочем нужно дождаться завтрашних переговоров Голубцова с еще одним утырком по кличке Годный, а там возможно что-то и прояснится.

Парни давно уже залегли спать, а я ходил по двору обдумывая, как бы все-таки разобраться с охранниками Голубцова. Было такое впечатление, что я чего-то упустил в рассказе Белого. Наконец когда я, наверное, уже в десятый раз вспоминал его рассказ, до меня дошло. Белый сказал, что Голубцов поехал к Сычу с двумя охранниками. Именно с двумя, а значит караулить саквояж, наполненный предположительно золотыми монетами, остался один. Если Голубцов и завтра возьмет с собой двоих, когда поедет к Годному, то с саквояжиком снова останется один охранник, который наверняка запрется в доме и будет ждать подельников. Значит нужно как-то выманить его наружу. А там мы с Тором его и повяжем.

Интересно кого из них Голубцов оставит. Одного он постоянно берет с собой. Это некто Василий, похоже, личный телохранитель. Двое остальных, один из которых Пронька и другой пока с неизвестным мне именем, пожалуй, самый здоровый из них. Впрочем, неизвестно, кто из них для нас лучше. Со здоровым и справиться труднее, но он наверняка самоувереннее, а значит выманить его проще.

Хотя, что я себя так накручиваю. Эта компашка не первый год сюда приезжает и ничего с ними не происходило, а значит, и бояться нападения они будут меньше всего. И, скажем, если устроить имитацию пожара, то любой из них выйдет посмотреть, что происходит. Ну а там Тор с мешочком наполненным песком его будет дожидаться. Помню как таким мешочком мне по голове прилетело, правда в скользь, но мне хватило. Думаю и охраннику хватит, особенно если бить будет Тор.

Надо будет прямо с утра наведаться к ним и посмотреть, что и как, ну и успеть подготовиться. С другой стороны, мы уже проделали нечто подобное с Голованом, и что нам мешает повторить и с его подельниками. Надо только учесть опыт и подготовиться основательнее. Ладно, пойду спать, а то я тут планы наполеоновские строю, а Голубцов только одного охранника с собой возьмет. И всё придется отменить. Жалко будет.

На следующий день с утра отправил Белого, Грека и Тоху прикупить новую одежду на их вкус. Сам вместе с Тором двинулся к дому, где квартировали Голубцов и его охрана. Нужно посмотреть, как незаметнее проникнуть на территорию и где можно спрятаться совсем не миниатюрному Тору. С полчаса крутились вокруг спящего дома, искали подходы и пути отступления. Потом отойдя подальше и, спрятавшись за кустами, чертили на земле план двора и спорили, как лучше подобраться к охраннику. Наконец как нам показалось, нашли самый лучший вариант и отправились готовиться к предстоящему «эксу».

Готовиться решили серьезно. Парней пришлось немного подгримировать, Белый скрыл свои волосы под черным париком, Тор примерил усы и бороду и превратился во взрослого не то приказчика из лавки, не то мастерового, я тоже стал вполне бородатым господином с

тросточкой и в шляпе.

К нужному дому подходили по одному и рассредоточивались. Грек с Тохой чуть в сторонке затеяли игру в ножички, Белый, совершенно не узнаваемый в черном парике зашел за кусты и прижался к глухому забору напротив нужного дома. Мы с Торомзайдя на нужную улицу с разных сторон встретились в шагах пятидесяти от дыры в заборе соседнего дома через которую можно было прокрасться к сараю с дровами, что недавно колол некий Пронька, и имитировали разговор.

Успели вовремя. Минут через двадцать к дому где засела «банда» Голубцова подъехала кучерская пролетка и в нее сели трое. Голубцов, на встречу с Годным, взял Проньку с Василием. Значит на охране «сундука с сокровищами» остается здоровенный, заросший буйным волосом мужик, который вышел проводить своих поделщиков. Когда пролетка скрылась за поворотом, то мужик в дом не пошел, а уселся во дворе на большую чурку и не спеша стал сворачивать из какого-то печатного листка козью ножку.

Закурил и, пуская в небо густой дым, стал лениво осматривать двор и уходить в дом явно не собиравшись. Незаметно подобраться к нему никакой возможности не было. Блин! Надо, что-то делать, а то он так и просидит посреди двора до возвращения поделщиков.

— Тор оставайся здесь и как только этот облом отвлечется и подойдет к воротам лезь во двор и прячься возле сараюшки. Потом я его постараюсь отвлечь, а ты подсакивай и лупи его со всей дури по башке.

Тор кивнул, соглашаясь, а я пошел к играющим парням, сказав выглянувшему из кустов Белому, чтобы тот шел к Тору.

— Грек, Тоха драку устройте, по земле покатайтесь, лупите друг друга и ругайтесь. Как только увидите, что я зашел в ворота драку прекращайте, и каждый со своей стороны на стрёме. — Прошипел я и быстро отошел в сторону.

Тоха с Греком не подкачали, они с начала, как положено в пацанских разборках, потолкались, а потом сцепились, нелепо махая кулаками и матерясь. Услышав шум, охранник встал с чурбака и, открыв калитку, с интересом смотрел, как лупцуют друг друга два пацана. Я, проходя мимо, остановился возле него и, отвлекая внимание от подкрадывающегося Тора, спросил, добавив в голос хрипотцы:

— Уважаемый! Не подскажите, где здесь живет господин Горбунков?

Тот непонимающе посмотрел на меня, пытаясь сообразить, что надо этому хлыщу с тросточкой:

— Чего? — Несколько растеряно спросил он. Но буквально следующую секунду, сообразил и сунул руку за пазуху.

Я не зевал и врезал тростью по его клешне, которой он попытался достать револьвер. В это время подоспевший Тор ударил его по затылку мешочком с песком. Тот покачнулся, закатил под лоб глаза, но не упал. Тогда я, схватив трость двумя руками, вогнал её этому жлобу одним концом в солнечное сплетение. Тот хрюкнул и повалился на руки подхватившего его Тора. Я шагнул за калитку и, закрывая её, быстро огляделся. На улице кроме Тохи с Греком никого не было. Они, увидев, что я закрываю калитку, прекратили драку и быстро разошлись по разные стороны. Молодцы! Машинально отметил я и, подскочив к Тору, помог ему затащить в дом тяжеленного мужика.

Подбежавший, Белый достал из сумки, заранее приготовленный мешок и веревку. Усадив на лавку бессознательного охранника, натянули ему на голову мешок и связав за спиной руки, спихнули на пол, мордой вниз. Опасаясь этого здоровяка, я согнул ему одну

ногу и привязал к рукам. Видя это, Белый нервно хихикнул, да и я тоже был не в лучшей форме. Сердце бухало где-то у горла и ноги подкашивались. Черт! В прошлый раз, когда к Головану ходили, меня почему-то так не корёжило. Только Митька-Тор был на удивление спокоен. Оглядев комнату, он произнес:

— Ну и где этот саквояж?

Немного отдышавшись и успокоив бухающее сердце, я тоже огляделся и сказал:

— Ищем саквояж. Они не должны его далеко спрятать.

Пока Белый с Тором разбежавшись по комнатам, заглядывали во все углы, я лихорадочно соображал, куда можно спрятать сумку. Эти ребята особой фантазией не отличались и скорее всего, спрятали, сумку с деньгами под полом.

Осмотрев, пол в этой комнате и ничего не отыскав, перешел в другую, там тоже ничего подозрительного не было. В последней комнате моё внимание привлек комод, который стоял, на мой взгляд, в неудобном месте. Я крикнул парням, и мы общими усилиями сдвинули довольно тяжелый комод в сторону.

Половица под комодом была выщерблена сбоку. Ее явно поднимали с помощью ножа. Достав свой ножик, я поддел им половицу и приподнял. Там в неглубокой нише находился искомый саквояж и рядом лежал какой-то сверток. Вытащил тяжеленный саквояж, вскрыл с помощью ножа. В саквояже лежали запечатанные в бумагу кругляки. Вскрыв одну упаковку, обнаружил золотую монету.

— Так парни пересыпайте монеты по сумкам. — Скомандовал я. Достал завернутый в тряпку пакет, развернул. Деньги. На вскидку тысяч семь не меньше.

Парни быстренько раскидали монеты по трем сумкам и, ощупав со всех сторон пустой саквояж, положили его под половицу. Задвинули комод на место и вышли в комнату, где кряхтел и возился пришедший в сознание мужик.

— А с этим, что будем делать? — Сиплым голосом спросил Тор.

— Сыч... Тоесть Иван сказал, мужиков не трогать, только жирному можно кишки выпустить. Этого не замай. — Прохрипел я. И мы резво выскочили во двор. Надо сказать, что эту, якобы, обмолвку мы с Тором запланировали заранее, с целью направить мысли огорченного пропажей, Голубцова в нужное русло. Не уверен, что сработает, но попробовать стоит. Завтра или чуть позже узнаем, сработала эта «уловка 22» или нет.

Белый, как самый шустрый, выглянул за калитку и махнул нам рукой. Выйдя из ворот, мы разошлись в разные стороны, чтобы не привлекать внимания. К нашему временному дому подходили по одному и с разных сторон. Тоха, к моему удивлению и смеху Белого, обзавелся шикарным бланшем под правым глазом, а Греку видимо досталось хорошо по носу. Он то и дело им шмыгал и пытался вытереть не существующие сопли.

— Вы, что бандерлоги, по настоящему дрались что ли? — Изумленно спросил я.

Грек виновато потупился, а возмущенный Тоха поведал историю этой эпической битвы.

— Мы сначала махались понарошку, а потом этот гад локтем мне в глаз заехал. У меня из глаза аж искры посыпались. Ну, я и разозлился и дал ему по носу.

— Я же тебе говорил, что нечаянно получилось. — Пробормотал с ухмылкой Грек. Видимо, до него стала доходить комичность ситуации, чему очень способствовал откровенный ржач Белого.

— Ага нечаянно... — Не мог успокоится Тоха.

— «Подеритесь еще! Горячие финские парни». — Процетировал я классику, успокаивая Тоху. Потом добавил:

— Впрочем, молодцы, во время остановились и вообще все молодцы! Действовали хорошо, не зря тренировались. Всем премия по сто рублей, но отдам в Сосновке.

— А че это в Сосновке? Я может здесь кой чего купить хочу? — Заявил, просмеявшись, Белый.

— И чего ты купить хочешь? — Спросил я.

— Часы хочу. Вон ты Немтырь себе купил, а мы что хуже.

А ведь точно часов у парней нет, а они нужны, иначе как согласовывать действия.

— Молодец Белый, правильно заметил. Завтра все идете выбирать себе часы. У кого еще, какие предложения будут? Говорите, обсудим и если действительно нужно для дела, то приобретем.

— Одежку нам надо специальную для таких случаев. — Вдруг сказал Грек, пытаюсь отряхнуть пыль со своего пиджачка или, как там его аборигены называют.

— А что? Дельное предложение. Ну как, все с Греком согласны? — Спросил я парней. Хотя мог и не спрашивать. Поддержали единогласно.

— Обязательно сошьём, но это попозже в Сосновке. Машке Лучкиной закажем, а здесь ткани темной купим, чтобы ночью незаметнее быть. И Тоха, и ты Грек одежду, что на вас сейчас снимите и спрячьте, оденьте ту, что сегодня купили.

— А я? — Спросил Белый.

Я посмотрел на Белого, он вроде не засветился сегодня, но тоже пусть одежонку сменит, хуже не будет.

— Ты тоже переоденься, и парик сними.

— А вам с Тором переодеваться разве не надо? — Спросил Тоха.

— А зачем? Отклеим усы и бороды; кто нас потом узнает. Так ведь Тор?

Митька, подтверждая, кивнул. Все-таки Митька хорош, немногословный и надежный как молоток. Одним словом — Тор. С ним мы пошли прятать в сарае сегодняшнюю добычу. Золото прикопали, а бумажные деньги я положил в рюкзак.

Я отлепил усы, бороду снял свой немного подпорченный пиджачок, умываясь, подумал, что моя «уловка 22» сработает как мышеловка, если предупредить Сыча о грядущих предьявах и о возможном нападении. Достал из шкафчика листок бумажки, которая теперь у меня не переводилась, и быстро набросал для Сыча записку, нисколько не заботясь о местной орфографии, которую пока не изучил: «Сыч, мужик, который у тебя был вчера и возможно Годный нападут на тебя сегодня или завтра ночью». Подписываться не стал. По большому счету мне все равно кто из них кого прибьёт, а возможно они и договорятся, чего бы не очень хотелось. Посмотрел на парней, соображая кого из них послать с запиской, но в конце концов решил сделать это сам.

Пришлось снова одеваться, подумав, прихватил полный набор оружия скрытого ношения: ножи, нунчаки и револьвер. Еще раз подумав, решил одному туда не соваться.

— Белый собирайся, поедем с тобой на «Гору» и прихвати револьвер.

Белый с готовностью кивнул и минут через пятнадцать мы уже катили на извозчике в район, где обитал Сыч. Не доезжая метров пятьсот до нужного дома, я заставил Белого спрыгнуть и отстать, но из виду меня не терять. Подъехав поближе, я осмотрелся, выискивая какого либо мальчика, чтобы использовать его в качестве почтальона. Завидев в метрах двухстах несколько пацанов, лет восьми, играющих в какую-то немудреную игру, остановил экипаж, сказал извозчику, чтобы ждал, сам подошел к ребятне:

— Парни дядьку Сыча знаете?

Пацаны переглянулись, затем один по виду постарше остальных протянул:

— Ну, знаем и чё?

— Рубль заработать хотите?

— Ну, хотим и чё? — Ответил все тот же пацан.

— Нужно отнести дядьке Сычу записку. Вот эту. — Я показал бумажку. — Полтинник даю прямо сейчас, второй когда записку передадите.

— Давай. — Протянул грязную ладошку немногословный малый.

Я отдал бумажку и пятьдесят копеек гривенниками. Пацаны всей гурьбой понеслись передавать записку. Оглядевшись, я зашел за ближайшие кусты и стал наблюдать. Через некоторое время ватажка малолеток снова появилась на улице, их сопровождали два мужика. Не увидев меня на условленном месте пацаны растеряно загалдели, а мужики, покрутив головами, ушли обратно. Подождав некоторое время, я выглянул из-за кустов и подозвал предводителя малолеток:

— Отдал записку?

— Ага.

— Тогда как договаривались, держи ещё полтинник. — Высыпал в подставленные ладошки кучку мелочи.

Парнишка побежал к друзьям, а я поспешил к извозчику. Прихватив по дороге Белого, благополучно доехали с ним до базара и, рассчитавшись с местным бородатым «таксистом», двинули домой пешком.

Дома, перед сном, я еще раз обдумал свои последние действия. И действия эти были сплошь незаконны и аморальны. По большому счету я опустил до банального грабежа людей вина, которых, пусть в косвенном, но все-таки участии в нападении на нас с дедом, не доказана. Мысленно покопавшись в своих ощущениях, ни чувства вины, ни раскаяния не обнаружил и даже наоборот, как говаривал некий политический персонаж, я испытывал «чувство глубокого удовлетворения» от хорошо выполненной работы. Ну и золотые монеты вкупе с нехилой пачкой бумажных денег грели душу. Все по заветам классика: «Экспроприация экспроприаторов».

Единственно, что меня несколько беспокоило — это реакция Сыча на моё послание. Хорошо если он воспримет предупреждение серьезно и подготовится к встрече. А если он не примет всерьез записку и не приготовится, то «кто ему доктор». Хотя Сыч ничего плохого мне не сделал, мне его ничуть не жаль. А уж Голубцова с компашкой тем более.

С другой стороны, Голубцов может, для начала, выкатить Сычу предьяву и потребовать вернуть денежки. Представив удивленную физиономию Сыча, которого, к слову, никогда не видел, усмехнулся. И как он к этому отнесется? Скорее всего, как к поводу для наглого наезда, особенно если Голубцов пристегнет к этому делу Годного. А тот вполне может это сделать. Блин! Крутые дела могут развернуться в криминальном мирке Барнаула. Да и черт с ними со всеми. Лишь бы на нас не вышли. И хватит мозгами скрипеть, спать пора.

Глава четырнадцатая. Отступление второе.

Ефим Голубцов, возвращаясь от Захара Грашина или «Годного», как называли этого невзрачного на вид мужика его подельники, был в полном расстройстве. Если Сыч отказался унаследовать дело, так не во время умершего Голована, сказав, что он теперь занимается торговлей и с уголовщиной связываться не желает, то «Годный» был не против, но сослался на недостаток нужных людей.

Предложение Голубцова набрать исполнителей из беглых каторжников годным не признал. Сказал, что это у Голована помощник был по кличке Рябой, который мог держать этих варначищ в узде, но Рябой не то сгинул в тайге, не то сбежал от Голована. У него же такого человека нет. А вот у Сыча есть и не один. Когда Голубцов сказал, что Сыч уголовщиной не занимается, то Грашин уверенно возразил. Врет, мол, Сыч. Занимается, еще как занимается, но ходить под кем-то не хочет, поэтому и предложение голубцовское отверг. Есть у него свои каналы сбыта награбленных ценностей.

В словах Годного явственно слышались зависть и не слишком большая любовь к более удачливому собрату по профессии. На вопрос Голубцова: «Что можно сделать?», тот ответил, что пока Сыч жив и здоров, сделать он ничего не сможет. Потом, видимо решившись, заявил прямым текстом, что если Сыча завалить, то его люди, оставшись без «Ивана» сначала передерутся, а потом часть из них примкнет к нему, к Годному. Вот тогда можно будет и о предложении Голубцова подумать.

Теперь подъезжая к дому, Ефим злился на этих идиотов не захотевших браться за по настоящему большое дело, и предпочетших по прежнему перебиваться мелочевкой, на покойного Голована, что так не вовремя помер, и даже на себя, за то, что не смог убедить местных бандюков продолжить дело Голована. Правда Годный озвучил условия на которых бы он согласился работать на него, но для этого нужно было ввязаться в местные разборки. Ввязываться не хотелось, да и время поджимало. Последний в этом году пароход должен был уйти из Барнаула недели через полторы.

Так ничего не придумав, Ефим зашел в ворота, мельком удивившись, что оставленный сторожить дом Устин их не встречает. В хате, его и вошедших следом мужиков, ждал сюрприз. На полу возился, сопел и матерился, перемотанный веревкой мешок, из под которого торчали связанные руки, с привязанной к ним и, согнутой в коленке, ногой.

Ефим как-то сразу и не признал в этом несуразном свертке Устина, но когда до него, наконец, дошло, что оставленный сторожить немалые деньги охранник валяется на полу в самом жалком виде, то он похолодел и кинулся к тайнику. Отодвинув с помощью Василия комод, выхватил из тайника пустой саквояж и стал его ощупывать и заглядывать внутрь, боясь поверить, что деньги исчезли. Наконец осознав потерю, бросил саквояж на пол и, подскочив к все еще связанному Устину, стал яростно его пинать, сопровождая экзекуцию матами и угрозами, пока опомнившиеся охранники не оттащили его от изрядно избитого коллеги.

Немного придя в себя и сев на стул, Ефим приказал:

— Развяжите этого — И не найдя подходящего эпитета, он сплюнул и выматерился.

Мужики споро срезали веревку и стянули мешок. Устин поднялся с пола и угрюмо потупился, время от времени вытирая рукавом разбитый нос. Ефим смотрел на этого

недотепу и еле сдерживался, чтобы не кинуться на него с кулаками и бить до тех пор, пока тот не упадет, после ещё и попинать лежащего. Он даже на секунду зажмурился, представляя, как вминается его кулак в эту мерзкую бородатую харю. Пересилив себя, бросил:

— Рассказывай.

— Чего рассказывать? — Вопрос из уст провинившегося прозвучал по идиотски.

— Да все рассказывай. Кто тебя так упаковал и главное кто деньги стырил. И как он так легко к тебе подкрался. И не ври.

— Вроде двое их было. Один зубы заговаривал, а второй с заду тихонько подкрался и чем-то по голове жажнул.

— Они, что в дом к тебе зашли, что ли?

— Да не успел я в дом уйти. Вы только уехали, я ворота запер и сигарку свернул, покурить, услышал как на улице пацаны разодрались. Я ворота открыл глянуть. Тут меня и подловили.

— Как они выглядели?

— Пацанов не разглядел, а тот, что мне зубы заговаривал одет был по господски: в шляпе и с тростью. Волосы черные длинные, усы и бороденка тоже черные. Того, что по голове меня ударил не видел, но слышал.

— Как ты мог его слышать, коль без памяти валялся? — Засомневался Голубцов.

— Когда они уже уходили я очухался и слышал, как тот спросил, что, мол, с этим, ну со мной то есть, делать? У того что меня отвлекал, голос скрипучий как у несмазанной телеги. Вот он и проговорился.

— Как это проговорился?

— Сказал сначала Сыч, но тут же поправился Иван, мол, приказал нас, охранников не трогать, а вот жирному кишки выпустить.

— О, как! — Воскликнул, находившейся рядом, Василий. А Пронька лишь чуть усмехнулся и покачал головой

— Кто это жирный? — Не понял Голубцов.

Устин промолчал лишь блеснул глазами из под нависших бровей. Но Василий молчать не собирался:

— Дак это ты Ефимка. Тебе хотели кишки выпустить. Чем ты им так не угодил?

Ефим зло глянул на ухмыляющегося Ваську и переспросил Устина:

— Точно слышал про Сыча, али выдумал всё.

— Слышал. Вот те крест! Так и сказал «Сыч». И потом вспомни, как у самого дома Силантий кнутом мальчика, что сзади пролетки прицепился, пужанул. Похоже тот малец и проследил за нами от самой Горы.

— Это что ж, выходит это Сыч денежки спёр? — Спросил молчавший до сих пор Пронька.

— Он! Больше некому. Не сам спёр, своих натравил. — Убежденно проговорил немного отошедший от стресса Устин и сжал поросшие черным волосом пальцы в кулаки.

Голубцов, глядя на него, пытался сообразить, что же все-таки делать. Деньги пропали приличные, хорошо еще не все, которые он был должен получить в горном управлении. На его счастье две третьих суммы, положенной за сданное золото обещали выдать в течение последующих трех-четырех дней. А он еще был зол на чиновников за задержку. Оказалось зря.

Потерей третьей части выручки Фрол конечно будет очень не доволен и наложит на него штраф, хотя может и удастся отделаться легким испугом, тем более что Фрол уже должен уехать на зиму в столицу. С Егором Золкиным, которого он вместо себя оставит, договориться можно. Не впервой.

Но кроме золотых монет пропали и его личные семь тысяч, которые он приготовил, чтобы проверить в Барнауле одно очень выгодное дельце. Теперь об этом дельце можно забыть. Хотя если Устин не врёт, то можно попытаться вернуть денежки. Только вот как? Сыч по всему виду калач тертый и запугать его вряд ли удастся. На что уж Голован был матерым варнаком, но и тот предпочел с Сычем договариваться. Но Голован помер и, возможно, Сыч к этому причастен.

Голубцов вспомнил шишковатую, серую физиономию Сыча, его узловатые пальцы, неестественно большие ладони, ледяные глаза в которых иногда плескалась какая-то злая муть, и внутренне передернулся. Ох, вряд ли удастся с этим упырем договориться.

А если не договариваться? Вон Годный спит и видит, как бы с этим Сычом расправиться. Устин вон тоже готов с ним встретиться. Да и Васька с Пронькой, несмотря на их ухмылки понимают, что обещанных денежек не получают. Вроде лично в случившемся не виноваты, но кто там разбираться будет.

— Василий сходи-ка ты обратно к Годному, скажи, что я его срочно приглашаю. Мол, в связи с новыми обстоятельствами я готов обсудить его предложение по Сычу.

Василий еще шире ухмыльнулся, согласно кивнул и ушел выполнять поручение. Ефим же обратился к оставшимся, Устину и Проньке:

— Давайте мужики подумаем как нам этого Сыча прихватить?

— А чего тут думать. — Устин был настроен решительно. — Ночью, когда все спать будут и наведемся. Я его, скотину, в клочки порву.

Пронька промолчал, но было видно, что с разозленным Устином он не согласен. Ефим, видя это, решил спросить его напрямую.

— Ну а ты, что скажешь?

— Что тут скажешь? Скажу, что торопиться не надо. Дождемся этого мазурика, Годного расспросим у него все про Сыча, а потом и будем решать, что делать.

Ефим почесал свою небольшую бороденку и мысленно согласился со здравым рассуждением Проньки.

— Ладно. Дождемся Годного, послушаем, что он скажет.

Годный на призыв откликнулся и, уже через час, ехидно спрашивал Ефима:

— Что голубь, и тебя Сыч обул. А ты мне, мол, завязал Сыч. А оно вона как завязал! Ну и, что ты теперь делать будешь?

— Ты Захар свое ехидство при себе оставь. Лучше расскажи нам про этого Сыча все, что знаешь и поподробнее.

— Я про него много чего знаю. Всё рассказывать и за день не переслушаешь.

— Ладно, скажи, как нам его прищучить лучше, где у него лёжка и много ли народа за ним стоит.

— Ну, людей у него человек пять, но все они мужики тертые, заматерелые. Лежки у него никакой нет, никого не боится Сыч, спокойно в дому живет. Вот там его и прихватить можно, ежели ночью тихонько подобраться.

— Скажи-ка, есть среди них черноволосый и чернобородый и по господски одетый? Голос ужасно хриплый.

Годный задумался вспоминая.

— Был такой. Храп его погремуха, но давно его не видно было, толи сгинул, толи ездил куда. Бороды у него не было, но бороду и отрастить можно. А хрипит, так ему года три назад горло в драке перебили, думали помрет, но выжил. А погремуха по фамилии Храпов образовалась. У него с Сычом вроде какие-то терки были. Видать помирились. Так это Храп, значит, у вас побывал? Этот может — годный бродяга.

— А не может этот Храп сам по себе варначить? Без Сыча.

— Без Сыча? Без него и раньше то ничего здесь не делалось, даже Голован на него оглядывался, а сейчас как Голован помер и подавно.

— Ясно! Но нам-то как быть. По доброму с Сычем не договориться. Хорошо бы сонного в постельке прихватить, да поспрашивать.

— Это можно. У меня возле Сыча человек верный есть, так он давно все разведает и мне доложил. Одному мне с Сычем не справиться, а вот с вами, пожалуй, можем ему перца на хвост насыпать. Ну, так как, вы в деле или нет?

Глаза Захара радостно блестели. Видимо он давно вынашивал планы, как бы разделаться с ненавистным паханом и вот получил возможность эти планы реализовать. Хотя Голубцову, по прежнему не слишком хотелось участвовать в местных разборках, но и спускать такую наглость было никак нельзя, мужики бы не поняли, особенно Устин, да и деньги хотелось вернуть. Поэтому он, поколебавшись, произнес:

— В деле. Говори, что надумал.

Дальше они приступили к разработке плана нападения на хату Сыча. Впрочем, весь их план был банальным и примитивным. Решили брать Сыча под утро, наскоком. Идти на дело этой ночью ивсеми силами: трое охранников с Голубцовым во главе и Годный со своими самыми надежными людьми, коих набралось аж целых три человека вместе с самим Захаром. Когда осторожничавший Голубцов заявил, а не мало ли народу, то Годный на это ответил, что скорее всего много чем мало. Вряд ли в доме Сыча будет больше трех человек, а скорее всего будут только двое: сам Сыч и дружок его старый по кличке Гребень. Голубцов согласился и они стали готовиться к предстоящему захвату Сыча.

На другом конце города на «Горе» в доме Сыча тоже готовились. Получив записку от неизвестных, Сыч недоумевал недолго. Хотя ему было совершенно непонятно, зачем Голубцову нападать на него, ведь они разошлись с ним довольно мирно. Но упоминание о Годном настораживало. Тот давно хотел занять его, Сыча, место в криминальном мирке города, но пока ему ничего не светило. Не верилось также, что ему удалось привлечь на свою сторону Голубцова. Но мало ли что. За свою довольно долгую жизнь Сыч пережил уже не одну разборку между своими собратьями по ремеслу и потому к предупреждению решил отнестись серьезно.

— Гребень, пошли когонибудь из мальцов в Волчьи Гривы к Поликарпу Зайцеву, пусть тот до нас дойдет.

— Ладно. Крюка пошлю. Тот быстро добежит. А что, опять Годный что-то затевает?

— Может затевает, а может нет, но проверить надо.

Поликарп Зайцев жил в доме напротив хаты Захара Грашина и давно уже следил за ним, время от времени докладывая обо всем увиденном и услышанном Сычу.

Через полтора часа Поликарп и Сыч сидели друг против друга у зайцевского свояка и пили чай. Под чаек Зайцев рассказал о сегодняшней суете у Годного. Сначала к нему на извозчике подъехали трое. Два здоровых облома и небольшого роста кругленький и

пузатенький господинчик. Пробыв в доме около часу, гости погрузились в пролетку и уехали, а через полчаса один из этих обломов вернулся и вышел из дому с Захаром и они куда-то ушли вместе с двумя грашинскими прихлебателями и, пока Зайцев был дома, Годный не вернулся.

Сыч дураком не был и сколько будет дважды два знал прекрасно. Выходило, что не врал некто неизвестный, приславший записку-предупреждение. Что-то действительно затевается против него. Ну что ж пусть приходит Годный вместе с этим идиотом Голубцовым. «Пойдете по шерсть, а вернетесь стриженными». Ухмыльнулся он.

Сыч со своими подельниками, тоже не были гениями тактики и поступили просто. Трое с Гребнем во главе рассредоточились вокруг дома с дубинами и револьверами. Двое и сам Сыч засели в доме, предварительно договорившись, что Гребень пропустит в дом тех, кто туда пойдёт и только потом примется за тех, кто останется снаружи. Но как говорится планы планами, а жизнь она планам следовать не желает. Если нападающие не знали, что их ждут, то и Сыч с подельниками не учли, что оскорбленный и разозленный Устин будет готов порвать любого, кто встанет на его пути. Поэтому он рвался сквитаться и шел первым. Последоваших было за ним Василия и Проньку, Ефим придержал, пропуская вперед Годного.

Когда двое из команды Годного во главе с Устином тихонько вошли в дом их там грамотно взяли в ножи. Двое подельников Годного даже пискнуть не успели, но Устин каким-то звериным чутьем от ножа увернулся и стал метаться по комнате диким кабаном, стреляя из своего револьвера в любую тень.

Шесть револьверных пуль зря не пропали и оба сычѣвца получив свое, затихли по углам. Сам Сыч, когда началась стрельба, упал на пол и прикрылся столом, свалив его на бок. Устин расстреляв патроны бросил револьвер и, углядев, наконец спрятавшегося Сыча накинулся на него, схватил за горло и, рыча как дикий зверь, принялся душить. Сыч, теряя сознание, ткнул своего душителя дважды ножом, но это его не спасло. Устин даже мертвый не выпустил из своих рук горло врага.

Когда из дома послышался рев Устина и выстрелы, шедший последним Голубцов, сразу понял, что всё пошло наперекосяк и крикнув Василию с Пронькой: «Бегите!» развернулся и, быстро перебирая короткими ногами, помчался вдоль улицы. Опытные мужики не заставили себя просить дважды и кинулись следом за своим работодателем, даже не подумав прийти на помощь коллеге.

Шедший чуть впереди Годный попал по полной. Его замолотили дубинами. Быстро покончив с Годным, Гребень хотел стрельнуть из револьвера по убегающим, Ваське с Пронькой, но не решился поднимать большой шум. Черт с ними пусть бегут, потом пусть Сыч решает, что со сбежавшими делать.

Гребень огляделся и прислушался. И на улице и в доме стояла мертвая тишина. Жестом приказал своим следить, сам взяв револьвер наизготовку, осторожно заглянул в хату, чуть приоткрыв дверь. Затем также осторожно войдя, вошел. В комнате гадко воняло сгоревшим порохом, кровью и дерьмом. Плохо в темноте различая лежащие тела, тихонько позвал:

— Сыч! Сыч! Ты как!

Ему никто не ответил. Тогда приглядевшись, увидел за перевернутым столом Сыча и держащего его за горло огромного, волосатого мужика. Гребень дрожащими руками вынул из кармана спички и одну зажег. Неверный огонек осветил вылупленные мертвые глаза Сыча, его искривленный в страшной гримасе рот и толстые волосатые пальцы на его шее.

Мертв! И, похоже, остальные тоже. Сообразив, что скоро здесь будет не протолкнуться от городских, прошел в следующую комнату, вскрыл тайник с золотом и деньгами, сгреб все в сумку и вышел к подельникам:

— Уходим.

— Ты чё Гребень, а Сыч?

— Нету Сыча, мертвый он и остальные мертвые. Уходим пока полиция не нагрянула. Из города тоже придется уходить. Деньги и рыжё я забрал. — Он показал сумку и решительно шагнул за ворота, в твердой уверенности, что подельники пойдут следом.

Василий с Пронькой догнали запалённо дышащего, уставшего, но все еще пытающегося бежать, Ефима на спуске с Горы. Догнавши, остановились, отдохнуть и отдышаться. Повертели головами, послушали. Погони не было слышно.

— Вроде ушли. — Сказал Василий. — Ефим, выходит, ждали нас у Сыча. Кто то из годных стукнул.

— Может и так, а может этот Сыч, после того как деньги у нас увел, бережется вот и устроил засаду на всякий случай. Жалко Устина, сгинул мужик. — Угрюмо сказал Пронька.

— Чего о нем жалеть. — Зло прохрипел Голубцов. — Все из-за него. Рот бы не раззявил, фиг бы его в дому взяли.

— Чего теперь-то, языком ляскать. — Сказал Василий. — Делать-то что будем? И это, погони нет, тогда пошли шагом, нехрен народ будоражить.

С Горы шли шагом до самого дома. Всю дорогу Ефим усиленно размышлял, что делать дальше и как преподнести Фролу и Золкину случившийся афронт. Постепенно в голове складывалась довольно ловкая версия доклада, где гибель Устина от рук бандитов, вполне укладывалась в тему героической защиты собственности золотопромышленника Хрунова, от превосходящих бандитских сил.

— Прон, Василий слушайте и запоминайте. Завтра к нам возможно придет полиция. Будут спрашивать про Устина, говорите, что не знаете, где он. Сами вы сегодня никуда не ходили, спали здесь. Ясно?

— Поняли. — Ответил за обоих Василий.

Глава пятнадцатая.

Следующий день выдался еще более суматошным, чем все предыдущие. Нужно было забирать заказанное и платить по счетам. За всеми этими хлопотами я совсем позабыл вчерашние страхи и размышления. Первым делом наведались к портному Хайкину. Там провозились, чуть не полдня, пока примеряли костюмы, пока искали извозчика, чтобы перевезти довольно тяжелую швейную машинку, ну, и за одним все остальное, вот и время прошло.

Хайкин, получив от меня деньги, лучился радостью и надеждой на дальнейшее сотрудничество, то бишь хотел и дальше на нас хорошенько зарабатывать. Но я его немного обломал и одновременно обнадежил, сказав, что месяца через два мне снова понадобятся его услуги, а сейчас нам надо вернуться в деревню.

Потом пришел черед сапожника, где помимо берцев, прикупил парням традиционные сапоги, а себе модные туфли. Хорошо, что вовремя озаботился и заказал все это довольному сапожнику.

После обеда выдал парням премию и отправил покупать часы себе и подарки родным, а сам пошел к господину Иванцову Павлу Степановичу. На базаре стояла какая-то нездоровая суэта, на которую я поначалу не обратил внимания. Книголюб оказался на своем месте. Завидев меня, он полез под прилавок, достал оттуда тетрадку. Поздоровавшись, я спросил, что с моим заказом. Павел Степанович протянул мне тетрадку.

— Вот пока нашел двадцать стихотворений, которые, пожалуй, можно положить на музыку.

Я раскрыл тетрадку, полистал. А ведь часть из того что здесь собрано я уже слышал, но в несколько иной редакции.

— Павел Степанович вот смотрите: стихотворение Сурикова «Рябина». — Из этого стихотворения получится отличная песня, но вот эти четверостишия, на мой взгляд, совершенно лишние.

Я показал на второе и третье четверостишие.

— Без них песня звучать будет гораздо лучше.

— Гм... Вы так считаете? — Задумчиво спросил Иванцов, вчитываясь в стихи. — А, пожалуй, вы правы.

— И не сомневайтесь Павел Степанович. И вот еще «Очи черные» Гребенки. Первые четыре строки великолепны, второе четверостишие много хуже, а третье никуда не годится, вялые они какие-то. Вот если бы вместо них сочинить, что-то другое более подходящее к первым четырем строкам, то романс бы зазвучал.

— Бог с вами, Алексей, как можно....

— Можно и нужно любезнейший Павел Степанович. — Оборвал я его стенания. — Скажем, продолжить можно как-то так.

Я задумался, вспоминая как пелись эти «Очи...» в том мире. А ведь по разному пелись, но что последнюю строфу этого стихотворения я никогда не слышал, это точно.

— Пожалуй вместо последних двух строф лучше петь так:

«Коль не знал бы я вас,

Не страдал бы так.

Я бы прожил жизнь припеваючи.

Вы сгубили меня

Очи черные!

Унесли навек мое счастье.»

— И потом повтор первой строфы. Можно даже два раза повторить. Вот как-то так.

Павел Степанович шевеля губами, но не произнося вслух, повторил за мной только что продиктованные строчки и изумленно воззрился на меня.

— А ведь действительно так лучше.

Ну, еще бы не лучше, если эти строки написаны не то Шалапиным, не то Сличенко. Уж эти двое толк в цыганских песнях знали, ну или будут знать.

— Неужели Алексей, вы сами это прямо сейчас сочинили? — Спросил удивленный знаток поэзии.

Хотелось, конечно, присвоить строчки, но поэт из меня совершенно никакой, поэтому от авторства я скромно отказался, сказав, что слышал уже этот романс в таком исполнении. Иванцов покачал головой, отобрал у меня тетрадку и попросил повторить эти новые строчки, чтобы он их записал. Ну, кто бы спорил! Я охотно продиктовал. А потом спросил:

— Павел Степанович, а почему вы не включили сюда «Цыганскую венгерку» и «О, говори хоть ты со мной» Аполлона Григорьева. Если взять первую строфу из «Цыганской венгерки», прибавить три-четыре строфы из второго стихотворения, разбавить его каким-нибудь рефреном, например «Эх раз еще раз, еще много — много раз», то получится очень забористая цыганская песня, которая, несомненно, понравится всем.

— Алексей, зачем я вам? Вы и сами могли все это разыскать.

— Ну что вы, любезнейший Павел Степанович, чтобы это все найти, надо много стихов перелопатить. Поэтов и самих ведь очень много, да они еще и сочиняют не по одному стиху. Мне полжизни придется потратить, а вы в этом море как рыба в воде, вам и карты в руки. А насчет Григорьева, так я совсем недавно читал его стихи. И, на мой взгляд, кроме, «О, говори хоть ты со мной» ну и две первые строфы из длиннющей «Цыганской венгерки» для современной песни ничего не подходит. Да и то вторая строфа, под большим вопросом.

— Но нельзя же так. Ведь каждое стихотворение это как законченная картина. Вы же предлагаете убрать из этой картины целые куски, а то и смешать краски.

— По большому счету вы правы, но я человек не слишком образованный и подхожу к этому делу утилитарно. Мне нужны именно песни, которые бы хотелось не только слушать, но и петь самому. Возьмите, к примеру, стихи того же Гребенки и попробуйте спеть. Первый куплет у вас наверняка пойдет хорошо, второй много хуже, а третий вы и до конца не допоеёте.

Иванцов с недоумением посмотрел на меня и, открыв свою тетрадку в нужном месте, стал читать шевеля губами. Потом чуть подумав, нехотя со мной согласился. А меня вдруг осенило, как, не напрягаясь снабдить композитора Моню-Эммануэля Лебединского текстами будущих песен.

— Павел Степанович, не желаете поработать на меня на более длительной основе?

— Неожиданно! А позвольте полюбопытствовать, в чем будет моя работа заключаться?

— Да в принципе то же самое, что вы и делаете. Будете подбирать подходящие стихи и адаптировать их под песни. Но работать будете непосредственно с музыкантом.

— Адаптировать? — Приподнял брови старик.

— Подгонять текст под соответствующую музыку, чтобы получилась хорошая песня или

романс. Выкидывать лишние строфы изменять некоторые слова и строки, вписывать новые, сочинять самому, ну и так далее. Я думаю, что у вас должно получиться.

— Гм... Забавно. А ведь я, пожалуй, соглашусь. Только кто тот музыкант с кем мне придется работать?

— Ну, это совсем молодой парень не лишенный таланта. Если вы согласны, то поступим так: дня через три зайдете в «Ювелирный салон» Гуревича и спросите Серафиму Исааковну. Женщине скажете, что вы от господина Бендера. Она вас познакомит с композитором. Она же будет у вас в некотором смысле и руководителем. По крайней мере, будет зарплату вам платить.

— Как вы сказали: «от господина Бендера»? А кто это?

— Это совершенно не важно, но если вам любопытно, то это тот человек, который финансирует меня. И не беспокойтесь, мадам будет предупреждена о вас. Ну, что по рукам?

— Экий вы энергичный и торопливый, Алексей.

— Время такое. Рассиживаться некогда любезный Павел Степанович, но торопиться будем не спеша. И так «Какой будет ваш положительный ответ»? — Не удержался я, чтобы не схохмить в очередной раз.

Старик усмехнулся и сказал:

— Согласен я.

— Вот и отлично! Надеюсь, что вы сработаетесь с композитором и порадуете нас хорошими романсами и песнями. — Сказал я и, вспомнив какое-то странное шевеленья на базаре, спросил: — Павел Степанович, что это за суета такая сегодня у вас здесь?

— А вы разве не знаете? Стрельба была на Горе. Говорят народу побили много. Вроде даже самого Сыча убили.

— Сыча? — Недоуменно спросил я. — А кто это такой?

— Вроде как главный среди местных варнаков.

— Вот как. Какой-то опасный город этот ваш Барнаул, то одних убьют то других. А мы с дедом переезжать сюда решили. Теперь даже не знаю, как дед на это все посмотрит.

— Сами удивляемся. Сколько лет все тихо было, а тут как прорвало.

— А впрочем нас это не касается. До свидания Павел Степанович и не забудьте Серафиму Исааковну навестить.

Вечером встретился с будущими изобретателями «двс». Если Ярошенко с Иваном Гехт полны энтузиазма, а Сергей Петрович с Тесслером настроены были мотор проектировать, то Истомин с Долговым отнеслись к этому делу весьма скептически. Меня это не обескуражило.

— Господа я никого не принуждаю. Двигатели внутреннего сгорания дело новое и проблем в ходе их проектирования и воплощения в металле будет много. До всего придется доходить своим умом, наработок практически нет, теоретической базы нет, ясности по материалам нет. Одним слово почти ничего нет. А то, что есть нам по большей части недоступно. Я кое-что вам подскажу, но очень немного. Вот, например карбюратор. — Я взял карандаш и лист бумаги и набросал схему карбюратора, как помнил, объяснил принцип его работы.

— Интересно. — Неожиданно сказал Долгов. — Я, пожалуй, займусь этим, как вы говорите карбюратором. Сашка ты как? Присоединишься или будешь дальше губы дуть?

— Да куда ж я от тебя денусь! — Засмеялся Истомин. — Вдруг и правда получится, а я не у дел. Да меня тогда Лизавета живьем скушает.

— Ну что ж господа, я рад, что вы настроены оптимистично. У меня для вас осталось всего лишь две подсказки. Для вас Сергей Петрович — свеча зажигания. — Я начертил с детства знакомую свечу и расставил примерные размеры.

Сергей Петрович взял листок и стал его внимательно рассматривать время от времени понимающе кивая.

— И вот ещё, на поршне надо сделать канавки и туда поставить кольца из ковкого чугуна. — Начертил поршень с канавками и отдельно поршневые кольца. Эскиз подал Тесслеру, к которому присоединились Гехт с Ярошенко. Последний спросил:

— А почему два кольца?

Ему ответил Тесслер:

— Кольца разрезанные, на одном газы в разрез пробиваться будут. Через два кольца если разрезы будут в разных сторонах, то пробоя газов не будет. А еще для улучшения смазки цилиндра.

Я не стал это комментировать, пусть сами доходят до истины, тем более, что Тесслер вполне прав.

— И последнее господа: цилиндр не целесообразно делать больше ста пятидесяти миллиметров в диаметре, там какие-то запреты. Для повышения мощности нужно проектировать многоцилиндровые моторы. Но это уже следующий этап.

— Алексей, почему все размеры у вас во французской системе?

— Я думаю, что за этой системой будущее. И будет лучше, если мы с самого начала будем придерживаться именно этой системы.

Когда я уже со всеми распрощался, ко мне подошел Владимир Ярошенко.

— Алексей, я поговорил с дядькой. Он хочет с тобой встретиться.

— Что-то с пароходом наметилось? — Обрадовано спросил я.

— Да вроде владелец «Сильного» заболел и хочет продать пароход. Дядька хотел бы сам его купить, но денег не хватает. Вот он и заинтересовался.

— Что он хочет? Денег занять или пароход на паях приобрести? Денег не займу, а о совместном владении договориться можно. Но могу ли я твоему дяде доверять? Проблем не будет?

— Не должно. Дядька мой, конечно, человек грубоватый, но порядочный и если ты с ним договоришься, то не подведет.

— Ручаешься?

— Ручаюсь. — Без раздумий сказал Ярошенко.

— Коли так, то где мы можем встретиться? И кстати, как вашего дядюшку называть?

— Андрей Михайлович Роговский. Встретиться можно через час в трактире на Московской.

— Договорились.

Через час я сидел в трактире, за столом, покрытым белой скатертью. На вопрос полового, что я буду заказывать, ответил:

— Принеси-ка любезный бутылку коньяка три рюмки, лимон и что-нибудь из легкой закуски.

Половой с некоторым сомнением посмотрел на меня, но встретив мой спокойный и твердый взгляд, ответил:

— Осетрина заливная имеется.

— Неси и осетрину. Три порции. — Сказал я и, откинувшись на спинку стула,

приготовился ждать.

Но ждать пришлось не долго. Только половой расставил на столе заказанное, как появился Владимир в сопровождении коренастого человека, одетого в некое подобие капитанской формы, с неизменной бородой на широком загорелом лице. Вот значит ты какой «северный олень», тоесть капитан парохода «Сильный» Андрей Михайлович Роговский. Солидный мужчина! Наверняка будет пальцы гнуть при виде такого не солидного меня. Я не ошибся. Капитан остановился в трех шагах от столика и с недоумением стал меня рассматривать, потом обернувшись к Ярошенко прогудел, нисколько не стесняясь:

— Этот что ли хочет пароход покупать?

Владимир как-то неубедительно кивнул и, видя такой отрицательный настрой своего родственника, несколько стушевался не зная как меня представить. Пришлось спасать положение. Я быстро вышел из-за стола и, подойдя к капитану, спросил:

— Роговский Андрей Михайлович капитан парохода «Сильный»?

Тот не ожидавший от меня такой прыти машинально кивнул.

— Очень приятно! Я Алексей Забродин. — Сказал я и протянул руку для рукопожатия.

Роговский, чуть поколебавшись, руку мне пожал. А я, не давая ему передышки, чирикал как воробей у кормушки.

— Присаживайтесь господа! Я тут, пока вас ожидал, позволил себе заказать коньячку и закуски. Но если вы хотите, что-нибудь другое, то не стесняйтесь. Любезный! — Подозвал я полового. Тот быстро подошел. — Принеси все, что господа закажут.

Половой кивнул и уставился на Роговского, ожидая заказа. Тот постоял набычившись, глядя то на меня, то на полового и наконец, приняв какое-то решение, сказал:

— Попозже. Пока хватит и этого.

Половой снова кивнул и отошел к другим посетителям, а я уже разливал коньяк и нарезал лимон на тарелке. Роговский и Владимир сели напротив меня.

— Давайте господа за знакомство.

Я поднял рюмку и, дождавшись аналогичного действия от своих визави, отсалютовал им своей рюмкой, выпил и закусил лимонным кружочком. Кисловато, но в меру. Капитан с племянником с интересом за мной проследили и тоже выпили, причем Ярошенко по моему примеру закусил лимончиком, а его дядя покопался вилкой в заливной осетрине.

— Уважаемый господин Роговский, вижу, что вы несколько обескуражены моей слишком юной внешностью. Но как говорил один великий человек: «Молодость это единственный недостаток, который с годами проходит». И потом, это не я покупаю пароход. Покупает мой дед, начинающий золотопромышленник, я всего лишь его представитель. Но поскольку дед занимается прииском, то все остальные дела поручил мне. И если мы с вами договоримся приобрести ваш «Сильный» на паях, то работать вам придется именно со мной. Так, что лучше договорится на «берегу», чем устраивать разборки, тогда когда нужно работать и зарабатывать деньги. — Я старался говорить спокойно и солидно. Капитан слушал внимательно, но недоверчиво. Я помолчал немного, а потом спросил:

— И так — ваше слово, господин Роговский.

Тот поскреб бороду посмотрел на Владимира и наконец решился:

— Хорошо! Я согласен.

— Вы сделали правильный выбор. Тогда давайте по этому поводу примем по второй, и вы Андрей Михайлович расскажете мне о своем пароходе.

После второй рюмки у меня чуть зашумело в голове, все-таки этому тельцу всего

четырнадцать лет и алкоголь ему совсем не полезен, наверное надо хорошенько закусить. Я пододвинул поближе тарелку с заливной осетриной и принялся есть. Ярошенко с капитаном последовали моему примеру. Закусив, Роговский спросил;

— Что вы хотели узнать о пароходе?

— Основные характеристики и самое главное способен ли он хорошенько поработать в следующие три-четыре сезона.

— Пароход новый и при должном уходе еще послужит. Машина тоже не изношена, мощность триста сил. Если за зиму сделать профилактический ремонт, то будущий сезон отходим без проблем.

— Ясно. Почему тогда владелец продает пароход?

— Сам Захарьин болен, не встает уже, а жена и дочь ничего не смыслят в торговле. Вот и распродают все.

— Что у него ещё есть пароходы на продажу?

— Нет, мой пароход у них один. Магазин у него в Тюмени и две лавки по деревням. Вот их и продают.

— Понятно. А за пароход, что желают получить?

— Желают-то десять тысяч серебром, но кто ж им даст такую цену. Продадут за восемь с половиной, а может даже и за восемь сговориться можно.

— Хорошо. Сколько вы можете заплатить?

— Половину наберу. — После небольшой паузы сказал Роговский.

— Значит с нас четыре пятьсот. Ну, что ж, приемлемо.

— Почему четыре с половиной? Хватит и четыре с четвертью.

— А ремонт на что делать будете, да и команде зимой платить надо или вы их всех на зиму увольняете? — Поллюбопытствовал я.

— Всех увольнять нельзя, но кой кого приходится.

— Ладно. Вам видней. Я полагаю, по основному вопросу мы договорились? — Проговорил я и уставился на капитана.

Тот поёрзал на стуле, протянул руку к бутылке, налил себе рюмку и выпил. Посидел немного с отрешённым видом, тряхнул головой и согласился:

— Договорились.

— Отлично. Теперь о прибыли. Раз мы вложились поровну, то и прибыль будем делить поровну.

— Как же поровну. Я, значит, буду работать, вы на берегу болтаться, а прибыль поровну!

— Уважаемый Андрей Михайлович, за свою работу вы будете получать зарплату, то бишь жалованье. Кстати сколько вам Захарьин платил?

— Девяносто рублей в навигацию и пятьдесят зимой.

— Гм.... Не густо. А что так мало?

— Мало? Девяносто рублей в месяц это мало? — возмутился Роговский.

— Ну, если в месяц, то еще ничего, но всеравно маловато. Пожалуй, мы будем платить капитану рублей сто тридцать-сто сорок в месяц, ну а команде — тоже поднимем зарплату раза в полтора. А прибыль будет у нас чистая. Получаем денежки за фрахт, вычитаем из них налоги, взятки должностным лицам, попам заносим долю малую, зарплату капитану с командой и наконец, процентов пять выделяем в амортизационный фонд, а все что останется, делим пополам. Как вам такой расклад, уважаемый Андрей Михайлович.

— Этак никакой прибыли не останется. И что за амортизационный фонд? — Спросил немного обалдевший капитан.

— Амортизационный фонд в идеале, это деньги на покупку нового парохода, когда этот совсем развалится, ну а так это деньги на ремонт. И не бойтесь за прибыль. Думаю даже после всех вычетов, сумма останется не малая. И проблем с фрахтом на три ближайшие навигации, у нас не будет. Это я вам обещаю. Ну а дальше посмотрим.

— Отчего вы решили, что проблем с фрахтом не будет? — Недоверчиво спросил Роговский. — Сейчас пароходов на Оби и Иртыше много.

— Положим, не так уж и много, но не в этом дело. Нанимать наш пароход буду я, зерно возить будем в Тюмень. Но вы мне не ответили: согласны ли вы на этих условиях организовать совместную пароходную компанию?

— Согласен! — После недолгих раздумий сказал Роговский. — Однако вы даже не посмотрели на пароход.

— Ну во первых, я мало что понимаю в пароходах. А во вторых, вас мне рекомендовал Владимир, как человека обстоятельного и надежного и даже за вас поручился. И потом не будете же вы сами себя обманывать. Так что уважаемый Андрей Михайлович мы с дедом ждем вас для юридического оформления сделки.

Я сообщил адрес, где мы будем ждать капитана. Подумав, что парням будет интересно посмотреть пароход, спросил Роговского:

— Андрей Михайлович, а где ваш пароход сейчас.

— У причала стоит, груз ждем, запаздывают, что-то купцы.

— Вы не будете против, если завтра я с друзьями загляну к вам на корабль. Друзья мои ребята деревенские и парохода раньше не видели. Им интересно будет.

— Не против. Приходите, но с условием: погрузке не мешать.

— Договорились. Андрей Михайлович, Владимир вы будете еще, что-нибудь заказывать?

— Я, пожалуй, еще бы коньячку выпил ну, и поесть было бы неплохо. Ты как, Володя, поддержишь? — Спросил капитан своего племянника.

— Извини дядя Андрей, но мне хватит и этого. — Владимир указал на наполненные рюмки.

— А я посижу ещё. — Сказал капитан и собрался кликнуть полового, но я его опередил:

— Любезный. Обслужи господина капитана. Андрей Михайлович заказывайте.

Когда капитан сделал заказ, я попросил полового вместе с заказанным принести и счет. Расплатился за все, оставив половому изрядные чаевые. Потом поднял рюмку и произнес.

— Рад знакомству господина, но мне пора.

Опрокинул рюмку, закусил лимончиком и, кивнув прощально капитану с племянником, отправился на выход.

Глава шестнадцатая.

Блин! Рановато, однако, я коньячком стал злоупотреблять. В голове шумело, но я старался держаться и идти не раскачиваясь. На свежем воздухе опьянение стало сходить на нет и дома я уже появился вполне в адекватном состоянии.

Дед встретил меня не ласково, можно сказать совсем неприветливо встретил:

— Твои дела? — Были первые его слова.

— Ты о чём, тять? — Непритворно удивился я.

— Говорят ночью варнаков побили, чуть ли не десяток мертвяков. Вот я тебя, летна боль, и спрашиваю: уж не ты ли опять отметился.

— С чего ты так решил? Слышал я на базаре про них, но ночью мы дома все спали, хоть у парней спроси. — Мне даже не пришлось притворяться. Как сказал классик: «Правду говорить легко и приятно».

— Спрашивал уже. Летна боль. — Досадливо отмахнулся дед.

— И что они тебе сказали?

— Говорят спали, а сами переглядываются. Думал врут, тебя покрывают. — Дед всетаки пребывал в сомнениях.

— Ну, перебили варнаки местные друг друга, нам до этого какое дело? Ты лучше скажи, получил бумагу на прииск. — Постарался я сбить деда с ненужного настроения.

— Получил. — Но радости в голосе его не было. Похоже, начал осознавать, что получение лицензии, не самая большая проблема в этом деле.

— Ну а с домом что?

— К весне все готово будет. Хорошая артель у Свирида, бойко работают.

Видимо и правда профессионально работают свиридовские. Дед обычно на похвалы скуп, особенно это касается работы.

— Это хорошо! Но для тебя еще одно дело есть. — Сказал я.

— Чего ты еще задумал? — Подозрительно глянул дед.

— Да ничего особенного. Мы с тобой пароход на паях с его капитаном покупаем. Завтра ты с ним оформляешь пароходную компанию.

— Какой еще пароход? — Возмутился дед.

— Обыкновенный пароход, с трубой и водяными колесами. Да не возмущайся, ты его только оформишь на себя, а заниматься им буду я, ну может еще дядька Кузьма с Митькой подключатся. Будем хлеб в Тюмень возить, с дружкой твоим Жабиным.

— А деньги где на пароход. Все, что за золото получил, я на дома истратил. На свой и Савватеевны. Осталось совсем немного. На пароход точно не хватит. А нам еще много чего на зиму прикупить надо. Придется остальное золотишко где-то пристраивать. — Дед хотя и расстроился немного, но выход из создавшегося положения искать стал сразу.

— Не придется. Есть у нас с парнями денежки, на пароход хватит. — Успокоил я деда.

Тот снова посмотрел на меня, хотел что-то сказать, но обречённо махнул рукой, мол делай, что хочешь. Лишь спросил:

— Про прииск надумал чего?

— А ты? — Вопросом на вопрос ответил я.

Дед устало прошел к столу сел на стул и, отрицательно покачав головой, сказал:

— Ничё в голову не лезет. Летна боль.

— Да не расстраивайся ты так. Скажи, найдется у тебя пара- тройка надежных людей, знакомых с работой на приисках.

Тот почесал бороду, почесал затылок, раздумывая, наконец сказал:

— Найду, пожалуй.

— Нанимай их, зарплату хорошую им положи, можешь даже небольшой процент от намытого золота предложить. Им в помощь найдем пацанов, лет четырнадцати-пятнадцати из Сосновки или из ближайших деревень, если сосновских не хватит. Работать будут часов по шесть, но в две смены. Первая смена, скажем, с восьми утра до двух часов, вторая с двух и до восьми вечера. В свободное время заставим их учиться и заниматься спортом, в футбол играть будут. Кормежку им готовить наимеешь пару баб. Учить — студента пригласи. Будет у нас «Учебно-трудовой лагерь». Ну и денежки им будем платит рублей по пятнадцать. Самых смышленных я, потом возле себя устрою. Особо одаренных отправим дальше науки постигать. Как думаешь найдем работников на таких условиях?

— Отбою не будет. Только где ж я денег столько найду. — Зачесал затылок дед.

— Не так уж и много надо. Найду я денег на такое дело. Зато двойная польза. И золотишко намоем и с будущими кадрами определимся. — Я давно обдумывал такой вариант, поэтому говорил уверенно.

Дед посидел, подумал и с некоторым облегчением согласился:

— Попробуем, летна боль. Все лучше, чем пьянчуг нанимать.

Я, глядя, на повеселевшего старого кержака, подумал: «А ведь ему очень не просто так радикально менять жизнь. И для своего почтенного возраста он еще хорошо держится».

Дела наши в городе подходят к концу. Ещё день-два и мы отчалим. Я вдруг с удивлением осознал, что скучаю по своему селу. Скучаю по Савватеевне, по Катьке Балашовой, по суровой Степаниде, по Кабаю — лохматой морде и даже по коту Ваське с его другом Дениской. Видимо бесконечная суета, в которой пребывал последние две недели, меня задолбала и вымотала, захотелось отдохнуть.

На следующий день дед с капитаном оформили сделку, и я выдал Роговскому под расписку оговоренную сумму. После обеда повел парней смотреть пароход. И там мы чуть не потеряли Тоху. Парень запал на, неказистый на мой взгляд, кораблик. Особенно его впечатлила паровая машина.

— Немтырь, а можно мне на пароходе остаться?

— И что ты на нем делать будешь? — Удивился я.

— Что капитан скажет, то и буду. Главное на механика выучусь, а то на капитана.

— Можно, наверное. Поговорю с Андреем Михайловичем. Думаю, не откажет. Но через день-другой они в Тюмень пойдут и там зимовать будут. Это значит, домой ты еще долго не попадешь. Может лучше по весне к ним поступишь?

Парень колебался, ему хотелось, и побыстрей на пароход устроится, и домой тоже хотелось, видимо, и он по родным скучал, но и похвастаться перед сверстниками своей новоприобретенной крутизной ему очень хотелось. Одни часы на серебряной цепочке, которые он то и дело вытаскивал из кармана и щелкал крышкой, чего стоили. Последнее соображение победило и Тоха согласился потерпеть до весны. Ну что же одной заботой меньше.

Под вечер приклеил изрядно надоевшие бороду и усы и отправился к ювелиру вернее к Саре-Серафиме. Митьку — Тора оставил дома, пусть к отъезду готовится. Илья на этот раз

пугаться не стал, ему было некогда. Он обслуживал клиентов. Пухлая дама перебирала какие-то золотые побрякушки, а ее муж с видимым интересом рассматривал Дарьины рисунки, разложенные под стеклом и висящие в рамках по стенам. Смотри-ка, подсуетился хозяин. Надо не забыть спросить Михеля, продал он хотя-бы один рисунок или посетители лишь разглядывают картинки но не покупают.

Кивнув занятому Илюше, привычно прошел по коридорчику до дверей кабинета. Из-за двери слышался раздраженный голос Серафимы и оправдывающееся бу-бу пухляша. Немного послушав, решил прервать семейные разборки и вежливо постучал. За дверью затихли, а потом произнесли что-то невнятное, но я счел это приглашением и вошел.

Возле стола стояла разгневанная Серафима, а за столом сидел похмельный, помятый и видимо в чем-то провинившийся Михель.

— Прошу прощения, что помешал, но у меня мало времени. Серафима Исааковна уделите капельку своего внимания мне. С Михаилом Исааковичем разберетесь потом, он от вас далеко не убежит. — Усмехнулся я.

Серафима повернула ко мне свое чуть покрасневшее лицо. «А ведь бабенка-то хороша!» — прорезался в мозгу «внутренний голос». Вот блин! Не вовремя тебя разбирает, хотя я и был вынужден с внутренним голосом согласиться. Действительно хороша! Но к черту сантименты, надо заниматься делом, вот только братец с сестричкой как-то странно на меня смотрят.

— Что-то случилось, господа? — С тревогой в голосе спросил я.

— Господин Бендер вы о ночном происшествии слышали? — Произнес пухляш и с подозрением на меня уставился.

— Это про то, что какие-то местные варнаки разборку друг с другом устроили? Конечно же слышал. На базаре только и разговоры про это происшествие. А в чем собственно дело?

— А знаете, что исправник Голубцову три дня дал на сборы и, чтобы через три дня его в городе не было. — Значительно произнес Гуревич.

— Вон как! И чем же этот Голубцов так провинился? — Равнодушно полюбопытствовал я. А у пухляша какие-то завязки есть в местной полиции, раз про такое ему известно.

— В той бойне, оказывается, охранник Голубцова участвовал. Самого Сыча придушил. Вот исправник и разозлился на Ефима, хотя тот уверял, что ничего не знает и, что охранник сам без его разрешения с Сычом разбираться пошел.

— Надо же какие дела у вас городе творятся, прямо страшно становится. — Насмешливо сказал я. Потом добавил. — Уж не подозреваете ли вы меня, милейший Михаил Исаакович?

Мишаня ничего не ответил, но было видно, что подозревает и очень подозревает. Сестрица его тоже подозревает, но, кажется, данное обстоятельство ее даже возбуждает. Вон как покраснелась и глазами посверкивает.

— Вижу, что все таки подозреваете, и совершенно напрасно. Может я вас и разочарую, но к данному происшествию никакого отношения я не имею. С другой стороны, если у Голубцова такие серьезные проблемы, значит, ему будет не до вас. Тогда за вас Серафима Исааковна я спокоен. Но впрочем, я к вам не за этим. Я тут литератора одного разыскал. Иванцов Павел Степанович его зовут. Да вы, наверное, его знаете, он на базаре книгами торгует.

Сара-Серафима отрицательно покачала головой.

— Не знаете. Но это не важно. Главное, что тот согласился поработать с Эммануэлем нашим новоявленным. Он зайдет к Вам Серафима Исааковна на днях, так вы его не пугайте.

а сведите с нашим композитором. Новые песни вдвоем пусть сочиняют. Если, что хорошее у них получится, то заплатите обоим за труды.

— Хорошо, господин Бендер. Не обижу вашего литератора. — Кивнула женщина.

— Серафима Исааковна можете мне сказать, как продвигаются наши дела в области организации культурного и не очень, досуга горожан?

Мадам усмехнулась, посмотрела зачем-то на братца и проинформировала:

— В области культурного — вполне успешно продвигаются. Нашлись кандидатки в певички, аж целых две, осталось только выбрать, наметились и танцовщицы, но пока мало, помещение приглядываем. А с «не очень культурным» это не ко мне, это к Михелю. Он у нас по борделям специалист.

— Неужели в Барнауле есть публичный дом? — Искренне удивился я.

— А то вы не знали? — Язвительно и даже с ноткой презрения произнесла мадам.

— Так некогда уважаемая Серафима Исааковна. Дел по горло, а времени мало, а тут еще и убить норовят. Да и не слишком я большой любитель подобных развлечений. Уж очень большая вероятность заполучить в подарок какую-нибудь дурную болезнь.

Мадам скептически посмотрела на меня, потом обратила свой взор на ерзающего братца и выдала:

— Разумно. Но кое-кто ничего не боится.

— Флаг им в руки, Серафима Исааковна, и, как говорится, барабан на шею. Но мы опять отклонились от главного. Вы говорите, что нашли двух певиц, если у них есть способности, то берите обеих. Поищите и певца — мужчину. Кроме того нужно еще разыскать специалиста по танцам. Хотя у нас танцы будут совсем простые, но кто-то должен их поставить.

— Господин Бендер, вы говорили про какой-то канкан. — Прорезался, молчавший доселе, Михель.

— Канкан, любезный Михаил Исаакович, танец, на мой взгляд, очень простой и симпатичные молодые девушки после не долгой тренировки его вполне освоят. Там ведь главное танцевальное движение, высоко поднять ножку и одновременно затруднить обзор пышными юбками.

Пухляш мечтательно улыбнулся, но глянув на засмеявшуюся сестрицу, принял серьезный вид и спросил:

— Господин Бендер, вам случайно не удалось узнать, куда Голован подевал остальные украшения, взятые у нашего курьера. Вы ведь вернули меньше половины из того, что пропало.

— Вернул? — Удивился я. — Я. Вам. Ничего. Не возвращал. — Выделяя голосом каждое слово, холодно произнес я. — Все эти побрякушки отданы вам на организацию совместного предприятия. И упаси вас бог думать иначе.

Произнеся это продемонстрировал свой уже вполне натренированный взгляд направленный как бы сквозь собеседника, от которого бедный пухляш покрывался потом и нервно озирался. Посмотрел и на его сестрицу. Но Сара-Серафима продемонстрировала на это несколько иную реакцию. Судя по тому, как сверкнули ее глаза и затрепетали ноздри ее не маленького, но вполне симпатичного носа, взгляд этот, скорее ее возбуждал, чем пугал. Похоже, она западает на брутальных плохишей. Жаль, что не могу в должной мере удовлетворить ее интерес. Мешают накладные усы с бородой, да и времени маловато. Ладно, учтем на будущее, я ведь и в юном облике смогу продемонстрировать склонность к

жестокому обращению с провинившимися.

— Надеюсь, что мы с вами поняли друг друга и никаких проблем с финансированием нашего предприятия не будет? — Подпустив в голос металла, продолжал я запугивать бедного Михеля. — А насчет остальных побрякушек, то про них лучше всего спрашивать вашего знакомца Голубцова. Ведь именно ему и сбывал награбленное Голован. Но пока я лишен возможности как следует побеседовать с этим господином. И если верить вашим словам, то такой возможности мне в ближайшем будущем и не представится. Так что пусть пока господин Голубцов поживет. Я имею ввиду, спокойно поживет.

Сказав это, я улыбнулся, вернее оскалился, показав собеседникам свои великолепные зубы, лишённые даже следов кариеса. От моей улыбки Гуревича передернуло, даже у Сары-Серафимы мелькнула во взгляде некая неуверенность. Так-то лучше, а то расслабятся оба — кто работать будет? Немного покошмарив собеседников, сказал нормальным голосом:

— Серафима Исааковна, чуть не забыл. — Я достал из кармана свернутую тетрадку и подал женщине. — Здесь порядка двадцати стихотворений, которые можно спеть, ну, по крайней мере, достопочтенный господин Иванцов, в этом уверен. Вы тут гляньте сами, но два стихотворения я вам рекомендую.

Я полистал тетрадку и показал женщине «Рябину» и «Очи черные» в новой редакции.

— Поручите Моне-Эммануэлю написать музыку. «Рябину» лучше исполнять в манере близкой к русской народной песне, петь должна женщина. А «Очи черные» это чисто цыганский романс. Его исполнять могут как мужчина так и женщина. И самое главное обе песни исполняются совместно с танцами.

— Как это с танцами? — Недоуменно спросила мадам.

— Я это вижу так: на переднем плане сцены стоит певица, а на втором плане девушки танцуют в соответствующих одеждах. Если это цыганский романс, то и танцы цыганские, завжигательные и страстные. А если «Рябинушка» то и танец должен соответствовать мелодии.

— Но так не делается? — Воскликнула женщина. — За танцами и певицу слушать не будут.

— Это как раз в нашем случае неплохо. Я не думаю, что в этой глуши мы найдем великих певцов и потому танцы как иллюстрация к песне, вполне возместит все изъяны исполнителей.

— А песня как иллюстрация к танцу скроет неуклюжесть танцовщиц. — Насмешливо подхватила Сара-Серафима.

— Мадам, вы ухватили самую суть моих новаций. Но все-таки надо постараться, чтобы и певцы и танцоры были как можно ближе к идеалу, разумеется, насколько это возможно в наших условиях.

— А канкан под какую песню исполнять нужно. — Осведомился о наблевшем Мишаня.

— А вот канкан это особый танец и в словах он не нуждается. Главное музыка должна быть очень задорная, девицы симпатичные, а юбки пышные. Есть там несколько приемов, чтобы разнообразить танец, но о них чуть позже поведаст мой человек.

Я еще раз оглядел Михеля с сестрицей и решил, что достаточно попугал первого и вполне нормально пообщался со второй, а значит пора прощаться.

— Ну что же, дамы и господа, полагаю, что вопросы мы порешали. Как говаривал один высокопоставленный господин: «Планы намечены, цели поставлены. За работу господа!», ну

а мне пора. Мадам! — Я изобразил поклон. — Месье! — Кивнул Михелю и вышел. В салоне помахал рукой Илюше и закрыл за собой дверь. Будем надеяться, что надобность в брутальном и страшноватом персонаже Остапе Бендере, теперь отпадет, ну если что, то бороду с усами приклеить не долго.

Глава семнадцатая.

Наконец-то. Все дела в городе завершены и мы, шумной гурьбой, выдвигаемся по дороге, ведущей к переправе через Обь. Телеги наши нагружены подарками или, как тут говорят гостинцами. Парни бодры и веселы, даже хмуроватый Тор и тот, на мой взгляд, довольно глупо улыбается, видимо представляет, как будет дарить сережки и швейную машинку своей Машке. Везем еще много чего.

Лично я закупились книгами, патронами к винчестеру и револьверам. Патроны нужных нам типов я выгреб из Барнаульских лавок и магазинов все. Будем тренироваться, а то, живя в городе, тренировки забросили. Везу и шёлк, начну всетаки с парашютов, как с самого простейшего летательного средства. Подозреваю, что с этими парашютами будет не все так просто, но как говорится «упорство и труд все перетрут». Везу подарки и для знахарки с её ученицей Катькой Балашовой. Купил для них книги и шубы «барнаулки». Немножко побаиваюсь, вдруг с размерами не угадал, может большеваты будут, но для деревни это не критично, а в город переберутся сами себе купят. Даже Кабаю приобрел гостинец — хороший кожаный ошейник, но совсем не уверен, что такой подарок псу понравится. А еще везем два дорожных резиновых мяча для сосновских футболистов.

Парни тоже не оплошали, взяли и скупили все апельсины, которые нашлись в городе, а вот лимоны прикупил только я. Не забыл и чай, дорогой он правда, но того стоит. Что накупил дед я не знаю, но думаю у него это давно отработано, всех одарит.

Шагая за телегой, вспоминал свои последние дни в городе. За день до отъезда зашли с дедом, как и обещали, к Глебовым. Аннушка нам обрадовалась и усадила пить чай. Сергей Петрович отсутствовал, наверняка был на работе. Будущей великой ведуни тоже было не видно, как и Глашки. На вопрос деда, где Глашка, хозяйка сказала:

— Гуляют где то с Варей, скоро придут. Она вот вам письмо оставила, отвезите матери. — Она подала деду два конверта и пояснила, — Потоньше — Глафирин, а который потолще маме передайте.

Дед кивнул и спрятал конверты в карман. Потом они с хозяйкой продолжили перемывать косточки сосновским жителям, которых Аннушка знала. Тема эта меня не интересовала и выключенный из их живой беседы друг с другом, я стал осматривать помещение. Дарьины рисунки украшали стену, а на кресле валялась какая-то книжка. Я спросил разрешение книгу посмотреть. Аннушка, занятая разговором, лишь махнула рукой.

Сочтя разрешение полученным, взял книжку. «Консуэло» Жорж Санд, значилось на обложке. Я конечно, как и многие в том мире знал, кто такая Аврора Дюдеван или Жорж Санд, но никогда не читал ее книг. Открыл, полистал и попытался читать. Текст в моем понимании был полностью не читабелен. Виноват ли в этом неуклюжий перевод или столь пафосные фразы присущи и оригиналу, я не знал. А ведь видно, что Аннушка читала и, похоже, ей это чтение нравилось. Открыл книгу в другом месте и снова попытался читать. Все то ж самое.

Это что же получается, нет еще в этом мире нормального женского романа. Вспомнилась книжка Барбары Картленд. Её Ленке дала почитать одна из многочисленных приятельниц. Я книгу читать не стал, но по диагонали просмотрел.

Было в той довольно объемистой книге два романа, названия, которых не запомнил. Но

в том и другом романе рассказывалась одна и та же история о «гадком утенке». Декорации были разными, но история одна, как «гадкий утенок» превратившись в прекрасного лебедя, после продолжительных мытарств обретает любовь и счастье.

Гм А ведь и в этом мире подобные истории если их хорошо оформить и правильно подать будут пользоваться изрядным спросом у скучающих домохозяек, молодых девиц и разочарованных дам. Но мне, хоть убей, такого не написать. Вот если бы найти того, кто бы набросал удобоваримый текст, то поправить и отредактировать я бы, пожалуй, смог. Я посмотрел на смеющуюся Аннушку и представил ее портрет на обложке книжки в качестве или главной героини, или автора. Только один ее портрет может поспособствовать росту популярности любой книги, а уж женского романа и подавно.

Дождавшись, перерыва в их беседе, я обратился к Аннушке:

— Анна Николаевна, вам нравятся романы Жорж Санд?

— Нравятся. А вам, как я погляжу, не очень?

Ишь какая наблюдательная, сразу уловила мое кислое настроение от чтения подобных книг.

— Да я и не читал ничего. Вот сейчас только посмотрел. Что-то тяжело читается. Перевод плохой что ли? — Спросил я.

— А мне нравится. Я, правда, на французском произведения Жорж Санд не читала, поэтому ничего про перевод сказать не могу.

— Так вы Анна Николаевна и французский язык знаете? — Удивился я.

— Еще и итальянский. Мама научила. — Улыбнулась Аннушка. — Только вот разговаривать здесь не с кем, так и забудется всё. Хорошо ещё, что есть книги на французском, читаю иногда. А вот с итальянским плоховато.

— Анна Николаевна, а вы сами бы не хотели написать книгу? — С затаенной надеждой спросил я.

Аннушка в крайнем удивлении уставилась на меня. Потом, отрицательно помотав головой, сказала:

— Нет, конечно. Что за фантазия, Алексей, вам в голову пришла?

— Ну почему же сразу фантазия. Идея в голову пришла. Сюжет интересный для женского романа придумал.

— Ну, так и пишите сами, коль придумали. — С иронией произнесла красавица.

— Нет, я не смогу. Тут женский взгляд на вещи нужен. А у меня ему, откуда взяться. Тут и до мужского-то еще расти и расти.

Красавица, критически осмотрев меня, засмеялась и выдала:

— Ну, росту вы вполне достаточного и выглядите старше своих лет, и, похоже, умом вас бог не обидел, неужели не придумаете ничего?

Похоже, Аннушка решила немного повеселиться за мой счет, подразнить и пококетничать. Я включился в игру и, сокрушенно вздохнув, сказал:

— Напрасно вы, Анна Николаевна, отказываетесь писать роман, такой роскошный сюжет пропадает.

— Так и я не смогу. Тут талант нужен, а у меня, какой талант? Да и сдается мне, что в писатели люди идут не от хорошей жизни. Если жизнь хорошая, да веселая, то зачем другою-то придумывать.

Дед, с интересом слушавший нашу с Аннушкой перепалку, вдруг сказал:

— Что, летна боль, не идет Анютка в твои тенёта? Ты Анютка его, варнака такого, не

слушай. Он норовит всех под свою дудку плясать заставить.

— Вы это о чем Софрон Тимофеевич? — Переключилась на деда Аннушка.

— Да вот об нем. — Ткнул пальцем в меня дед. — Он Дарью Зотову картинки рисовать заставил, а сам уже продает их потихоньку. Теперь вот тебя к делу пристроить хочет.

— Алексей, это правда? — Строго глянула на меня красавица.

Понятно! Кому понравятся попытки ими манипулировать? Никому. Вот и Аннушка готова была возмутиться.

— Ну что вы Анна Николаевна и в мыслях ничего подобного не было. — Кинулся я спасать положение. — Тятя ну, что ты такое говоришь? Дарью Александровну рисовать картинки и заставлять то не надо. Ей это в радость. Тем более талант у неё. А что картинки ее продаю, так она сама-то их не продаст, даром отдать может, а продавать не будет. А у неё на руках двое детей. Я и стараюсь помочь. Вот и вам Анна Николаевна хотел помочь.

— Помочь? Мне? — Непритворно изумилась красавица.

— Вам, Анна Николаевна, вам. Неужели вам не бывает скучно от однообразия жизни? Бывает же! А начнете писать, всякую скуку как рукой снимет. Тем более сюжет интересный. — Надеялся я всетаки заполучить прекрасную соавторшу.

— Что за сюжет? — Наконец-то любопытство победило упрямую красавицу.

— Сюжет хоть интересный, но простой. Вы ведь читали сказку «Гадкий утенок»?

— Читала в детстве.

— А теперь представьте, что живет девушка лет семнадцати. Нежная, романтичная, с прекрасными белокурыми волосами и не менее прекрасными голубыми глазами, но вот беда, в результате перенесенной в детстве болезни, очень полная, скорее даже толстая. И вот однажды в город, если она барышня городская, или в имение, где она живет вместе с одним из родителей, приезжает очень красивый молодой человек. И, конечно, романтичная барышня влюбляется в этого красавца. Он же, никакого внимания на неё не обращает и, более того, она ему неприятна и он всячески ее избегает. Когда, наконец, молодой красавец уезжает, то наша барышня, пострадав и поплакав, решает изменить себя и садится на диету и тренировки. Поскольку от природы она обладает сильным характером, то рано или поздно добивается своего, и постепенно превращается в очень красивую девушку, ну как вы Анна Николаевна. Потом снова встречается где-нибудь того красавца. Он, конечно, ее не узнает и начинает за ней ухаживать, а она постепенно начинает прозревать и видит, что за красивой внешностью скрывается пустой, недалекий человек. И после всяких перипетий, она выходит замуж за соседского парня, который любит ее с детства. Ну как вам такой сюжет, Анна Николаевна?

Красавица мечтательно вздохнула и произнесла:

— Сюжет хорош, хотя я бы его переделала.

— Так в чем дело. Беритесь и переделывайте как хотите, если что не так получится, подправим вместе с вами. Потом в журнал какой либо пошлем, а то и сами напечатаем в местном издательстве.

— Так нет у нас такого издательства.

— Нет, так создадим.

Аннушка еще раз вздохнула и сказала:

— Нет, не возьмусь. Не умею я писать.

Потом, видя мое разочарование, ее отказом сочинять, засмеялась и произнесла:

— Но я знаю одну особу, которая, пожалуй, согласится написать такой роман.

— Вот как! И кто же эта особа. — Воспрянул я духом.

— А вот не скажу. Сначала сама с ней поговорю.

— Хорошо. — Легко согласился я и добавил. — Если роман напишете, то иллюстрации к нему лишними не будут. Будет работа для художницы.

— Алексей вы же обещали познакомить меня с Дарьей Зотовой, и так не познакомили. — Вспомнила Аннушка.

— Прошу прощения Анна Николаевна, дел много, замотался. — Я достал часы, глянул время. — А давайте прямо сейчас и съездим, хотя можно и пешком тут не так далеко.

— А давайте. Но толькождемся, когда Варвара с Глашей с прогулки вернутся.

Ждать пришлось не долго. Минут через пять в комнату ворвался розовощекий вихрь, который завопил с порога:

— Мама! Мама! А мы видели, как ворона с кошкой дралась!

Но увидев нас, будущая великая ведунья застеснялась и, подбежав к сидящей матери, спряталась, уткнув нос в ее колени. Вошедшая следом Глашка, получила от хозяйки указание:

— Глаша, если придет Сергей Петрович, то пусть меня подождет. Я с Софрон Тимофеевичем и Алексеем к женщине-художнику съезжу.

Услышав это, Варвара вмиг забыв, что она стесняется, закричала:

— И я, и я! Я то же хочу к тетеньке, которая рисует.

Аннушка глянула на меня. Я кивнул, «возьмем мол» и сказал:

— Пойду извозчика поймаю. Тятя ты как, с нами едешь или домой пойдешь.

— С вами. Гляну как там у Свирида дела.

Через двадцать минут мы уже подкатывали к дому художницы. Заплатив извозчику велел ему нас дожидаться, а чтоб тому лучше ждалось обещал заплатить вдвое. Тот с радостью согласился подождать нас. Дед сразу же отправился инспектировать строительство, а мы втроем уже стучались в дверь Зотовых. Двери открыла Настена. На вопрос: «Дома ли мать?» ответила утвердительно и впустила нас комнату.

Дарья уже ждала нас. Мы поздоровались, и хозяйка ответила, удивленно глядя на посетительницу с дочкой.

— Дарья Александровна позвольте представить вам Анну Николаевну Глебову. — Церемонно произнес я и, хотел было представить гостье Дарью, как Аннушка воскликнула:

— А нас уже познакомили. Дарья Александровна помните, год назад, мы с вами познакомились на юбилее у Бергов.

Дарья неуверенно кивнула, а непосредственная Аннушка быстро подошла к хозяйке обняла её и чмокнула в щечку. Та немного заторможено ответила. Затем Аннушка взяла за руку дочь, которая хвостиком бегала за ней.

— Варенька, поздоровайся с тетенькой и иди, поиграй с девочкой.

Та послушно изобразила нечто вроде книксена и пошла к Настене, которое во все глаза смотрела на явление нашей красавицы Аннушки в их доме. А та продолжала говорить, сглаживая некоторую неловкость первой встречи.

— Мы и не подозревали Дарья Александровна, что вы так хорошо рисуете. А можно посмотреть другие рисунки, а то я видела всего три. Их мне Алексей подарил. А сейчас вы над чем работаете?

Дарья под этим напором несколько растерялась и бросала на меня откровенные взгляды, явно ожидая помощи. Пришлось вмешаться:

— Анна Николаевна не смущайте хозяйку. Я забрал у неё все рисунки. Теперь они находятся в «Ювелирном салоне» господина Гуревича. Там их можно и посмотреть, и даже купить. А Дарья Александровна сейчас, наверное, пишет картину для доктора Горского.

Дарья утвердительно кивнула. Я же мельком подумал, что так и не расспросил Мишаню, покупают или нет рисунки нашей художницы. Ладно, это не страшно, позже спрошу. Аннушка при упоминании доктора Горского откровенно развеселилась и, улыбаясь, сказала:

— Александр Ионович картину вам заказал? Как интересно! А можно взглянуть на неё? Ну, хотя бы одним глазком.

Мало нашлось бы людей способных отказать Аннушке в её маленькой просьбе. Вот и Дарья не устояла и провела нас в комнату с мольбертом. Убрав с мольберта, закрывающую холст, тряпку, она отошла чуть в сторону, чтобы дать нам возможность посмотреть картину.

На мой взгляд, картина была закончена, по крайней мере, она была увеличенной, но точной копией акварельки, что лежала рядом на столике.

— Дарья Александровна, что вы мучаетесь, картина же уже написана. — Постарался я приободрить художницу, которая с отрешенным и недовольным видом рассматривала собственное творение.

— Нет. Но я не могу понять, что еще нужно сделать.

Ох уж эти мне творцы, вечно не довольные собой. Вспомнив суриковское: «Сани не едут!», сказанные им по поводу творческих мучений при написании «Боярыни Морозовой», пошутил:

— Что ветер не дует и трава не растет?

Дарья рассеянно кивнула, скорее даже не поняв, что я сейчас сказал. Аннушка, чуть склонив голову набок, рассматривала картину и хмурила брови, пытаясь видимо уловить ускользающие ощущения. Наконец она глянула на Дарью и выдала:

— А я бы вот тут и тут нарисовала две березки небольшие. — Указала пальцем на холсте места, где бы она хотела видеть эти пресловутые березки.

Дарья впиалась взглядом в эти места на картине, потом схватив кисточку и смешав на палитре краски, стала уверенными мазками наносить их на полотно, забыв в творческом угаре о нашем присутствии. Мы с Аннушкой молча, наблюдали за работой художницы. Наконец сделав последний мазок, она отошла от картины и стала ее разглядывать. Черт! А ведь действительно эти две березки как-то преобразили картину, сделали её более многозначной что ли. Между тем Дарья, видимо углядев какие-то недостатки, решительно шагнула к мольберту и стала тыкать кисточкой в палитру. Мы с Аннушкой практически одновременно воскликнули:

— Не надо! Не поправляйте?

Она оглянулась на нас и, снисходительно усмехнувшись, нанесла еще пару мазков, затем поставила свою подпись в углу полотна. Отойдя, оглядела картину и, как бы очнувшись, снова стала прежней Дарьей, несколько застенчивой и неуверенной в себе.

— Анна Николаевна, а как вы догадались что нужно добавить в картину березки. — Тихо спросила она.

Аннушка пожала плечами, и беспечно ответила:

— Не знаю. Мне просто так захотелось. А что?

— Анна Николаевна, можно я ваш портрет напишу? — Не отвечая на вопрос, произнесла художница.

— Мой портрет? — Удивилась красавица. — Но это, наверное, дорого?

— Я просто так его напишу не за деньги. — Робко сказала Дарья.

— Соглашайтесь Анна Николаевна. — Обрадовался я. — Мы с Дарьей Александровной вам его подарим.

— А вы-то Алексей здесь причем? — Улыбнулась Аннушка.

— Вы, наверное, забыли Анна Николаевна, но я с некоторых пор являюсь агентом по продаже произведений Дарьи Александровны и пятьдесят процентов стоимости ее картин мои.

— Ну, раз так, то я согласна. — Засмеялась Аннушка.

Расставались женщины уже лучшими подругами. Когда мы с Аннушкой и Варенькой вышли на улицу, то нам встретилась, спешащая на помощь Дарье, баба Уля. Увидев меня, она притормозила:

— Это ты барчук! А я уж думала, что опять Дерька, пьянчуга этакий, приперся.

— Не придет Дермидонт — уехал. Говорят, допился до черных чертей и уехал.

— Ну и слава тебе господи. — Перекрестилась Тетка Ульяна и шмыгнула в дверь, узнать у хозяйки новости.

Извозчик, завидев нас, шлепнул вожжами по крупу лошади и подкатил поближе. Деда ждать не стали и покатали к Глебовым. Там я сдал на руки хозяина дома его драгоценных женщин. Потом зайдя в его кабинет, выдал Сергею Петровичу аванс в три тысячи рублей, сказав, что остальные две выдам, когда привезем его тещу.

На этом все дела в городе были завершены. И вот мы уже громоздимся на паром через Обь.

Четыре дня мы ползли до Сосновки. Четыре долгих скучных дня. Нет, надо изобретать не самолет, а автомобиль — «телегу, мать её, самобеглую». Но автомобиль построить, пожалуй, не легче чем самолет. Ведь что главное в машине? И это не мотор, не кузов и не кардан с прочими прибабасами. Главное в автомобиле это колеса. Именно колеса делают автомобиль автомобилем. А с колесами нынче плоховато, а вернее, нет их пока. Тележные есть, а автомобильных нет. Хотя может в Европе или Америке их уже делают, но скорее всего тележные приспособливают. Но на тележном колесе машина далеко не уедет. Еще гоголевские мужики спорили: «доедет ли колесо до Киева или не доедет». Так вот! Не доедет! Однозначно! Резина нужна и много резины. Изобретать надо и покрышку, и камеру, и стальные обода со спицами, хотя возможно, что все это уже изобретено. Но главное — резина.

Резину, конечно, делают, вон галоши шлепают только так, вулканизацию уже освоили. Но искусственного каучука ещё нет, а гевея растет только в Южной Америке. И как в такой обстановке прогресс бедному попаденцу двигать. Чего нехватишься, кругом нижняя часть спины.

Блин! Когда же доедем! А то уже со мной «ипохондрия» случилась от скуки. Мысли вон одолевают. И сплошь негативные. Хотя, надо сказать, что мы с парнями в Барнауле хорошо отметились и, самое главное, свалили вовремя. Правда некоторое беспокойство вызывает Гуревич М.И., но он видел только бородатого Бендера, напугавшего его до икоты. Еще есть сестрица его, Сара-Серафима, но за ту я спокоен. Благодаря мне она избавилась от провинциальной скуки, и занялась делом, в прибыльность, которого не верит, но пока я финансирую это мероприятие, работать будет на совесть.

Шоу-бизнес дело интересное и затягивающее. Только вот когда вдруг оно начнет приносить прибыль, тогда с ней надо держать «ухо остро», думаю, что мадам постарается меня кинуть. Но это дело будущего, да и затея с Кафе-шантаном в небольшом городке уже не кажется мне такой перспективной, в плане прибыли, но вполне на уровне в плане веселья. Хотя при успехе можно пароход арендовать и двинуть на гастроли. Песни в танцевальном сопровождении, думаю, слушать будут. И канкан если его правильно подавать и рекламировать, люди при деньгах смотреть будут. Есть там один прием, который заставит их раскошелиться. Пусть всего один раз, но изрядно.

Ладно, хватит скользить «мысью по древу», почти приехали. Вон за тем поворотом и Сосновка. Сразу вспомнилось:

Вон то село над коим выются тучи,

Оно село родимое и есть...

Тучи над Сосновкой не вились. Последние деньки бабьего лета радовали прозрачностью далей и голубизной неба. Под ясным осенним солнцем родная деревне не выглядела замарашкой. Высыпавшая навстречу обозу детвора, была крикливой и многочисленной. А ведь по сравнению с теми селами, что мы проезжали, детишек было многовато.

— Тятя, мне кажется или ребятишек у нас действительно больше, чем в других селах? — Спросил я шагающего рядом деда.

— Не кажется. — Отозвался дед. — У нас в селе за последние десять лет умерло только семь ребятишек. В остальных деревнях не по одному десятку схоронили.

— Вот как? — Удивился я. — И что ж такое в нашей деревне есть, что так повлияло на смертность детишек?

— Савватеевна есть. — Сказал дед. — За время, что она живет в селе два раза детей от лихоманки спасала. И замечено, если Савватеевна роды примет и ребенка в руках подержит, то тот растет здоровым и болеет редко.

— Надо же. — Пробормотал я.

А ведь я как-то не придавал никакого значения этому роду деятельности знахарки. Пожалуй, это самое главное, что сделала для села Баба Ходора. Дальнейшие размышлизмы прервала лохматая туша, выскочившая из-за угла и чуть не свалившая меня в дорожную пыль.

— Кабай! Кабаяшка. — Я отстранил, норовящего облизать меня пса и потрепал его по холке. Вспомнив про ошейник, нашел его в одном из мешков и нацепил на лохматую шею. Кабай сначала недоуменно повертел головой, глядя на меня вполне осмысленно. Затем как будто, что-то понял и зашагал рядом, важный как полковник, который только что заполучил генеральские погоны.

Егорка с матерью ждали нас на улице перед воротами. Завидев, появившиеся из-за угла телеги с покупками и подарками, Егорка с радостным криком понесся навстречу. Одаренный конфетами он схватил за руку брата и не отпускал до самых ворот. Потом были и раздача подарков, и расспросы, и банька с дороги, и ужин, где дед разрешил нам с Архипкой остограммиться.

На следующий день нас снова собрал дед. Отчитываться заставил меня. Иван с Кузьмой слушали молча и не доверчиво. Часто оглядывались на деда. Тот подтверждаючи кивал. Особенно их проняла покупка парохода:

— На кой ляд нам этот пароход? Столько деньжищ ввалили... — Не понял ценности покупки Иван.

Кузьма, переглянувшись с Митькой, произнес:

— Ты Ванька не туды смотришь! Ежели бы пароход был пустой без команды тогда бы да. А с капитаном и с умелой командой пароход нам как находка. Мы к нему лодки, что ты из досок построишь, нацепляем и в Тюмень зерна куда как больше притащим. Это тебе не на веслах плюхать. Вот и Митька подтвердит.

Митька спорить с отцом поопасался, но согласно кивнул. Я в свою очередь добавил:

— Пароход по-разному можно использовать. На будущее лето посмотрим как лучше. Толи прямо из Барнаула лодки с зерном до самой Тюмени тягать. Тогда надо вместо лодок баржу строить. А толи держать пароход в устье Иртыша и таскать вверх по Иртышу лодки, которые пригоним вниз по Оби на веслах.

— Ну, если так, то ладно. — Пробурчал Иван.

— Дядька Кузьма, как у нас с покупкой зерна? — Спросил я

— Покупаем, но тут кроме нас еще перекупщики появились, перебивают.

— Тогда и ты цену подними повыше, деньги теперь есть. А хранить где будем?

— Часть у Жабина разместим, часть в наших амбарах. Не хватит — амбар не долго построить.

— Ну а сам Жабин как, тоже скупает?

— У него своего зерна много. Хороший урожай нынче получил, а скупать ему сейчас денег не хватает. Ведь как Савва Зырянов того... сгорел, его сыновья друг с другом перелаялись, все распродают и из села наладились, кто куда. А Жабин у них всё и скупает, и лавку, и заезжий дом, и остальное. Теперь он будет первый богачей на селе. — С усмешкой

сказал Кузьма.

Я выразительно поглядел на деда. Тот понял мой взгляд и лишь крякнул. Придется ему одному прииском рулить. Ладно, время еще есть обмозгуем всё. Может действительно организуем там «Учебно-трудовой лагерь для трудных подростков села Сосновки и окрестностей». На этом я хотел совещание закончить, но дед вдруг спросил:

— Ванька лесопилка твоя работает?

— А чего ей. Пока речка не встала, работают мужики. Досок напилили, торгуем ими помаленьку.

— Не крадут доски то?

— Как не красть, приворовывают понемногу. Я тут на днях ездил туда. Поучил кой кого, так притихли маленько.

— А работникам как платишь, не забижаешь?

— Не жалуются. — Иван как всегда был не многословен.

— Хорошо коли так. — Дед поднялся, давая понять, что совещание закончено. — Схожу к Федьке, узнаю, чего он там удумал.

Я же, взяв Архипку в напарники, потащил подарки и письмо нашей ведунье и её ученице. Обеих застали сидящими за столом и разбирающими какие-то травы. И знахарка и Катька, подняв склоненные головы, как-то враз глянули на нас.

— Здравствуйте девушки. — Громко сказал я.

Архипка тоже пробормотал, что-то неразборчивое. Феодора Савватеевна на фамильярное приветствие не обиделась и ответила:

— И вам не кашлять юноши.

Смешливая Катька лишь прыснула в кулачок. А Баба Ходора, насмешливо оглядев нас, одетых в новенькую охотничью форму, сказала:

— Проходите гости дорогие. Присаживайтесь вот на стулья. Сейчас мы с Катюшей со стола уберем и будем вас потчевать.

— Что значит потчевать? — Изобразил я недоумение. — Если потчевать березовым веником, то мы с Архипкой не согласны и вмиг сбежим, а если чаем да еще с медком и Катькиными плюшками, то мы все ваши.

— Чаем, чаем. — Успокоила меня Савватеевна. — И медок есть. Плюшек только нет, зато есть хлеб свежий.

— Ну, тогда ладно! — Оставил я за собой последнее слово.

Когда знахарка с Катькой убрали со стола траву и, протерев столешницу, хотели ставить на него самовар, я остановил их.

— Подождите! Вот примерьте! — И мы выложили на стол женские шубки.

Черные, отороченные белым мехом, те смотрелись очень неплохо. Савватеевна, хмыкнув одобрительно, быстро накинула шубу на плечи, сунула руки в рукава и застегнула пуговицы. У меня отлегло от сердца — шубка пришлась впору. Выглядела в ней ведунья молодо и изящно. Как и всякая женщина она тут же захотела посмотреть на себя в обнове, но имеющееся зеркало было небольшим и полной картины не давало. Досадливо нахмурясь, она, склоняя голову, то вправо, то влево попыталась все-таки рассмотреть себя, но не слишком успешно.

— Отлично смотрится! — Прокомментировал я. — Как на тебя шили.

Катька, держа в руках свою шубку, с восторгом следила за наставницей. Та, оставив тщетные попытки рассмотреть себя, обратилась к подопечной:

— Ну-ка ты Катюша примерь свою. Я хоть со стороны гляну, как сидит.

Та не чинясь, накинула на себя подарок и завертелась, давая нам разглядеть себя. Шубейка была чуть великоватой, но сидела неплохо, а для деревни так и вовсе выглядела по королевски. Архипка, смотрел на знакомую с детства девчонку и как будто видел её впервые. Как бы не запал хлопец на малолетнюю красотку. Мне ведь она тоже нравится. «И что тогда делать будем?»- представив своё соперничество с Архипкой, я чуть не засмеялся.

— Тоже отлично смотрится. Ну прямо камень с души... Всю дорогу боялся, что не подойдут. — Облегченно вздохнул я. — Но это ещё не всё. Архипка доставай книжки.

Тот выложил на стол десяток книг, которые мне всучил книжный дед Иванцов, заверив, что дамам эти книги понравятся. Катька, увидев такую кучу книжек, радостно пискнула и, забыв про обновку, стала их перебирать и разглядывать. Видимо девица пристрастилась к чтению и, перечитав имеющуюся у наставницы литературу, испытывала информационный голод.

Савватеевна с понимающей улыбкой посмотрела на свою подопечную и сказала, обращаясь к нам:

— Спасибо! Угодили с подарками.

— Мы старались Феодора Савватеевна. — Сказал я, а мой друг Белый лишь покивал.

А ведь Архипка реально знахарку побаивается. Та же сняв и сложив свою шубейку, сказала Катьке:

— Катерина хватит книжки разглядывать. Разоблачайся и давай накрывать на стол.

Потом мы пили чай и развлекали женщин рассказами о Барнауле. Я намеренно не стал сразу отдавать знахарке письмо от дочери, хотя она и смотрела на меня выразительно. Потерпит, ничего с ней не сделается. Видимо, что-то поняв, она перестала, есть меня глазами, а стала расспрашивать про внуку, про дочь и зятя. Я как мог, постарался удовлетворить её любопытство.

Сказал, что деньги на покупку дома дед передал Анне с зятем и, что те уже дом присмотрели и, даже, отдали задаток. Теперь ждут, когда хозяйева его освободят. Как только это случится, они сообщат ей с оказией. Тогда мы с дедом и перевезем её и Катьку со всем скарбом в город. Катька, услышав это, вопросительно посмотрела на наставницу. Та утвердительно кивнула и Катька радостно заулыбалась. Хотелось девчонке вырваться к новой жизни. Я же решив, что пора прощаться протянул письмо знахарке.

— Письмо тебе передала Анна Николаевна. Там все подробности. — Произнес я и стал прощаться. — До свидания Феодора Савватеевна.

Архипка тоже попрощался. Савватеевна, поглядев на ерзающую Катьку, которой явно желала удрать домой, чтобы похвастаться шубкой и почитать книжку, но без разрешения наставницы убежать не смела, сказала:

— Иди Катюша и шубу свою с книжкой возьми. Завтра приходи, доделаем, что начали.

Та быстро подхватила подарок, покопалась в книгах, выбрала одну, пулей метнулась в дверь, крикнула уже из сеней:

— До свидания! — И исчезла.

Знахарка посмотрела ей вслед, покачала головой и, обратившись к нам, произнесла:

— И вам ребята до свидания. — Потом добавила. — Алексей зайди завтра.

Видимо ведунье есть что рассказать или приватно побеседовать. А сейчас ей не терпится прочитать письмо от дочери.

— Хорошо, Феодора Савватеевна. Заскочу обязательно.

И мы вышли вслед за Катькой на улицу. Но той Катьки след уже давно простыл.

На улице я хлопнул друга по плечу и сказал:

— Никак тебе Катька понравилась?

— С чего ты это взял? — удивился Архипка.

— Ты так её разглядывал, как-будто первый раз видишь.

— Так она в этой шубе как барыня. Вот и смотрел.

— Разве она тебе не нравится?

— А чего там нравится! Тошная как доска, носится как сумасшедшая, да ещё и тараторит как сорока. — Обозначил парень конкретные недостатки обсуждаемой девицы.

Нда... Тяжелый случай! Деревенские представления из парней наверное и с корнем не выдрать.

— Но бог с ней, с Катькой. Удрала уже. — Засмеялся я. — Пойдем лучше на речку. Постреляем немного, потренируемся.

— Пошли. — Обрадовался Архипка. — Только надо и пацанов с Митькой позвать.

— Митьку звать не будем. Он пускай Машку Лучкину на машинке шить учит. Когда научит, будем с ней параплан делать.

— Чего делать? — не понял иностранного слова Архипка.

— Параплан! Крыло большое из шёлка. Если получится, будем учиться летать на нём.

— Ты же про самолет говорил.

— Эх Архипка, похоже, с самолетом я погорячился. Для самолета мотор нужен мощный и легкий, а такого пока нет.

— И чё теперь? Не будем, значит, самолет делать? — Расстроился парень.

— Будем! Обязательно будем, но попозже. — Попытался обнадежить я друга.

Архипка шумно вздохнул и некоторое время шел, понурившись, но веселый нрав и предвкушение удовольствия от пострелушек, сделали своё дело и к дому мы подошли оба в прекрасном настроении. Возле наших ворот нас уже ждали Тоха с Греком. Увидев друзей, Архипка помахал им руками и заорал издали:

— Пацаны! Айда на речку тренироваться.

— Чего тренировать? — Дождавшись когда мы подойдем, спросил обстоятельный Платоха.

— Постреляем немного. — Пояснил я.

— Так мы револьверы дома оставили. — Растерянно сказал Антон.

— Ерунда! Мы с Немтырем свои возьмем, все равно по очереди стрелять будем. — Разрулил ситуацию Архипка.

Через полчаса мы были уже на берегу, и жгли патроны, стреляя по очереди и на спор. К моему удивлению всех обошел Платошка-Грек. У парня явно талант к стрельбе, хотя не сильно от него отстали и мы с Архипкой. Антоха же отстрелялся похуже нас, но не особо огорчился этим фактом. Одним словом хорошо провели время.

На следующий день зашел к ведунье. Застал её перебирающей какие-то корешки. Увидев меня, она отложила корешки в сторону и сказала:

— Садись, сейчас самовар поставлю, чаю попьем.

— Не надо чаю, пил уже. Давай сразу к делу. Что-то случилось или просто поговорить решила. — Взял «быка за рога» я.

Ведунья на мою невежливость не обиделась, а с видимым интересом стала меня рассматривать. Наконец произнесла:

— А ведь ты Алексей сильно изменился за эти три недели, что я тебя не видела.

— Это как изменился, постарел что ли?

— Можно и так сказать, но скорее повзрослел и обликом, и поведением уже не похож на мальчишку. Те, кто каждый день тебя видит, этого не замечают, а я почти месяц тебя не видела, так мне заметно.

— Блин. Повзрослеешь тут. — Пробурчал я, вспоминая свои приключения в городе.

— Что и в Барнауле покуролесил? — С пыливой усмешкой спросила знахарка.

— Что значит «и в Барнауле», а еще где?

— Да ладно тебе! — Махнула рукой женщина. — Я же еще из ума не выжила, два на два умножить могу. Да ты сам тут грозился кого-то плясать заставить. Что пляшут уже? — Насмешливо спросила женщина.

— Не пляшут. — Процедил я. — Пока только приплясывают, да и то не те, кому надо. А два на два умножать лучше в уме.

И я попытался посмотреть на знахарку своим фирменным расфокусированным взглядом, который так пугал беднягу ювелира. Но в отличие от Михеля та не испугалась, а искренне расхохоталась.

— Где же ты так зыркать научился, не знала б тебя, испугалась бы.

— Испугаешь тебя, как же.... — Пробормотал я, чем вызвал ещё один приступ веселья, который впрочем, быстро прошёл.

— Ладно посмеялись и хватит. Ты мне скажи, ничего за собой не замечаешь?

— А должен? — По еврейски вопросом на вопрос ответил я, но видя серьезное выражение лица Савватевны, сдал назад. — Ничего не замечаю, вроде всё как всегда.

— Никаких особых способностей не появилось? — Продолжала допрашивать женщина.

— Да вроде нет. Хотя постой. — Задумался я вспоминая. — А ведь ты похоже права. Опасность вроде я стал чувствовать.

— Ну-ка — ну-ка! Расскажи где и как это было.

— Первый раз, когда Рябой деду руку прострелил. Мы там с дедом вкалывали как проклятые, я и вымотался. Дед решил выходной устроить. Меня на рыбалку отправил вместе с Кабаем, а сам остался. Эти утырки и подкрались к нему. Я в верстах двух был, на другой речке, но как-то почуял, бросил удочку и к деду на помощь побежал. А второй раз уже в Барнауле, вечером по темноте ограбить меня хотели. Двое поджидали, третий сзади шел. Не знаю почему, но мне жутко не захотелось идти вперед, я спрятался, а когда тот, кто за мной шел, меня потерял, то я сам за ними проследил. Так и спасся.

— Вот как. — Задумчиво протянула знахарка. — Встретился, значит с Рябым. И что, небось резал его по кусочкам.

— Нет не смог. Пристрелил только. — Сознался я.

— А тех в Барнуле?

— Те живы. Попугал немного. — Засмеялся я, вспомнив про Дермидонта.

— Это хорошо. Вот видишь и тебя ларец одарил.

— Это может быть случайность. Ведь и было то всего два раза.

— Не случайность! — Уверенно сказала Савватеевна. — А два раза.... Значит, настоящая опасность тебе всего два раза и грозила.

— Может быть, спорить не буду. Но ведь и ты приборчик на себе испытывала. Вижу, что помолодела маленько, а кроме этого что ещё?

— Видеть я стала.

— Видеть? Что видеть?

— Эту как её... Ауру. Вот её и вижу теперь.

— Шутишь! — Удивился я.

— Какие шутки. Одарил меня ларец, теперь не знаю, что с тем подарком делать. — Как-то не весело произнесла женщина.

— Не понял. Ты вроде как не рада тому, что ауру видеть стала.

— Мешает она мне. Когда руками лечу еще ничего, а вот с отварами беда.

— В чем беда-то?

— Как ты и говорил все органы немного по разному светятся. Здоровый в зеленый отдает, а в больном чернота копится. Даю отвар от простуды, чернота из груди уходит, зато в других местах появляется.

— А вот в чем дело! — Засмеялся я. — Так и должно быть. Если твой отвар, скажем, легкие лечит, то может другой орган травить. А то, что ты видишь действие своих лекарств, это хорошо. Ведь там все дело в дозах, причем все люди по-разному реагируют. Вот и смотри кому сколько чего давать, чтобы вылечить и не сильно навредить.

— Да понимаю я это, но боязно. Когда не видишь как-то проще.

— Ладно, не жалуйся. Научишься правильно новые способности использовать, только не слишком афишируй, лучше, если кроме меня никто и знать не будет про ауру.

— А никто и не знает, не из болтливых я. Но вот с тобой поделилась и вроде как легче стало. Но я хотела с тобой поговорить о Катерине.

— О Катьке! И что с ней не так? — Обеспокоился я.

— Да все так и не так. Учиться ей надо. Я, конечно, её учу, но ведуньей она не станет. Поздно, и способностей маловато, а вот голова светлая и ум острый.

— Ну, это не большая проблема. В городе найдешь ей учителей, а там и за границу отправим, если нужно будет. Деньги есть.

— А заневестится?

— Черт! Беда с этими девками. Рано ей ещё. Вот будет лет восемнадцать тогда и посмотрим. Слушай а может на Катьке приборчик испытаем.

— Опять ты за своё. Кто его знает как этот ларец действует, может помрем от него завтра, а ты на ребенке хочешь пробовать.

— Ладно, не шуми, пошутил я. И вот еще что, присмотришь к ребятишкам в нашем селе, с попом поговори, может ещё кто способный к наукам найдется, кроме Катьки.

— Зачем тебе это.

— Для тех дел, что я задумал, люди нужны. Умные и образованные. Вот и будем готовить. У тебя всё или ещё, чего рассказать хочешь.

— Всё, всё. — Засмеялась знахарка. — Беги давай. Встретимся ещё.

Конец второй книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net